

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Траутман Евгения Анатольевна

**РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

08.00.01 – Экономическая теория

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук, доцент
Бельская Галина Станиславовна

Томск – 2015

Оглавление

Введение	3
1 Системно-функциональный подход к исследованию экономической культуры современного общества	11
1.1 Место экономической культуры в функционировании социально-экономической системы: понятие и формы взаимодействия	11
1.2 Историко-эволюционные основания и факторы развития экономической культуры общества	44
1.3 Институциональные аспекты экономической культуры и её роль в формировании социально-экономических институтов	67
2 Предпосылки формирования и оценка функционирования экономической культуры инновационного типа	92
2.1 Необходимость формирования экономической культуры инновационного типа как ключевой фактор развития	92
2.2 Формирование показателей оценки развития социально-экономической системы и её институтов на основе экономической культуры масс населения	124
Заключение	152
Литература	159
Приложение А Структура ВВП США	184
Приложение Б Структура ВВП России	190

Введение

Актуальность исследования. В современных условиях, учитывая ускоряющиеся темпы мирового развития и ориентацию на инновации, проблемы эффективности функционирования институтов приобретают всё большую остроту. Страны, относящиеся к категории развивающихся, занимаются поиском причин высокой эффективности функционирования отдельных институтов в одних странах и их полной неэффективности или нежизнеспособности в других. Заимствование опробованных институтов отнюдь не гарантирует их успешное функционирование. Импорт институтов, катализируемый процессом глобализации в экономике, политике, культуре и т.д., не всегда приводит к ожидаемым результатам. В силу различий в предшествующем развитии движение к одной точке происходит по различной траектории. В связи с этим к началу XXI в. культурное самоопределение отдельных государств и регионов стало превалировать над мировой универсализацией культурных ценностей.

Усложнение общественных отношений обуславливает необходимость перехода к междисциплинарным исследованиям. В рамках данной работы анализ социально-экономического развития через призму духовно-культурных особенностей позволяет провести более глубокое изучение процесса формирования институтов, не исключая факторы, упускаемые из виду в рамках монодисциплинарных подходов.

Выбор направлений и инструментов развития экономики является актуальной проблемой для любой страны. Проблемы, связанные с импортом институтов, формированием новых взамен устаревших, поддержанием жизнеспособности и стремлением к наращиванию эффективности уже имеющихся институтов, постоянно повышают значимость дальнейших исследований. Поиск истоков современных проблем в области формирования социально-экономических институтов и вариантов их решения способен гарантировать с определённой вероятностью избежание риска возникновения аналогичных проблем в будущем. Исправление ошибок институционального

строительства с каждым годом становится всё дороже для общества, это происходит потому, что с течением времени любой институт укореняется в экономической культуре в качестве стереотипов поведения, а также порождает вокруг себя на её основе ряд вспомогательных институтов, обеспечивающих своё функционирование. В связи с этим изучение социально-экономической системы через призму особенностей духовной и экономической культуры, влияющих на институциональную эффективность экономики, объясняет и обосновывает возрастающий интерес к исследованиям, лежащим в плоскости пересечения таких наук, как социальная экономика и культурология.

Состояние научной проработанности проблемы. Различные аспекты модернизации социально-экономических систем и влияние на данный процесс духовно-культурных особенностей исследованы в работах отечественных и зарубежных авторов в области экономической теории, теории систем, социальной экономики, институциональной теории и т.д.

Среди исследователей системного подхода можно выделить ряд российских и зарубежных авторов: Л. Берталани – основателя общей теории систем, И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина – советских философов и методологов науки, в своих работах уточнивших понятийный аппарат и методологическую природу системного подхода, Т. Парсонса и М.С. Кагана, применяющих теорию систем в гуманитарных науках. Вклад в развитие системного подхода внесли томские ученые: Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко, являющийся одним из основоположников теории системного анализа, а также В.П. Тарасенко, Б.А. Гладких, В.З. Ямпольский и др.

Исследование природы и сущности феномена экономической культуры базируется на работах социологов и социологов-экономистов, таких как Л.Н. Пономарев, В.Д. Попов, В.П. Чичканов, А.А. Аузан, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, Г.Н. Соколова, А.К. Уледов, Я.И. Кузьминов, Т.О. Ефременко, Ж. Сапир, И.М. Миннегалиев и др.

Анализ общественного развития опирается на работы представителей унитарно-стадиального подхода: Д. Белла, О. Конта, Ж.-А. Кондорсе, А.

Фергюсона, Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса и др., стремящихся выделить сходные периоды в развитии общественных систем, а также сторонников плюрально-циклического или цивилизационного подхода, изучающих развитие общественных систем через призму их культурной уникальности: Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, А.Л. Крёбера, П. Сорокина и др.

Институциональный подход получил широкое распространение в современных экономических исследованиях, в основу данной работы легли воззрения таких ученых-институционалистов, как Д. Норт и Дж. Уолис, Т. Веблен, У. Гамильтон, Д. Коммонс, Р. Ланглуа, Д. Э. Шоттер, Р.М. Нуреев и др.

Среди исследователей, изучающих закономерности противоречивого процесса институциональной эволюции социально-экономических систем, особое место в данной работе занимают труды А.А. Давыдова, А.М. Суховского, Б. С. Гладарева, Р.М. Нуреева, П.В. Крючковой, Е. С. Гвоздевой, Е.М. Авраамовой, В.Э. Багдасаряна, В.М. Межуева. В работах данных исследователей описывается процесс трансформации некоторых социально-экономических институтов на Западе и его особенности при переходе российской экономики от командно-административной к рыночной социально-экономической модели хозяйствования.

В ряду экономистов, на трудах которых базируются основные расчеты, связанные с оценкой эффективности социально-экономических институтов, можно назвать В.А. Ключню, А.В. Черновалова, Ю.А. Карпова, Т.П. Скуфьину, В.Е. Кокорева, Х. Демсеца, Д.В. Феоктистова, А.С. Тодорова, В.Ю. Бурова и т.д.

Также теоретической основой исследования стали работы экономистов, социологов и культурологов, посвятивших свои труды вопросам инновационного развития культуры и экономики, среди них Б.А. Лундвал, К. Фриман, Р.Р. Нельсон, Д. Сабато, Л. Лейдесдорф, М.Э. Портер, А.Ю. Сунгуров, В.И. Пантин, К. Мацууро, И.В. Войтов, Ж.Ю. Кузьмина и т.д.

Широта существующих источников способствовала более глубокому анализу предмета данного исследования, однако при всем разнообразии имеющейся литературы возникает проблема разнородности информации, требующей обобщения и изучения в единстве с целью анализа феномена

экономической культуры и его места в процессе модернизации социально-экономической системы. Таким образом, можно отметить недостаточную степень разработанности темы исследования в литературе. Это усиливает актуальность темы исследования, а также определяет его цель и задачи.

Область исследования. Содержание диссертационной работы соответствует пунктам 1.1 Политическая экономия: закономерности эволюции социально-экономических систем и 1.4 Институциональная и эволюционная экономическая теория паспорта специальности ВАК 08.00.01 – Экономическая теория.

Цель и задачи. Целью диссертационного исследования является определение оснований и способов влияния экономической культуры на модернизацию социально-экономических систем и повышение институциональной эффективности.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач** исследования:

- изучение экономической культуры как системы и определение её места в общественной системе;
- исследование предпосылок становления и развития экономической культуры;
- выявление обусловленности особенностей экономической культуры естественными факторами;
- раскрытие влияния экономической культуры на формирование социально-экономических институтов;
- выделение критериев оценки институциональной эффективности социально-экономической системы как показателя, указывающего направление развития экономической культуры;
- рассмотрение возможных вариантов развития социально-экономической системы России на основе изменения экономической культуры.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, определяющих взаимодействие подсистем социума на институциональном уровне.

Предметом диссертационного исследования является совокупность субъектно-объектных взаимодействий экономической культуры и институтов социально-экономической системы, определяющих модернизацию экономики.

Гипотеза исследования. Экономическая культура выступает ключевым фактором успешности осуществления процесса модернизации социально-экономических систем, как зона межсистемного взаимопроникновения определяет степень жизнеспособности и эффективности институтов, и в зависимости от своих индивидуальных особенностей играет роль катализатора или тормоза в процессе общественного развития.

Методологические и теоретические основы исследования. Методологической базой исследования послужили общенаучные принципы познания социально-экономических явлений и методологические основания институционального подхода. Особое место отведено системному анализу, который в настоящее время считается универсальным и используется как в естественных, так и в социогуманитарных науках.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные и прикладные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению процессов развития и формирования социально-экономической системы, а также духовно-культурных особенностей, определяющих данный процесс.

Информационная и эмпирическая база исследования формируется на основе данных российской и международной статистики, нормативных документов и законодательных актов Российской Федерации, реферативных обзоров, публикаций в периодической печати и сети Интернет, расчётов и результатов, полученных лично автором в процессе проведения анализа функционирования институтов социально-экономической системы России и ряда зарубежных стран, а также материалов научных и практических конференций.

Научная новизна. Среди пунктов научной новизны данного диссертационного исследования можно выделить следующие:

– предложена модель общественной системы, раскрывающая внутреннее строение с позиции субъектно-деятельностного подхода через введение эмпирического инструментария для всех типов составляющих элементов и подсистем, а также обусловленность природы межсистемного взаимодействия зонами естественного и директивного взаимопроникновения подсистем, и расширяющая возможности идентификации места экономической культуры в общественной системе;

– конкретизировано понятие экономической культуры как совокупности элементов трёх типов: экономических знаний, образцов поведения и попарно соединённых с ними оценочных характеристик, формирующих стереотипы экономического поведения, организованной виде трёхуровневой системы, объединяющей на первом уровне экономическую культуру научного сообщества, лиц, принимающих решения и населения, на втором уточняющей внутреннее строение подсистем первого уровня, подразделяя каждую из них на экономическую культуру общества, группы и индивида, а на третьем включающей в себя экономическое мышление и экономическое сознание как подсистемы экономической культуры личности. Предложенное многоуровневое иерархическое описание позволяет проводить анализ внутренних взаимосвязей экономической культуры как системы;

– выявлен алгоритм естественного (эволюционного) формирования институтов социально-экономической системы, позволяющий чётко определять места своей деформации, провоцируемой отторжением формируемого института одной из зон взаимопроникновения общественных подсистем, диагностировать причины возникновения проблем институционального характера в процессе модернизации социально-экономической системы, и способствующий своевременному принятию мер, соответствующих характеру произошедшей деформации экономико-культурной или иной природы;

– предложен комплекс мер, основанный на стимулировании представителей научного сообщества к деятельности, по производству знаний, как типа элементов экономической культуры, определяющего её инновационность и направленный на запуск и интенсификацию процесса инновационного развития социально-экономической системы посредством воздействия на экономическую культуру общества, а также предоставляющий возможность преодолеть негативные тенденции, связанные с систематической неэффективностью формируемых институтов;

– уточнены критерии оценки институциональной эффективности социально-экономической системы (развитость транзакционного сектора, качество жизни, размер и значение неформального сектора экономики), как индикатора успешности процесса модернизации, при определении приоритетности задач выявления и снятия противоречий развития духовно-культурной, социально-экономической и государственно-правовой систем и реализации адекватных механизмов экономико-культурного регулирования.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит, во-первых, в толковании природы экономической культуры как системы, учитывающем разнообразные статические, динамические и синтетические её свойства, позволяющем исследовать данное явление более полно, не исключая из анализа те или иные факторы; во-вторых, в обосновании взаимосвязи экономической культуры и социально-экономической системы на институциональном уровне, в выведении закономерности их взаимодействия, что позволяет проводить анализ социально-экономического развития стран с целью выявления и устранения проблем, порождающих неэффективность функционирования институтов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти при разработке стратегии государственного социально-экономического развития и совершенствовании ее нормативно-правового обеспечения, а также при чтении спецкурсов по экономической культуре для бакалавров и магистров.

Структура работы и краткое содержание работы. Цель и задачи диссертационной работы определили её структуру и содержание. Диссертация состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Первая глава посвящена определению понятия «экономической культуры», её места в общественной системе и роли в функционировании социально-экономической системы. Были проанализированы основные историко-эволюционные основания и факторы развития экономической культуры. А так же исследованы институциональные аспекты экономической культуры, и её роль в формировании социально-экономических институтов.

Во второй главе изучено понятие и природа экономической культуры инновационного типа, как фактора, определяющего развитие социально-экономической системы, а также сформированы показатели оценки развития социально-экономической системы и её институтов на основе экономической культуры масс населения, позволяющие выявить базовые проблемы и определять направления развития.

1 Системно-функциональный подход к исследованию экономической культуры современного общества

1.1 Место экономической культуры в функционировании социально-экономической системы: понятие и формы взаимодействия

В настоящее время вопросы, связанные с влиянием культурных факторов на экономику, поднимаются достаточно часто. Происходит это в связи с тем, что многие социально-экономические реформы, доказавшие свою эффективность в ряде зарубежных стран, заходят в тупик либо приводят к негативным последствиям в других странах. Причина подобных явлений зачастую кроется не в сути самих реформ, а в особенностях почвы, на которой данная реформа реализуется. Для поиска корней указанной проблемы необходимо детальное изучение страновых особенностей. За единицу исследования примем общественную систему отдельно взятой страны и отведём ключевую роль системному анализу.

Многие исследователи посвятили свои труды системному анализу и формулированию определения понятия «система». В работе В.Н. Садовского «Основания общей теории систем» приведён обширный анализ имеющихся воззрений. Проанализировав все доступные варианты, выберем основные, оказавшиеся наиболее уместными в рамках данного исследования. Система представляет собой:

- «упорядоченное определённым образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство»¹;
- «конечное множество элементов и отношений между ними, выделяемое из среды, в соответствии с определенной целью в рамках определенного временного интервала»²;

¹ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 98.

² Гладких Б.А. Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления. Томск, 1976. С. 14.

— «множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми»¹.

Среди основных признаков, на которых базируется понятие любой системы, можно выделить следующие: «1) система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) обычно любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы в свою очередь обычно выступают как системы более низкого порядка»².

Помимо признаков, принято выделять системные свойства, объединяющие все системы и позволяющие идентифицировать их в окружающей среде. Будем опираться на три группы свойств, предложенных Ф.П. Тарасенко: статические, динамические и синтетические³. Системный подход в гуманитарных науках начал использоваться значительно позже, чем в естественно-математических, в силу сложности принятия статико-динамической дуальности тех или иных общественных явлений и процессов. Первопроходцы в данной области обозначились в 1973 г. – это И.В. Блауберг⁴, Э.Г. Юдин, а также М.С. Каган⁵, который предложил использовать данный метод в гуманитарных науках и применять его в рамках анализа статико-динамической природы сложных биологических или социальных систем. Доказав свою состоятельность, однако до сих пор вызывая ряд дискуссий, метод нашёл свою нишу в огромном количестве социогуманитарных исследований.

Общество с точки зрения выбранного нами подхода представляет собой «определённый тип системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданный индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в

¹ Акофф Р. О целеустремленных системах. М., 1974. С. 27.

² Блауберг И.В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969. С. 29.

³ Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ. М., 2010. С. 30–53.

⁴ Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

⁵ Каган М.С. О системном подходе к системному подходу. СПб., 2006.

определённых границах»¹. Докажем правомерность называть общество системой, проверив, обладает ли данное множество элементов основными системными свойствами.

Первое статическое свойство – целостность – предполагает наличие внешней по отношению к системе среды, в данном случае таковой выступает природно-географическая среда.

Второе свойство – открытость, заключающаяся в том, что система, обладающая чёткими границами, не находится в изоляции, а активно взаимодействует со своей внешней средой. Общественная система и природно-географическая среда связаны тесным двусторонним взаимодействием: общество формируется и функционирует в условиях конкретной природно-географической среды и в процессе своего существования изменяет её.

Третьим статическим свойством является внутренняя неоднородность. Предполагается наличие в составе системы подсистем и элементов разного уровня. Рассмотрим общество как сложную систему, состоящую из подсистем или систем более низкого порядка (Рисунок 1): социально-экономической, государственно-правовой и духовно-культурной.

Опираясь на четвёртый системный признак, все подсистемы, включенные в общественную, будем рассматривать как системы более низкого уровня по отношению к ней и анализировать их не только как части целого, но и как отдельные сложносоставные единицы.

Взяв за основу приведенный выше перечень определений понятия «система», рассмотрим все составляющие общественной системы.

Государственно-правовую систему определим как совокупность элементов, условно обозначенную как GP, состоящую из элементов двух типов – G и P. Элементами типа G являются наименования государственно-правовых статусов, в рамках которых может существовать индивид в данной системе. Введём для них условные обозначения: $g_1, g_2, \dots, g_n$ – избиратель, депутат, гражданин, президент, судья, лицо без гражданства, иностранный гражданин, министр и т.д.

¹ Давыдов А.А. Системная социология. М., 2008. С. 70.

Под статусом обычно понимается «...позиция в определенной схеме. Таким образом, вполне корректно говорить, что каждая личность имеет много статусов, так как каждый человек участвует в выражении ряда моделей»¹. Иными словами, индивид может обладать множеством статусов как в рамках одной общественной подсистемы, так и в рамках всей общественной системы в целом. «Статус, в отличие от человека, который может занять его, это определенный набор прав и обязанностей»².

Элементы Р-типа, в свою очередь обозначим их как $p_1, p_2, \dots, p_m$ — это формально закрепленные и обязательные для исполнения образцы поведения (все нормы права, закрепленные в законодательстве). Этот тип элементов отвечает за наполнение статуса набором прав и обязанностей. Взаимодействие совокупности элементов GP осуществляется в процессе воспроизводства государственной упорядоченности и целостности.

¹ Linton R The Study of Man. New York, 1936. P. 113.

² Ibid.

Некое наименование государственно-правового статуса g связано с выполнением одного или нескольких формально закрепленных и обязательных для исполнения образцов поведения (прав и обязанностей) p . Иначе можем записать это в виде следующих наборов: (g_1, p_1, p_3, p_8) , $(g_5, p_1, p_4, p_5, p_7)$ и т.д.

К примеру, индивид, обладая государственно-правовым статусом g_1 – «гражданин» имеет право p_1 – «собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование»¹; p_3 – «участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей»²; p_8 – «избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме»³ и т.д.

В результате наша совокупность элементов государственно-правовой системы может быть условно записана следующим образом:

$$GP: (g_1, p_1, p_3, p_8, p_{10}), (g_2, p_1, p_4, p_5), \dots, (g_n, p_1, p_3, p_{15}, p_{48})$$

Социально-экономической системой будем называть некую совокупность элементов, которую обозначим как S , простейшими элементами которой являются наименования социально-экономических статусов индивидов, обозначим их как $s_1, s_2, \dots, s_k$, взаимодействующих в процессе общественного воспроизводства.

В качестве примеров наименований социально-экономических статусов можем назвать: социальные статусы супругов, родителей, опекунов, братьев, сестер, социально-экономические статусы работника по найму, предпринимателя, работодателя, акционера и т.д.

Говоря о статусе человека как о совокупности «всех статусов, которые он занимает»⁴, мы указываем на возможность обладания несколькими статусами как в рамках общества, так и в рамках одной подсистемы. Введем в анализ некоего индивида, условно обозначим его RI , тогда, рассматривая только его социально-экономические статусы, запишем пример:

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. Ст. 31.

² Там же. Ст. 32, ч. 1.

³ Там же. Ст. 32, ч. 2.

⁴ Linton R The Study of Man. New York, 1936. P. 113.

RI: (s_1, s_4, s_7, s_9)

Данная запись наглядно иллюстрирует, что индивид в рамках социально-экономической системы может сочетать в себе s_1 – статус мужа, s_4 – статус отца, s_7 – статус работника по найму, s_9 – статус акционера и т.д.

Духовно-культурная система будет представлять собой совокупность элементов, условно обозначенную как DKR, состоящую из элементов трех типов: D, K и R. Под элементами D-типа будем объединять знания, т.е. некие конкретные факты или утверждения о тех или иных объектах, происходящих вокруг явлениях или процессах, и обозначим их $d_1, d_2, \dots, d_f$ – данный тип элементов отвечает за рациональную составляющую духовно-культурной системы. Два других типа будут отвечать за эмоциональные характеристики общества, называемые Аристотелем «устои»¹. Элементами типа K будут являться образцы поведения $k_1, k_2, \dots, k_g$ – это некогда наблюдаемые и усвоенные схемы действия, а в R-тип входят всего три элемента: r_1, r_2, r_3 – оценочные характеристики (положительная, отрицательная либо нейтральная). Элементы типа R попарно соединены с элементами типа K, в зависимости от данных соединений человек, группа лиц или общество в целом становятся обладателями тех или иных качеств. «Признаком устоев следует считать вызываемое делами удовольствие или страдание. Ведь кто, воздерживаясь от телесных удовольствий, этим доволен, тот благоразумен, а кто тяготится – распушен, так же как тот, кто с радостью противостоит опасностям или по крайней мере не страдает от этого, мужественен, а кому это доставляет страдания – труслив»². Таким образом, совокупность элементов DKR может быть записана следующим образом:

$$\text{DKR: } d_1, d_2, d_3, d_4, \dots, d_f, k_1r_1, k_1r_2, k_1r_3, k_2r_1, k_2r_2, k_2r_3, k_3r_1, k_3r_2, k_3r_3, \dots, k_gr_1, k_gr_2, k_gr_3$$

Взаимодействия между элементами трёх указанных типов осуществляются непрерывно в процессе жизнедеятельности индивида.

¹ Аристотель. Никомахова этика. М., 1983. Т.4. С. 81.

² Там же.

Запишем статус предложенного выше индивида RI в рамках духовно-культурной системы:

$$RI: (d_1, d_3, d_{18}, k_2r_2, k_5r_1, k_{35}r_3)$$

Приведенная запись может, к примеру, означать, что индивид RI в рамках духовно-культурной системы обладает знанием d_1 – «Земля круглая», знанием d_3 – «Земля вертится вокруг своей оси», d_{18} – «Земля вращается вокруг Солнца», а также негативно оценивать такой образец поведения, как «говорить неправду» – k_2r_2 , положительно оценивать такой образец поведения, как «защищать родину», – k_5r_1 , положительно – «уважать старших» – k_8r_1 и нейтрально – «экономить воду» – $k_{35}r_3$.

Итак, духовно-культурная система – это совокупность DKR, состоящая из элементов трех типов: D, K, R – знания и попарно соединенные с оценками образцы поведения, взаимодействующие между собой в процессе жизнедеятельности индивида.

Элементы, принадлежащие индивиду RI, можно определить как его духовно-культурные статусы.

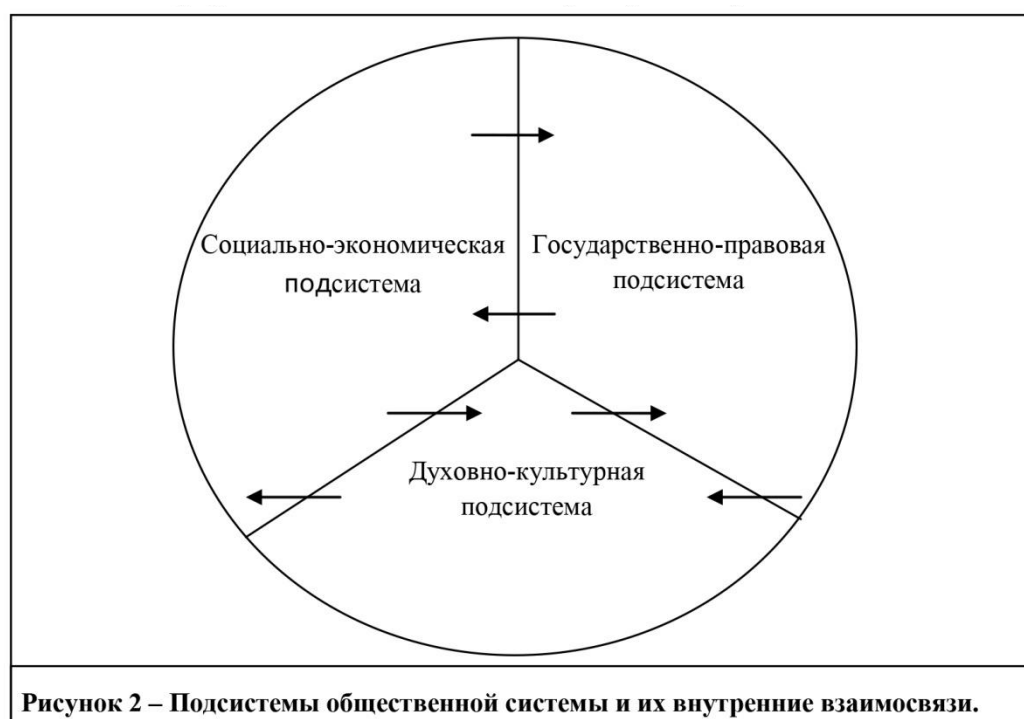
Дополним индивида RI статусами, выполняемыми им во всех трёх рассмотренных общественных подсистемах:

$$RI: s_1, s_4, s_7, s_9, (g_1, p_1, p_3, p_8, p_{10}), (g_n, p_1, p_3, p_{15}, p_{48}), d_2, d_{18}, k_{21}r_2, k_{52}r_3, k_{81}r_1$$

Таким образом, общественный статус нашего индивида RI имеет четыре социально-экономических статуса, два государственно-правовых, сопряженных с существованием ряда прав и обязанностей, а также обладает неким набором знаний и образцов поведения, оцениваемых им тем или иным образом.

Стоит оговориться, что объекты материального мира не станем относить к какой-либо из трёх подсистем, будем считать их принадлежащими всем подсистемам одновременно. Так, на первый взгляд, элемент духовно-культурной системы – картина художника – может выступать в качестве элемента социально-экономической системы, как объект купли-продажи, государственно-правовой системы, если она была украдена или незаконно продана, и т.д.

Перейдем к четвёртому системному свойству – это структурированность, свойство, предполагающее наличие сложной внутренней структуры системы и многосторонних связей между всеми её элементами. Чуть ниже углубим и усложним предложенную на рисунке 1 схему, проанализировав внутреннюю структуру уже рассмотренных подсистем. Однако для начала расширим её с точки зрения существования внутренних взаимосвязей (Рисунок 2).

Расширенная схема иллюстрирует наличие попарного двустороннего взаимодействия социально-экономической, духовно-культурной и государственно-правовой подсистем.

Среди динамических свойств системы первым рассмотрим функциональность. Система осуществляет некие действия в окружающей среде, преобразуя и изменяя её. Общественная система, во-первых, занимается производством материальных благ, исчерпывая ресурсы природно-географической среды. Во-вторых, происходит воспроизводство самого человека, «как непрерывный процесс возобновления биологических социокультурных кодов жизнеобеспечения в условиях коллективного существования, включая

механизмы интериоризации, а также сохранения и трансляции этих знаний»¹. Это заметно меняет окружающую среду за счёт демографических и технологических процессов.

Следующее динамическое свойство – стимулируемость, т.е. осуществление такого воздействия на систему, которое после ряда преобразований внутри системы обогащает внешнюю среду новыми явлениями. К примеру, засуха или чрезмерная заболоченность территорий стимулирует общественную систему к поиску решений указанных проблем, в результате чего посредством определенных действий окружающая среда изменяется в необходимом направлении (орошение, осушение).

В качестве третьего динамического свойства предлагается рассмотреть изменчивость системы со временем. Изменения могут носить различный характер: от изменения элементов в качественном или количественном смысле до изменения во взаимосвязях подсистем и систем более низкого уровня. Если рассмотреть в качестве простейшего неделимого элемента общественной системы человека, то можно говорить о его качественных изменениях во времени с биологической точки зрения (эволюция) или с позиции технического прогресса (усложнение знаний и навыков). Количественные изменения в данном случае будет демонстрировать демографическая динамика. Усложнение или изменения взаимодействий внутри общественной системы можно проиллюстрировать процессом специализации и разделения труда или кооперации и интеграции в рамках социальных, духовных, производственных, культурных, политических и иных групп.

Далее рассмотрим свойство существования системы в изменяющейся среде. В данном случае речь идёт об изменении природно-географической среды, и подтверждением её изменчивости может служить как изменение продолжительности светового дня, продолжающееся в течение года, так и дрейф материков, длящийся тысячелетиями.

Третья группа представлена рядом синтетических свойств:

¹ Калинина Л.А. Социальная динамика воспроизводства человека. Н. Новгород, 2002. С. 3.

1. Эмерджентность. Согласно Ф.П. Тарасенко: «Система есть нечто большее, нежели простая совокупность частей. Качества системы, присущие только ей, называются эмерджентными»¹. Для общественной системы её эмерджентными качествами можем считать возможность воспроизводства социокультурной целостности общества, осуществление взаимодействия с окружающей средой и иными общественными системами, государственность как форму организации взаимодействия членов общества и т.д.

2. Неразделимость на части. В данном случае речь идёт о том, что если необходимо изучение свойств системы, то они не будут сводиться к свойствам составляющих её частей. Так, характеристика деятельности общественной системы не сводится к сумме характеристик социально-экономической, духовно-культурной и государственно-правовой подсистем. Принципиальное значение для определения свойств общественной системы имеют особенности взаимодействия всех её частей.

3. Ингерентность, или иными словами, согласованность с окружающей средой с точки зрения выполнения некоторых конкретных функций. Например, с точки зрения выполнения функции «производство материальных благ» общественные системы с развитым технологическим базисом, глубокой специализацией, высокой культурой производственной деятельности будут более ингерентны, т.е. приспособлены к окружающей среде, чем общественные системы с невысоким уровнем развития технологий, и т.д.

4. Целесообразность. В рамках общественной системы в качестве основной цели можно назвать воспроизводство, существование и развитие человека.

Таким образом, констатируя наличие всех системных свойств, доказываем гипотезу о том, что любое общество можно рассматривать как сложную открытую систему.

¹ Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ. М., 2010. – С. 45.

Далее, говоря об общественной системе, будем иметь в виду не планетарные масштабы, а систему, локализованную в рамках страновой принадлежности, предполагая, что для каждого государства существует своя уникальная общественная система. Для каждого государства она будет состоять из одинакового набора подсистем, находящихся в постоянном взаимодействии, сходная структура будет выступать основным критерием, позволяющим объединять все страновые общественные системы в отдельную группу. Однако следует заметить, что, помимо сходной структуры подсистем, общественные системы различных государств обладают своими индивидуальными характерными чертами. Рассмотрим несколько причин формирования страновых особенностей:

- во-первых, системы могут различаться за счёт уникальности состава элементов, входящих в подсистемы;
- во-вторых, за счёт своеобразия взаимодействий между самими подсистемами.

Так, например, государственно-правовая подсистема общественной системы государства, обладающего монархической формой правления, отличается по составу элементов от государственно-правовой подсистемы демократического общества. Или духовно-культурная подсистема общественной системы светского государства отличается по составу элементов от теократического.

В рамках данного исследования особый интерес будет представлять вторая причина возникновения страновых особенностей – это своеобразие взаимодействий между общественными подсистемами. Т. Парсонс в работе «Система современных обществ» вводит понятие некой «зоны структурных компонентов или образований»¹, содержащей элементы, которые можно включать и в ту, и в другую систему. Автор предполагает, что посредством таких элементов осуществляется межсистемное взаимодействие. «Именно благодаря зонам взаимопроникновения может осуществляться процесс взаимообмена между

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 17.

системами»¹. В случае с исследуемыми системами существование «зон взаимопроникновения» объясняется наличием элемента, объединяющего их все, — это индивид как носитель тех или иных общественных статусов.

Проанализируем для начала государственно-правовую систему как совокупность наименований государственно-правовых статусов и формально закрепленных, а также обязательных для исполнения образцов поведения. Из рассмотренной выше совокупности GP можно выделить некий набор элементов, условно обозначим его P' , состоящий из таких элементов P -типа, которые не находят прямой взаимосвязи с наименованиями статусов государственно-правовой системы, однако коррелируют с совокупностью элементов социально-экономической системы S . Речь идет об элементах, представляющих собой обязательные для исполнения образцы поведения, т.е. те права и обязанности, которые возникают у индивида в связи с его социально-экономическим, а не государственно-правовым статусом. Иными словами набор P' содержит в себе наполнение социально-экономических статусов. В таком случае будем говорить об элементах набора P' как о зоне межсистемного взаимопроникновения. Учитывая вышесказанное, совокупность элементов социально-экономической системы S претерпевает некоторые изменения: наименования социально-экономических статусов $s_1, s_2, \dots, s_n$ приобретают соответствующие им права и обязанности, т.е. внутреннее наполнение статуса. Таким образом, совокупность S будет состоять из наборов элементов следующего вида: первым элементом в них будет наименование социально-экономического статуса индивида, а затем будет расположена последовательность соответствующих ему прав и обязанностей, содержащихся в наборе P' совокупности элементов государственно-правовой системы GP:

$$S: (s_1, p_3, p_8, p_7), (s_2, p_3, p_9, p_{13}, p_{81}), \dots, (s_k, p_9, p_{81}, p_{723}, p_{813}, p_m)$$

В набор P' входит произвольное число элементов p , прямо определяющих наполнение статусов социально-экономической системы и упорядочивающих процессы взаимодействия её элементов. Среди таких элементов можно выделить

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 17.

нормы финансового, налогового, трудового, семейного и других видов права. Данная группа элементов является зоной проникновения импульсов со стороны государственно-правовой системы в социально-экономическую и обратно, а её элементы можно объединить под общим названием «социально-экономический блок государственно-правовой системы».

Обратимся теперь к противоположной границе государственно-правовой системы, а точнее к линии её соприкосновения с духовно-культурной. В данном случае зоной проникновения будет служить набор элементов P'' , состоящий из элементов P -типа совокупности GP элементов государственно-правовой системы. Они аналогичным образом не связаны с наименованиями государственно-правовых статусов, однако коррелируют с элементами духовно-культурной системы. Точнее сказать элементы набора P'' формируют особенности элементарного состава духовно-культурной системы, а следовательно, и духовно-культурного статуса индивида. Элементами данного набора будут служить некоторые нормы, содержащиеся в Конституции, такие как «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»¹, «свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»².

Приведём пример: если в совокупности элементов государственно-правовой системы (GP) среди элементов P -типа отсутствует такой элемент p_w как обязательное для исполнения правило «свобода вероисповедания» и обозначается государственная или обязательная для всех религия, то духовно-культурная система данного общества и духовно-культурные статусы его индивидов наполняются образцами поведения, учитывающими данный элемент.

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. Ст. 26, ч. 2.

² Там же. Ст. 28.

На основе этого запишем набор элементов для индивида RI, иллюстрирующий его духовно-культурный статус с учётом существования «зоны взаимопроникновения» государственно-правовой и духовно-культурной систем:

$$RI: p_w, d_{12}, d_{37}, d_{186}, k_{21}r_2, k_{34}r_1, k_{85}r_1, k_{100}r_3$$

Итак, индивидуальный духовно-культурный статус будет включать в себя, например: p_w – «свобода вероисповедания», d_{12} – «существует множество равноправных мировых религий», d_{37} – «человек произошел от обезьяны», d_{186} – «облака – это пар», $k_{21}r_2$ – отрицательная оценка «принуждения к исповедованию некой конкретной религии», $k_{34}r_1$ – положительная оценка «добровольного выбора религии», $k_{85}r_1$ – положительная оценка «аэрокосмических исследований», $k_{100}r_3$ – нейтральная оценка «атеизма».

Объединим элементы набора P'' в духовно-культурный блок государственно-правовой системы, а остальные элементы GP , не вступающие в прямое взаимодействие с остальными общественными подсистемами, определим как блок государственно-правовой системы, обеспечивающий и поддерживающий государственно-правовую структуру и целостность общества.

Далее рассмотрим подробнее социально-экономическую систему общества и зоны её проникновения в остальные подсистемы общества. Элементы социально-экономической системы, взаимодействуя между собой в процессе общественного воспроизводства, могут пополнить набор S' совокупности S , в него включаются элементы, взаимодействие между которыми до сих пор либо отсутствовало, и существует объективная потребность в разрешении данного вопроса, либо было сопряжено с определёнными проблемами, которые требуют урегулирования. Иными словами государственно-правовая система не содержит обязательных для выполнения норм, регламентирующих и упорядочивающих взаимные права и обязанности индивидов, наделённых некими конкретными социально-экономическими статусами. Таким образом, возникает прецедент, требующий решения; он выступает прямым импульсом, воздействующим на государственно-правовую систему. В данном случае набор таких элементов S' , включающий в себя некоторое число сложносоставных элементов совокупности

S , взаимодействие между которыми не урегулировано составляющими их элементами, будет являться зоной проникновения социально-экономической системы в государственно-правовую и воздействовать на неё с целью изменения её элементов или пополнения новыми.

Рассмотрим взаимодействие социально-экономической и духовно-культурной систем. Среди всех элементов совокупности S выделим набор S'' , который будет выступать ещё одной зоной проникновения. К данному набору отнесём элементы, содержащие такие социально-экономические статусы, которые занимаются целенаправленным формированием элементов духовно-культурной системы, т.е. знаний и образцов поведения. Первая группа статусов, которые будут отнесены к данному набору, это статусы, имеющие непосредственное отношение к науке: ученые, научные сотрудники, сотрудники научных центров и лабораторий – статусы, задачей которых является создание знаний как элементов духовно-культурной системы. Вторая группа статусов занимается формированием образцов поведения и их оценок, составляющих духовно-культурный статус человека. Это могут быть специалисты в области маркетинговой политики, рекламных и пиар-агентств, а также работники средств массовой информации и др. Все элементы, входящие в состав набора S'' , будут оказывать прямое воздействие на духовно-культурную систему общества и представлять собой зону проникновения между социально-экономической и духовно-культурной системами.

Изучим третью общественную подсистему – духовно-культурную. Совокупность элементов DKR содержит знания и образцы поведения, оцененные тем или иным образом. Однако очевидно, что существует некий набор элементов DKR' совокупности DKR, в котором содержатся элементы, коррелирующие с элементами государственно-правовой системы. То есть такие элементы, которые оказывают прямое воздействие на образ выполнения прав и обязанностей, составляющих государственно-правовой статус индивида. К примеру, та или иная оценка образца поведения «всегда говорить правду» может играть большую роль при соблюдении прав и обязанностей индивида, обладающего государственно-

правовым статусом «депутат государственной думы». Оценка образца поведения «брать чужое» определит следование/неследование правам и обязанностям, составляющим государственно-правовой статус «государственный чиновник», и т.д.

Таким образом, выделим элементы набора DKR' совокупности DKR как зону проникновения духовно-культурной системы в государственно-правовую и обозначим данный набор как государственно-правовую культуру.

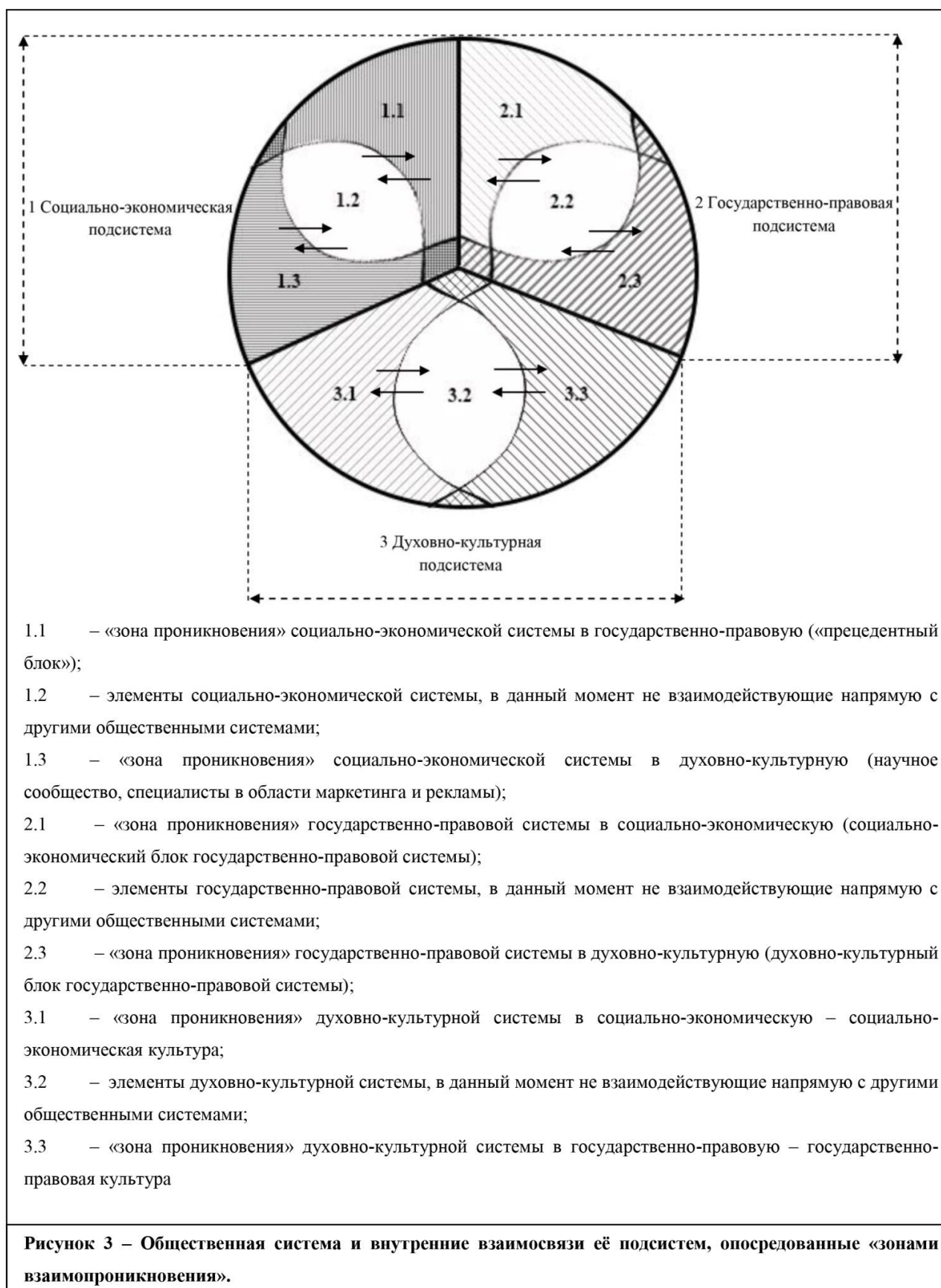
И, наконец, обозначим набор элементов DKR'' совокупности DKR как зону проникновения духовно-культурной системы в социально-экономическую. К данному набору, аналогично с государственно-правовой культурой, будут относиться элементы духовно-культурной системы, коррелирующие с социально-экономической. Иными словами, элементы, способные оказывать влияние на соблюдение прав и обязанностей статуса в социально-экономической системе.

Рассмотрим пример: оценка образца поведения «класть вещи на свои места» скажется на соблюдении прав и обязанностей, составляющих статус «работник по найму» или «материально ответственное лицо на предприятии». Оценка образца поведения «уважительное отношение к людям» способна отразиться на статусах: «супруг», «ребёнок», «родитель» «работник по найму», «работник в сфере обслуживания» и т.д.

Данный набор DKR'' совокупности DKR будем считать «зоной проникновения» духовно-культурной системы в социально-экономическую и обозначим как экономическую культуру.

Отметим, что элементы совокупности DKR, не оказывающие влияния на пограничные системы, т.е. не вошедшие в наборы DKR' или DKR'', будем считать духовной культурой.

Проиллюстрируем всё вышесказанное графической моделью (Рисунок 3).

На рисунке 3 область 1.1 соответствует набору S' совокупности S , т.е. зоне проникновения социально-экономической системы в государственно-правовую, которая содержит в себе прецеденты, не урегулированные до сих пор элементами государственно-правовой системы. К примеру, после перехода от плановой системы к рыночным отношениям взаимоотношения работодателя и работника создавали необходимость дополнительного урегулирования и уточнений. В результате сначала внесением поправок в существующие правовые акты, например в Кодекс законов о труде РСФСР от 9 декабря 1971 г., а затем путём принятия новых – Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 г., взаимодействия между указанными субъектами были регламентированы и упорядочены.

Область 1.2 соответствует элементам совокупности S , не находящимся в непосредственном взаимодействии с другими общественными системами. В перечень данных элементов входят все социально-экономические статусы, чьи права и обязанности в настоящий момент актуальны и не противоречат порядку взаимодействия носителя указанного статуса с другими субъектами.

Область 1.3 – зона проникновения социально-экономической системы в духовно-культурную, набор S'' , содержащий в себе статусы, которые оказывают прямое воздействие на формирование элементов духовно-культурной системы. К примеру, научное сообщество, совершая очередное открытие, допустим, создание ракеты и отправка первого человека в космос, породило новый блок знаний о космосе и ракетостроении в духовно-культурной системе общества. Или, например, широкое распространение рекламы, как следствие деятельности индивидов, носящих статусы работников маркетинговых агентств, способствует формированию определённых образцов поведения и их оценок в духовно-культурной системе общества.

Стоит обратить внимание на наличие пересечений двух заштрихованных «зон проникновения». Данные области демонстрируют взаимопроницаемость элементов двух этих зон. Например, в прецеденте, иллюстрирующем неурегулированное взаимоотношение между определёнными социально-

экономическими статусами, могут фигурировать статусы, принадлежащие к научному сообществу или маркетинговой деятельности.

Область 2.1 – социально-экономический блок государственно-правовой системы, зона проникновения, набор P' , содержащий элементы P -типа совокупности GP , не входящие в состав государственно-правовых статусов индивида, а формирующие его социально-экономические статусы. Например, права и обязанности, определяемые трудовым законодательством, не находят своего статуса в рамках государственно-правовой системы, но формируют такие статусы социально-экономической системы, как «работник» и «работодатель».

Область 2.2 – элементы совокупности GP , напрямую не взаимодействующие с другими общественными системами. Так, например, статус депутата и набор прав и обязанностей, ему присущий.

Область 2.3 духовно-культурный блок государственно-правовой системы, зона проникновения, набор P'' , состоящий из таких элементов P -типа совокупности GP , на основе которых формируется духовно-культурный статус индивида. Например, право на свободный выбор языка общения не относится напрямую к какому-либо государственно-правовому статусу, зато включается в духовно-культурный и оказывает воздействие на формирование набора знаний и оцениваемых тем или иным образом образцов поведения. Указанное право способно сформировать, например, положительную оценку такого образца поведения, как «общение на родном армянском языке на территории РФ», нейтральную оценку «общение других людей на непонятных для меня языках: татарском, башкирском, узбекском, казахском» и т.д.

Опять-таки существует зона пересечения заштрихованных областей, указывающая на общность некоторых элементов обеих «зон проникновения». Таковым элементом может быть, например, обязанность использования русского языка при ведении делопроизводства, регламентированная пунктом 1 части 1 статьи 3 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ от 1 июня 2005 г. Данная обязанность включается в формирование таких социально-экономических статусов, как «бухгалтер», «страховой агент», «банковский

служащий» и т.д., а также способна сформировать на своём основании положительную оценку таких образцов поведения, как «считать русский язык привилегированным на территории РФ», «каждый, кто хочет быть понятым, пусть учит русский язык» и т.д.

И, наконец, область 3.1 – зона проникновения духовно-культурной системы в социально-экономическую, набор DKR'', содержащий в себе элементы, оказывающие прямое воздействие на существование индивида в рамках его социально-экономического статуса. Область 3.1 будем рассматривать как социально-экономическую культуру общества и в дальнейшем изучим её более детально.

Область 3.2 – духовная культура, содержит в себе такие элементы, которые на данный момент не находятся в непосредственном взаимодействии с остальными общественными системами.

Область 3.3 – государственно-правовая культура или набор DKR', состоящий из элементов духовно-культурной системы, оказывающих прямое воздействие на существование индивида в рамках его государственно-правового статуса.

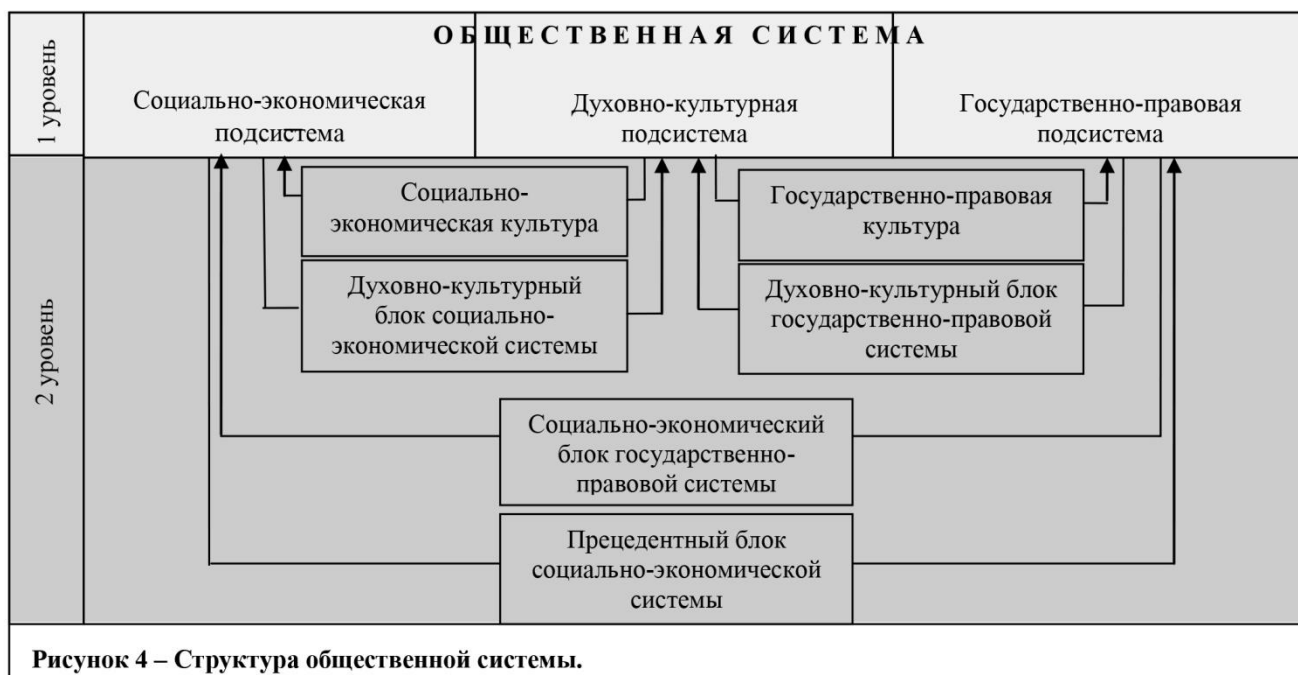
Общая часть, обозначаемая пересечением заштрихованных областей, указывает на существование общих элементов двух зон проникновения, таких элементов, которые оказывают непосредственное влияние на существование индивида в рамках социально-экономических и государственно-правовых статусов.

Стрелки иллюстрируют наличие двустороннего взаимодействия между всеми наборами и совокупностями элементов, а также взаимопроницаемости их границ, элементы которых способны со временем переходить из одного набора в другой.

Обратим внимание на парность зон проникновения между каждыми двумя системами. Это происходит в силу того, что воздействие одной системы на другую может осуществляться как естественным путём – эволюционно, так и целенаправленно или директивно, преследуя достижение некоего конкретного

результата. В паре зон проникновения между социально-экономической и государственно-правовой системой «прецедентный блок» социально-экономической системы (1.1) осуществляет воздействие на государственно-правовую систему естественным путём, а социально-экономический блок государственно-правовой системы – целенаправленное влияние на социально-экономическую систему. Взаимодействие государственно-правовой системы и духовно-культурной опосредуется естественным влиянием государственно-правовой культуры (3.3) и директивным воздействием духовно-культурного блока государственно-правовой системы (2.3). И последняя пара – духовно-культурная и социально-экономическая системы – взаимодействует посредством экономической культуры (3.1) в ходе естественного развития и духовно-культурного блока социально-экономической системы (1.3) в процессе целенаправленного формирования.

Внутреннее строение системы и существующие взаимосвязи, обусловленные наличием «зон взаимопроникновения», более упрощенно и наглядно можно изобразить в виде иерархической структуры системы (Рисунок 4).

Анализ зон взаимопроникновения позволит разобраться в предпосылках возникновения страновых особенностей функционирования общественных систем. Это даст возможность делать выводы о причинах появления различий в функционировании некоторых общественных структур, успешно существующих в одной стране и не жизнеспособных в другой.

В рамках данного исследования особое внимание будет уделено функционированию социально-экономической системы общества и её взаимодействию с духовно-культурной. Поэтому обратимся к анализу своеобразия их взаимодействия и изучим подробнее природу их зон взаимопроникновения. Большой интерес будет представлять зона их естественного взаимопроникновения – экономическая культура.

К понятию экономической культуры существует множество подходов, каждый автор выводит и обосновывает свою точку зрения. Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, работая в соавторстве, предлагают рассматривать экономическую культуру как «совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регулятором экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития: способствующих (или мешающих) трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих её субъектов на те или иные формы экономической активности»¹. В своей коллективной работе Л.Н. Пономарёв, В.Д. Попов и В.П. Чичканов говорят о том, что экономическая культура – это «воплощение наших сил и отношений, в которых мы находим условия и предпосылки подлинно человеческого, т.е. всегда и во всём общественного, существования в сфере материальной»². А.К. Уледов описывает её как «...качественное состояние общества на каждом этапе его развития, более конкретно и полнее выражающееся в достигнутом уровне развития производительных сил, производственных отношений, материального и духовного производства, науки, искусства,

¹ Заславская Т.И. Социология экономической жизни: Очерки теории Новосибирск, 1991. С. 111.

² Пономарёв Л.Н. Экономическая культура: сущность, направления развития. М., 1987. С. 7.

образования, воспитания и т.д.»¹, а профессор Я.И. Кузьминов подчёркивает её институциональную природу и говорит о ней как о «...совокупности институционализированных способов деятельности, которыми конкретные общества, группы и индивиды адаптируются к экономическим условиям своего существования»². Ю.А. Помпеев, апеллируя к её элементарному составу, говорит об экономической культуре как о «совокупности социальных ценностей и норм, возникающих из нужд хозяйственной деятельности и оказывающих на неё решающее влияние, необходимое для выживания и общественного развития»³.

Большинство авторов все же рассматривают экономическую культуру как определённую совокупность элементов и их взаимосвязей, что как нельзя лучше вписывается в рамки системного подхода и его определяющей роли в данном исследовании. Для начала на основе изученного материала и уже изложенных рассуждений дадим определение интересующему нас понятию.

Экономическая культура представляет собой совокупность элементов духовно-культурной системы, находящихся в корреляции с элементами социально-экономической системы, взаимодействующих в процессе обеспечения межсистемного взаимодействия – преобразования импульсов одной системы в форму пригодную для принятия другой.

Данная формулировка вполне отвечает требованиям, предъявляемым к любой системе на уровне её определения. Предложенная точка зрения идёт несколько вразрез с предположением Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, которые вводят в анализ проекционную модель экономической культуры. «Экономическая культура – это «проекция» культуры (в её широком понимании) на сферу социально-экономических отношений»⁴. Согласиться с отстаиваемой авторами интерпретацией экономической культуры достаточно сложно, так как она

¹ Уледов А.К. Духовная жизнь общества / А.К. Уледов. М., 1980. С. 178.

² Кузьминов Я.И. Теоретическая экономическая культура в современной России // Общественные науки и современность. 1993. №5. С. 13.

³ Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры [Электронный ресурс]. СПб., 1999. 208 с. URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-59/index.html> (дата обращения: 25.09.2012).

⁴ Заславская Т.И. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991. С. 110.

противоречит понятию «проекция» как в геометрическом смысле, так и с точки зрения теории множеств.

Докажем системную природу экономической культуры, как и любой зоны взаимопроникновения, диагностировав наличие у неё основных системных свойств.

Целостность экономической культуры определяется наличием внешней по отношению к ней среды. В данном случае внешней средой являются духовно-культурная и социально-экономическая системы.

Открытость представлена наличием уже рассмотренного выше взаимодействия с окружающей средой в качестве зоны взаимопроникновения.

Внутренняя неоднородность выражена в наличии многоуровневой системы элементов. Каждый автор предлагает свою интерпретацию составляющих её частиц, наиболее близкой для данного исследования стала формулировка Я.И. Кузьмина, который включает в экономическую культуру всего две группы сложных составных элементов:

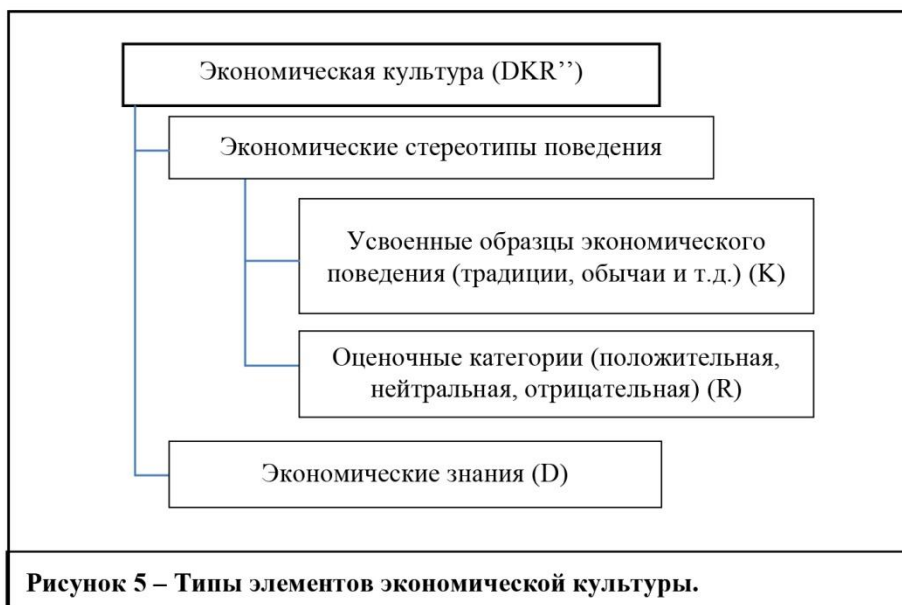
- поведенческие стереотипы;
- экономические знания¹.

В состав совокупности элементов экономической культуры, которая, являясь подсистемой духовно-культурной системы, перенимает от неё сходный элементарный состав, будем включать три типа элементов: D, K, R. Эти типы элементов соответственно состоят из произвольного числа элементов d, элементов k, попарно соединённых с элементами набора R: (r₁, r₂, r₃). Обязательным условием включения элементов духовно-культурной системы в систему экономической культуры является возможность их прямого или косвенного влияния на элементы социально-экономической системы. Запишем совокупность элементов экономической культуры:

$$DKR'': d_x, d_y, \dots, d_z; k_q r_1, k_q r_2, k_q r_3, k_w r_1, k_w r_2, k_w r_3, \dots, k_t r_1, k_t r_2, k_t r_3$$

¹ Кузьминов Я.И. Теоретическая экономическая культура в современной России // Общественные науки и современность. 1993. №5. С. 13.

В данном случае элементы $d_x, d_y, \dots, d_z$ будут представлять собой экономические знания, а $k_{qr1}, k_{qr2}, k_{qr3}, k_{wr1}, k_{wr2}, k_{wr3}, \dots, k_{tr1}, k_{tr2}, k_{tr3}$ – экономические поведенческие стереотипы, т.е. как и в духовно-культурной системе, некие образцы поведения, соединённые с положительной, нейтральной или негативной оценкой (Рисунок 5).

Таким образом, экономическая культура включает в себя два тесно взаимосвязанных между собой блока элементов: стереотипы поведения, которые отвечают за эмоциональные действия индивида, и знания – рациональная часть экономической культуры. Причём чем менее развита рациональная составляющая, тем всё более активно её функции начинают выполнять элементы эмоциональной. Например, люди, не обладающие знаниями о принципах работы банковской системы и её состоянии, в некий конкретный момент времени предпочтут, основываясь на информации, заложенной в стереотипах поведения в форме образцов поведения предыдущими поколениями, хранить деньги «под матрасом», а не на банковском счёте.

В силу набирающей обороты глобализации, в области элементов D-типа – знаний – происходит межстрановое сближение, другими словами, частичная унификация знаний. Поэтому именно стереотипы поведения определяют

соответствующие страновые особенности социально-экономического развития и характер экономической культуры. Так, например, одни и те же образцы поведения в различных общностях могут быть соединены с абсолютно разными оценочными категориями, т.е. будучи составленными из одинакового набора элементов, стереотипные пары могут отличаться. Например, чековые книжки или кредитные карты в одной стране оцениваются как более удобный способ использования и хранения денежных средств по сравнению с наличным оборотом, в российском же менталитете заложено недоверие к такому образцу поведения, как безналичные расчёты. Или один и тот же образец поведения – «уход от налогов» – в одной стране приемлемое явление, а в другой общественно осуждаемое. Где-то инициативный труд оценивается обществом максимально положительно, где-то нейтрально или даже негативно.

Среди основных функций стереотипов поведения можно выделить следующие:

- интегративную, объединяющую субъектов, которые за счёт сходства в стереотипах чувствуют себя частью единого целого (страны, общности, группы);
- регулятивную, обуславливающую поведение субъектов определённым образом;
- поддержание преемственности норм, обычаев, традиций, социально значимых черт, иначе говоря, «историческая память»;
- селекционную – отбор, принятие или непринятие тех или иных образцов поведения или оценочных характеристик, возникающих в процессе исторического развития социальных групп или искусственно навязываемых внешней средой;
- стимулирующую, способствующую ускорению темпов социального прогресса (при определённых условиях сбой в процессе выполнения данной функции способен привести не только к нейтрально характеризующимся, но и к негативным последствиям, замедлению прогресса или даже консервации).

В паре двух блоков элементов стереотипы – знания последний является более гибким, способным к изменениям и восприятию каких-либо инноваций,

состоит из более мобильных элементов, стереотипы же к инновациям слабо восприимчивы, изменения в их элементарном составе происходят в основном медленным эволюционным путём.

Структурированность – существует несколько подходов к структурированию экономической культуры, как к понятию не однородному. Выделяют её различные виды и подвиды, рассмотрим основной, однако не исчерпывающий перечень.

По степени персонализации выделяют:

- экономическую культуру личности;
- экономическую культуру общества¹;

некоторые авторы рассматривают существование в данной классификации третьего элемента:

- экономической культуры группы².

По стадиям общественного воспроизводства:

- экономическую культуру производства;
- экономическую культуру распределения;
- экономическую культуру обмена;
- экономическую культуру потребления³.

По субъектам:

- экономическую культуру населения;
- экономическую культуру лиц, принимающих решения (включает в себя все уровни принятия решений: малый, средний, крупный бизнес и все уровни государственного управления);
- экономическую культуру образовательного и научного сообщества (господствующая экономическая теория)⁴.

¹ Пономарёв Л.Н. Экономическая культура: сущность, направления развития. М., 1987. С.17.

² Заславская Т.И. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991. С. 147.

³ Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры [Электронный ресурс]. СПб., 1999. 208 с. URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-59/index.html> (дата обращения: 25.09.2012).

⁴ Кузьминов Я.И. Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации // Вопросы экономики. 1992. №3. С. 45; Сапир Ж. Экономическая культура, технологическая культура, организационная культура // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 167.

Также внутри индивидуально-личностного подхода рассматривают существование экономико-культурного сознания и экономико-культурного мышления. Экономико-культурное сознание уходит своими корнями в теоретические знания личности об экономических процессах, а экономико-культурное мышление включает в себя практическое применение этих знаний, а также знания, полученные в процессе практической деятельности¹. Чем больше разногласий между сознанием и мышлением, тем ниже уровень экономической культуры мы можем наблюдать в обществе, так как имеющиеся теоретические знания не применяются на практике в силу каких-либо негативных причин: несовершенства нормативно-правовой базы, морального устаревания материально-технического оснащения, нестабильности политической ситуации и т.д.

Проведя анализ уже имеющихся подходов, можно сделать вывод о том, что все эти разновидности экономической культуры, принадлежащие, казалось бы, к различным классификациям, на самом деле составляют четкую иерархическую структуру системы и находятся во взаимодействии между собой (Рисунок 6).

Рисунок наглядно иллюстрирует не только сложную иерархию соподчинённых подсистем внутри исследуемой; мы видим, что вся структура испещрена вертикальными и горизонтальными взаимосвязями, прерывание любой из которых, даже на самом низшем системном уровне, способно привести к непоправимым последствиям. Зачастую в процессе общественного развития по той или иной причине некоторые взаимосвязи обрываются, что становится причиной цепной реакции, приводящей к деградации экономической культуры и общественной системы в целом.

Во главе структуры находится предмет нашего исследования — экономическая культура, являющаяся совокупностью элементов духовно-культурной системы, коррелирующих с элементами социально-экономической, деятельность в рамках которой обеспечивает процесс общественного воспроизводства. В связи с данным фактом будем рассматривать понятия

¹ Пономарёв Л.Н. Экономическая культура: сущность, направления развития. М., 1987. С. 52–68.

«экономическая культура» и «экономическая культура общественного воспроизводства» как тождественные.

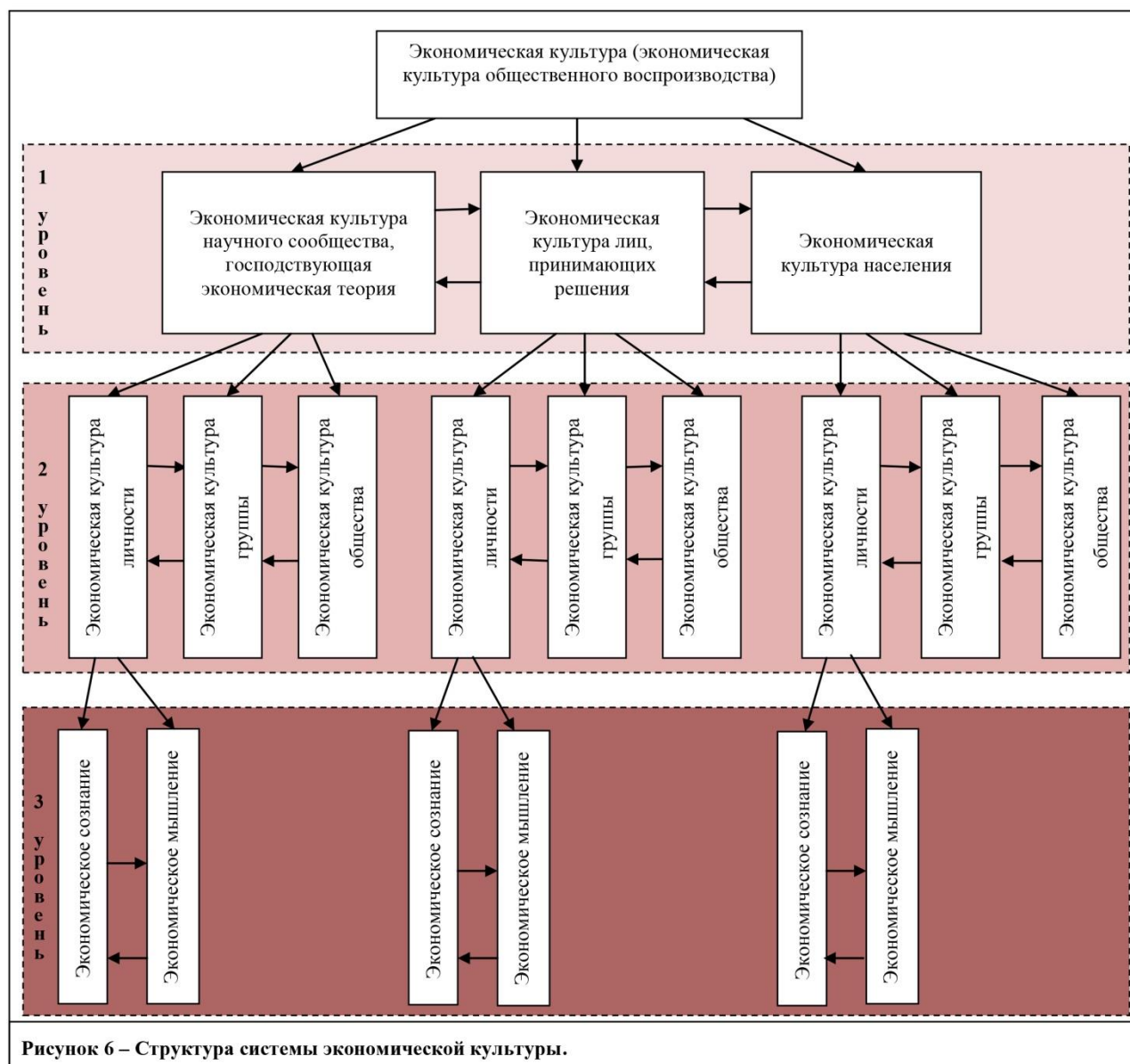

Схема делится на три уровня, которые взаимодействуют как по вертикали, так и по горизонтали, рассмотрим совокупность подсистем первого уровня. Экономическая культура научных кругов: в категорию «научные круги» попадают представители всех научных сообществ, таких как научно-исследовательские центры, лаборатории, вузовское научное сообщество (профессора, доценты, иные научные сотрудники), самостоятельные исследователи и т.д., лица, которые так или иначе участвуют в формировании

теоретических основ экономического знания и представлений о законах функционирования экономики.

В тесной горизонтальной связи с данной подсистемой находится экономическая культура лиц, принимающих решения на уровне бизнеса и власти. Теоретические и практические разработки научного сообщества способствуют принятию либо непринятию тех или иных решений, представляя информационную опору, базу для различного рода деятельности. В зависимости от типа социально-экономической системы лица, принимающие решения, имеют влияние на различные сферы человеческой жизнедеятельности, и если это влияние практически ничем не ограничено, то данная подсистема способна директивно воздействовать на экономическую культуру научного сообщества и видоизменять её чтобы достичь каких-либо общественно-политических целей, превращая её в один из инструментов идеологического аппарата. Если степень влияния лиц, принимающих решения, ограничена, обратное влияние также происходит иным путем – лица, принимающие решения, способны задавать желаемое или необходимое направление научных исследований, если говорить об активном влиянии, и создавать социально-экономическую практику для исследований при пассивном воздействии.

Экономическая культура населения взаимодействует с двумя вышерассмотренными подсистемами экономической культуры. Экономическая культура лиц, принимающих решения, способна воздействовать на культуру населения, формируя её, а население, являясь самой большой из рассмотренных подсистем, способно оказывать активное влияние посредством коллективного воздействия, сопротивления или давления на лиц принимающих, либо пассивного неприятия, невыполнения декларируемых со стороны первой подсистемы норм и правил. Экономическая культура научных кругов влияет на экономическую культуру населения через образовательный процесс, а обратное влияние происходит через появление социально-экономических противоречий в обществе, ещё не урегулированных и не изученных на теоретическом уровне.

Двигаемся дальше. Подсистемы второго уровня включают в себя экономическую культуру личности, группы и общества. Начнём слева направо: экономическая культура личности способна воздействовать на культуру группы через лидерство, организаторство, идейное вдохновение, диктаторство и т.д. Экономическая культура групп, в свою очередь, оказывает влияние на изменения общественной экономической культуры. Например, изначально (а в некоторых странах и по сей день) женщины, наделённые более скудным набором прав, чем мужчины, занимались ведением домашнего хозяйства, не могли устраиваться на работу и не имели права участвовать в выборах. Произошедшие в политическом устройстве некоторых стран изменения в сторону демократизации породили у женщин новые элементы экономической культуры, которая пополнилась ценностями экономической самостоятельности, потребностью в самореализации, что привело к борьбе за равноправие. Началось появление неформальных женских объединений, осуществляющих борьбу за равенство полов. А практика использования женского труда, доказав свою жизнеспособность и эффективность, привела к законодательному уравниванию женщин и мужчин в правах, заключению трудового договора и оплаты труда вне зависимости от пола, появлению оплачиваемых декретных отпусков с сохранением места работы, оплачиваемых больничных по болезни ребёнка и т.д.

Экономическая культура претерпела изменения и приняла данный образец поведения, т.е. изменение в экономической культуре отдельной группы, доказав свою жизнеспособность и экономическую эффективность, привело к изменениям в экономической культуре общества. В обратном направлении также присутствует взаимовлияние, экономическая культура общества распространяется на экономическую культуру групп и личностей как свойство целого на его отдельные части.

Далее, придерживаясь концепции, предложенной Л.Н. Пономарёвым, В.Д. Поповым и В.П. Чичкановым в работе «Экономическая культура»¹ и более чётко

¹ Пономарёв Л.Н. Экономическая культура: сущность, направления развития. М., 1987. 269 с.

сформулированной и доработанной Г.Н. Соколовой¹, через экономическую культуру личности перейдём к подсистемам третьего уровня: взаимодействие экономического мышления и экономического сознания. Экономическое сознание черпает своё наполнение из теоретических основ общественной жизни, мышление – из эмпирики. Если связь между сознанием и мышлением теряется, есть смысл рассуждать о наличии негативных тенденций в общественном развитии, таких как:

- отклонение действий от правил;
- увеличение транзакционных издержек;
- низкое качество удовлетворения потребностей человека и т.д.

Далее оценим экономическую культуру с точки зрения наличия четырёх динамических свойств, чтобы понять, «как система «работает», что происходит с ней самой и с окружающей средой в ходе реализации поставленной цели»². Экономическая культура в разрезе дуальности выступает перед нами как органичное единство совокупности своих двойственных проявлений: статического и динамического, «субъективного и объективного, личностного и институционального, материального и духовного, мыслительного и деятельного»³. В рамках данной работы особый интерес, конечно, представляет первая пара, для начала оценим такое динамическое свойство экономической культуры, как функциональность. Она проявляется в трансляции и преобразовании импульсов со стороны духовно-культурной системы в социально-экономическую и в обратном направлении. Опосредуя взаимодействие двух указанных систем, экономическая культура приводит к изменениям в них обеих. Особенности экономической культуры способны воздействовать на порядок протекания и итог процесса взаимодействия духовно-культурной и социально-экономической систем. Зачастую сходный посыл духовно-культурной системы в различных обществах приводит к неодинаковым социально-экономическим

¹ Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 1998. С. 188.

² Перегудов Ф.И. Основы системного анализа. Томск, 1997. С. 344.

³ Ефременко Т. О. Экономическая культура как социологическое понятие // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. №3. С. 131.

последствиям, ярким примером этого могут служить разные итоги буржуазных революций в странах Запада и в России.

Стимулируемость экономической культуры также проявляется в процессе её функционирования. Принимая импульс о возникновении противоречий в одной системе, выступающий в качестве стимула, и переводя его на язык, пригодный для усвоения другой, с целью устранения противоречия, она видоизменяет внешнюю по отношению к себе среду.

Тем самым, изменяя внешнюю среду в процессе своего функционирования, экономическая культура соответствует такому динамическому свойству, как существование в изменяющейся внешней среде. А также, состоя из элементов одной из изменяемых ею систем, экономическая культура сама меняется во времени, что соответствует последнему динамическому свойству системы.

Синтетические свойства экономической культуры как системы начнём рассматривать с эмерджентности. Основным эмерджентным свойством экономической культуры является трансформация и передача импульсов между двумя взаимодействующими посредством её общественными системами: духовно-культурной и социально-экономической.

Неразделимость на части для экономической культуры означает, что при суммировании свойств и характеристик всех входящих в её сложную структуру подсистем (экономическая культура научного сообщества, населения, лиц, принимающих решения, и т.д.) мы не получим агрегированную характеристику экономической культуры некой конкретной общественной системы.

Свойство ингерентности можно определить с помощью следующего примера: инновационная экономическая культура в условиях ускоряющегося технологического прогресса, оказывающего влияние на внешнюю для исследуемой системы среду, более ингерентна, чем традиционная экономическая культура.

И, наконец, целесообразность – свойство, чаще всего факультативное для сложных социальных и общественных систем. Однако, в этом случае в качестве цели функционирования данной системы можно назвать способствование

формированию и поддержанию на том или ином уровне эффективности социально-экономических конструкций.

Оценив экономическую культуру с позиции системных признаков, приходим к выводу о возможности применения системного подхода и к остальным зонам взаимопроникновения по принципу аналогии. Соответственно будем рассматривать каждую из них как подсистему или систему более низкого, второго, уровня для уже рассмотренных трёх общественных систем.

Подводя под вышесказанным черту, будем определять экономическую культуру как систему, состоящую из двух групп элементов: экономических стереотипов и экономических знаний, являющуюся «зоной взаимопроникновения» духовно-культурной и социально-экономической систем, трансформирующую и транслирующую сигналы одной системы в форму, пригодную для усвоения другой.

Следует заметить, что формирование систем второго уровня (Рисунок 4) происходило не синхронно с появлением трёх основных общественных систем (социально-экономической, духовно-культурной и государственно-правовой), а постепенно, в связи с усложнением общественной системы и разветвлением её структуры. Историю существования зон взаимопроникновения, пожалуй, можно начать отсчитывать с момента установления регулярного межсистемного взаимодействия на первом уровне (Рисунок 4) в результате некоего импульса достаточной для этого силы.

Для наиболее полного раскрытия системной сущности экономической культуры необходимо рассмотреть предпосылки её возникновения и естественные факторы формирования.

1.2 Историко-эволюционные основания и факторы развития экономической культуры общества

Существование экономической культуры как системы имеет свою отправную точку. Датировать появление экономической культуры

возникновением общественной системы было бы не совсем корректно. Общественная структура усложнялась с течением времени, оформлялись и усложнялись её первичные подсистемы: социально-экономическая, духовно-культурная и государственно-правовая. Формирование подсистем второго уровня произошло на определённом этапе общественного развития, так как для установления устойчивого межсистемного взаимодействия был необходим некий импульс. Чтобы определиться со временем его возникновения во всём многообразии процесса развития общественной системы, необходимо задать шкалу, или периодизацию общественного развития, относительно которой будут производиться измерения, так как для различных обществ и территорий процесс формирования экономической культуры проходил неравномерно. Все подходы к периодизации исторического развития общественной системы можно условно разделить на унитарно-стадиальный (линейно-стадиальный) и плюрально-циклический (циклический, цивилизационный).

Представители унитарно-стадиального подхода старались выделить универсальные периоды развития для всей наднациональной общественной системы. Яркими представителями данного подхода являлись Д. Белл, О. Конт, Ж.-А. Кондорсе, А. Фергюсон и др., формационный подход К.Маркса также относится к числу унитарно-стадиальных. О. Конт рассматривает существование нескольких видов прогресса, которые влияют на скорость социального развития общества, однако автор настаивает на существовании одного основного, динамика которого является искомым импульсом для начала прогресса других уровней. «Несмотря на неизбежную солидарность, которая, согласно выставленным уже принципам, постоянно господствует среди различных элементов социальной эволюции, все же необходимо также, чтобы среди ее непрерывных взаимодействий один из этих общих видов прогресса самопроизвольно получил верх, так чтобы он обычно давал всем другим необходимый первоначальный толчок, хоть впоследствии сам он, со своей

стороны, должен, благодаря собственной эволюции, получить новый стимул»¹. В качестве данного импульса автор предлагает начало «интеллектуальной эволюции», т.е. на первый план выходит «история человеческого духа». Другими словами, предпосылки развития социальной системы исходят из недр духовно-культурной. В ходе анализа автор исследует развитие духовно-культурной системы от теологической стадии, через метафизическую к позитивной и сопутствующее развитие социальной системы, в которой «все материальное развитие неизбежно должно принять направление не только аналогичное, но даже вполне соответствующее тому, которое мы доказали (от теологического к позитивному)»². Социальная система в своём развитии проходит от воинственной жизни к индустриальному существованию.

Ж.-А. Кондорсе³ доказывает существование 9 эпох, периодизация заканчивается образованием Французской республики, вслед за тем прогнозируется появление десятой эпохи и в общих чертах определяются характеризующие её черты.

А. Фергюсон выделил три периода исторического развития общественной системы: дикость, варварство и цивилизацию «Путь от младенчества к зрелости проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации»⁴.

Теория общечеловеческих цивилизаций представлена в работе американского ученого Э. Тоффлера «Третья волна», в частности, автор выделяет три волны, или цивилизации:

– «Первая волна, которую он называет «сельскохозяйственной цивилизацией». От Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Греции до Рима возникали и приходили в упадок цивилизации, у которых, несмотря на внешние

¹ Конт О. Основные законы социальной динамики или общая теория естественного прогресса человечества // Социология. Л., 1924. С. 22.

² Там же. С. 30.

³ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. 267 с.

⁴ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. 391 с.

различия, были фундаментальные общие черты. Везде земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной организации и политики»¹.

– «Вторая волна» датирована серединой XIX в. и ознаменовала начало индустриальной цивилизации.

– «Третья волна». Одни авторы называют грядущее за ней общество «технотронным веком», другие – «постиндустриальным обществом». Э. Тоффлер предлагает термин «супериндустриальное общество», замечая, что «ни один из этих терминов, включая мой собственный, не является адекватным. Некоторые из этих определений, придавая особое значение какому-либо единственному фактору, не расширяют, а скорее сужают наше понимание. Другие определения статичны, они предполагают, что новое общество может войти в нашу жизнь гладко, без какого-либо конфликта или стресса. Все эти определения далеки от того, чтобы передать всю силу, размах и динамику перемен, надвигающихся на нас, или того напряжения и конфликтов, которые эти перемены влекут за собой. Человечество ждет резкие перемены. Оно стоит перед глубочайшим социальным переворотом и творческой реорганизацией всего времени»². На этом этапе возникает новое качество социально-экономической системы: она начинает базироваться на информации и высоких технологиях; возрастает интеллектуальный, духовный, нравственный потенциал человека, на основе которого складывается новая, информационная цивилизация. Термин «цивилизация», введённый в обиход А. Фергюсоном³ в рамках унитарно-стадиального подхода, в дальнейшем активно использовался Л.Г. Морганом⁴, Ф. Энгельсом⁵, а в конце XIX в. им стали активно оперировать циклисты.

Д. Белл называет три основные стадии развития: «для аналитических целей можно подразделить общества на доиндустриальные, индустриальные и

¹ Тоффлер Э. Третья волна [Электронный ресурс]. М., 1999. 261 с.

² Там же.

³ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. 391 с.

⁴ Морган. Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. 350 с.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения в трёх томах. М., 1986. Т. 3. 639 с.

постиндустриальные»¹. Также автор анализирует подход К. Маркса, более известный как формационный подход, однако до конца не сформулированный самим К. Марксом. К. Маркс выделяет «прогрессивные эпохи экономической общественной формации»², в основу периодизации положен способ производства, но автор не приводит исчерпывающий перечень существующих, по его мнению, формаций, предлагая «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства»³. Д. Белл вслед за К. Марксом рассуждает о периодизации в зависимости от способа производства материальных благ и форм классовой борьбы, называя следующие стадии развития общественной системы:

- первобытная;
- рабовладельческая;
- феодальная;
- капиталистическая, а далее происходит процесс социализации, т.е.

возможна социальноориентированная экономика⁴.

Данный подход представляет большую ценность в рамках социально-экономического исследования, так как в его основу положены производственно-хозяйственные и социальные отношения, следовательно, детально анализируется классовая структура общества и доминирующая производительная сила в каждом из периодов, однако, анализируя взаимовлияние экономики и культуры, нельзя ограничиваться указанной классификацией. Д. Белл критикует данный подход с точки зрения его ограниченности: «...вряд ли возможно охарактеризовать систему как капиталистическую и полагать, что все остальные взаимоотношения — культурные, религиозные, политические — вытекают из этого базового принципа. Общества отличаются друг от друга типом соотношения их политических систем с социальной структурой и культурой»⁵.

Представители плюрално-циклического (цивилизационного) направления развития общественной системы — Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004. С. 157.

² Маркс К. К критике политической экономии // Полное собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 7.

³ Там же.

⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004. С. 157.

⁵ Там же. С. 153.

т.д. – предлагают связывать процесс общественного развития с изменениями, происходящими в культурной системе, учитывают индивидуальные, локальные цивилизационные особенности отдельных территориальных сообществ – систем и суперсистем. «Такой подход предполагает, прежде всего, что цивилизации существуют, что их не много и что они устойчивы, хотя и конечны, во времени и относительно постоянны в пространстве»¹. Выделяют большое число локальных цивилизаций, зачастую они территориально совпадают с границами тех или иных стран, имеющих свои особенности и закономерности культурного и социально-экономического развития.

Согласно исследованиям А. Тойнби, принадлежащего к философскому направлению, признающему реальное существование интеллигибельного, т.е. воспринимаемого исключительно разумом или интеллектуальной интуицией, цивилизации – это «интеллигибельные поля исторического исследования»² определённого рода, включающие в себя 21 общество, примерами таковых являются египетское, андское, китайское, минойское, шумерское, майяское, индское, эллинское, западное, православное христианское (в России), дальневосточное (в Корее и Японии), иранское, арабское, индуистское, мексиканское, юкатанское и вавилонское и т.д.

О. Шпенглер в своём труде «Закат Европы» говорит о цивилизации как о неизбежной судьбе культуры, т.е. о завершающей стадии её развития. «Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей»³.

По мнению Н.Я. Данилевского, конкретная цивилизация, или «культурно-исторический тип», выделяется на основе различия «...планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития»⁴.

¹ Кривяков С.В. Теоретический анализ экономических систем. Томск, 2007. С. 34.

² Тойнби А. Постигание истории. М., 2010. С. 68.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М., 1998. С. 163.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

А.Л. Крёбер, ещё один представитель данного подхода, «близок в понимании цивилизации к таким философам истории, как Гиббон, Шпенглер, Тойнби»¹.

П. Сорокин, известный русско-американский социолог разграничивает понятия «цивилизация» и «культура», говорит о цивилизации как о социальном явлении или о социальной связи и приводит в пример некоторые продукты цивилизации – «от прозаических инструментов и орудий (подобно ножам, вилкам, столам и автомобилям) до домашней обстановки, одежды и многого другого»².

Можно отметить, что чёткого определения понятия «цивилизация» в работах исследователей не приводится, однако в большинстве случаев «цивилизация трактуется как сложная крупная социальная система, находящаяся на отличной от варварства ступени развития, объединяющая все – материальные и духовные стороны, все проявления, все продукты жизни социума, развивающегося автономно по своим внутренним законам»³. Придерживаясь какого-либо одного подхода к периодизации, мы игнорируем ряд важных факторов в процессе развития общественной системы, в свете чего рациональнее было бы найти точки соприкосновения двух подходов.

Цивилизационный подход делает акцент на уникальности духовно-культурного развития отдельных обществ и, как следствие, может соотноситься со стадияльным как частное и общее. Таким образом, в контексте данной работы будем говорить не о глобальной общечеловеческой общественной системе, а рассматривать существование общественных систем в рамках отдельных территорий, а после возникновения государственности – в границах каждого государства. Каждая из таких территорий, наделённая своими характерными чертами и особенностями, проходит в своём развитии с момента зарождения до распада примерно одни и те же стадии с определённой долей вариативности,

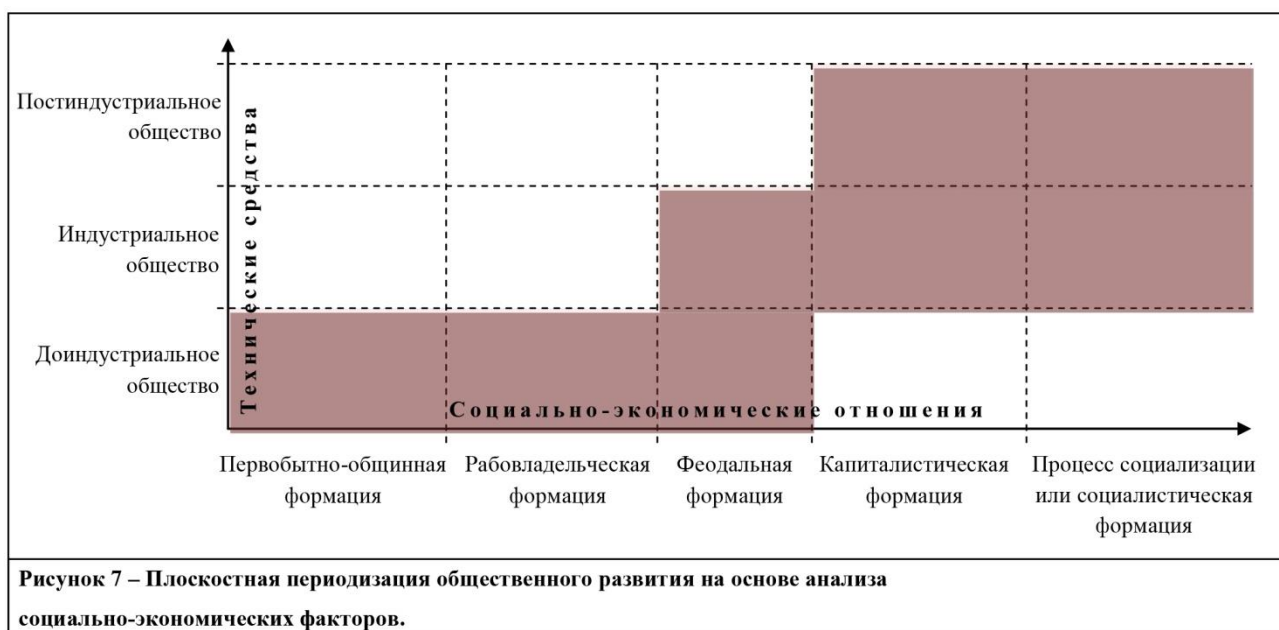
¹ Крёбер А.Л. Избранное: природа культуры. М., 2004. С. 959.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.350.

³ Кривяков С.В. Теоретический анализ экономических систем. Томск, 2007. С. 31–32.

интерпретации которых предлагаются исследователями линейно-стадиального развития.

В качестве базы линейно-стадиального анализа возьмём подходы, предложенные Д. Беллом и К. Марксом. Д.Белл разъясняет и дополняет формационный подход К. Маркса. «Он определил способ производства состоящим из общественных отношений и производительных сил (то есть технических средств). К. Маркс назвал существующий способ производства капиталистическим, но если мы отнесём термин «капиталистический» только к социальным отношениям, а «индустриальный» – к техническим средствам, то сможем понять, каким образом развёртываются различные ряды последовательности. В этом смысле возможно существование как социалистических, так и капиталистических постиндустриальных обществ, а Советский Союз и Соединённые Штаты, хотя и разделены осевым принципом собственности, являются индустриальными державами»¹. Зададим некую координатную плоскость: по одной оси будут отмеряться периоды общественного развития, выделенные на основе эволюции социальных отношений, а по другой – на основе эволюции технических средств (Рисунок 7).

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004. С. 154.

В результате получаем карту возможных форм существования социально-экономической системы – это выделенная цветом область. Она иллюстрирует возможные сочетания уровней развития социально-экономических отношений и технических средств. Доиндустриальная стадия развития технических средств происходит достаточно линейно, т.е. развитие идет в направлении усложнения социально-экономических отношений, на стадии феодальной формации начинается вариативность, т.е. допускается существование индустриализма в рамках феодальных социально-экономических отношений. Термин «индустриальный феодализм» был впервые использован и обоснован в статье американского экономиста Р. Эриксона в 2000 г. по отношению к экономической системе постсоветской России¹, поэтому будем рассматривать как один из вариантов факт существования указанной комбинации. Далее в нашей координатной плоскости представлены варианты сочетания индустриального и постиндустриального уровней развития технических средств с капиталистической и социалистической формациями. Первую часть подобной вариативности может проиллюстрировать пример, предложенный Д. Беллом, – Советский Союз, как представитель социалистического индустриализма и США того же периода как представитель капиталистического индустриализма.

Нужно заметить, что схема не является универсальной классификацией общественных систем, а лишь отмечает сходные периоды в их эволюции, так как периодизация опирается только на анализ развития социально-экономической системы. На каждом из этапов в некой конкретной стране могут сформироваться свои индивидуальные особенности за счёт различий, находящихся уже на первом системном уровне, – в государственно-правовой и духовно-культурной системах. Эволюцию данных систем, в свою очередь, можно также разделить на основные этапы развития, и чтобы вывести универсальную классификацию, нам нужно будет добавить к имеющейся координатной плоскости ещё как минимум две, что значительно усложнит анализ. В связи с чем будем говорить об этапах

¹ Ericson R.E. The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? // BOFIT Policy Brief. 2000. №8. 26 p.

общественного развития с поправкой на отдельные цивилизационные особенности. «Поскольку человечество имеет единое происхождение, его развитие было по существу одинаково, протекая во всех частях света различными, но единообразными путями и крайне сходным образом у всех племён и наций человечества, достигавшей одной и той же стадии развития»¹.

Также будем различать два вида системных изменений: переход к новому типу общественной системы и изменение типов одной из систем первого уровня. Второй вид изменений, безусловно, не останется незамеченным на уровне общественной системы, однако эти изменения не будут означать переход к новой общественной системе, а лишь отразятся на элементарном составе или внутрисистемных связях. Так, например, изменения в политической системе общества не обязательно повлекут за собой межсистемный переход, а лишь в том случае, если эти изменения столь значительны, что породят неустранимые противоречия на первом системном уровне, которые спровоцируют цепную реакцию и метаморфозы двух других общественных систем. В ином случае речь может идти лишь о незначительных естественных изменениях, связанных с внутренним развитием общественной системы. Другими словами, во временных границах своего существования система проходит несколько стадий внутреннего развития: становление, зрелое состояние, нисходящее развитие и дряхлость, после чего происходит закономерная смена общественной системы.

Внутрисистемное развитие может осуществляться как за счёт внесения изменений в элементный состав какой-либо системы, так и за счёт трансформации межэлементных или межсистемных связей, с одной лишь оговоркой, что данные изменения ограничиваются рамками только одной системы и не приводят к кардинальным изменениям в других. Например, изменения в составе элементов социально-экономической системы не трансформируют остальные (духовно-культурную, государственно-правовую и т.д.), в противном случае может идти речь о межсистемном переходе.

¹ Морган. Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. С. 4.

Выделяя сходные черты в развитии социально-экономической системы, справедливо было бы заметить, что духовно-культурная система как самостоятельная составляющая общественного развития также должна иметь свою универсальную периодизацию. Принято выделять следующие стадии развития мировой духовно-культурной системы (культуры):

- первобытную культуру;
- культуру Древнего мира (Древнего Востока и античности);
- культуру Средних веков;
- культуру Возрождения;
- культуру Нового времени;
- новейшую культуру.

Очевидная и общеиспользуемая на данный момент периодизация культурно-исторического развития формировалась на основе исследования работ и подходов различных авторов. Впервые период первобытной культуры был выделен Э.Б. Тайлором в одноименной работе «Первобытная культура»¹, И.Г. Гердер² придерживался концепции мирового развития, основанной на «мистической троице эпох»³ – Древнем мире, Средневековье и Новом времени, К. Маркс⁴ и Г.В.Ф. Гегель⁵ рассматривали такой период как «новейшее время». Термин «возрождение» встречается у Д. Вазари⁶ и приживается как одна из стадий культурно-исторического развития позднее в работе Ж. Мишле⁷.

В настоящее время данную периодизацию можно дополнить ещё одной стадией – информационной, или инновационной духовно-культурной системой. Это культура, соответствующая постиндустриальной стадии развития, способная к восприятию инноваций, современных достижений науки и техники, усвоению знаний, полученных с помощью новейших технологий, и способствующая их

¹ Тайлор Э. Бернетт. Первобытная культура. М., 1989. 573 с.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.

³ Дубнов А.П. Падение Запада и глобальные проблемы человечества Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 6.

⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права М., 1955. Т. 1. С. 219–368.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1970. Т. 1. 501 с.

⁶ Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе. М., 2008. 1278 с.

⁷ Michelet J. Histoire de France. Renaissance. Paris, 1895. Т. 7. 285 p.

репродукции, ориентированная на саморазвитие на основе поступающих информационных сигналов и способная катализировать процесс развития социально-экономической системы и других общественных систем. «Различия в культуре одного и того же периода в восточном и западном полушариях несомненно существовали вследствие неодинаковых природных богатств обоих континентов; но состояние общества на одинаковой ступени должно было быть в главных чертах по существу сходным»¹. Примем вышеописанную классификацию, а вернее её первые три стадии, с целью более точного нахождения предпосылок формирования экономической культуры с той оговоркой, что на этапе зарождения общество развивалось примерно одинаково, т.е. преобладал линейный характер развития. Вариативность появляется на более поздних этапах, на которых уже можно наблюдать признаки существования подсистем второго уровня. Это говорит о том, что истоки возникновения экономической культуры уходят своими корнями в более ранние периоды.

Представим в виде таблицы развитие общественной системы на ранних стадиях, что соответствует нижним трём квадратам выделенной цветом области на рисунке 7, иллюстрирующим линейное развитие в рамках доиндустриального общества. И сопоставим с ним начальные стадии развития духовно-культурной системы для более наглядного анализа (Таблица 1).

Таблица 1 - Модель совмещения во времени формационного, стадийного и культурно-исторического подходов к развитию общества на ранних этапах развития

Формационный подход	Первобытно-общинная Формация	Рабовладельческая формация	Феодальная формация
Стадийный подход	Доиндустриальное общество		
Периодизация мировой культуры	Первобытная культура	Культура Древнего мира	Культура Средневековья

Задав систему координат общественного развития, определим точку отсчёта для такого явления, как экономическая культура, выступающего в рамках конкретного исследования как зона взаимопроникновения, рождающаяся в

¹ Морган. Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. С. 13.

процессе взаимодействия социально-экономической и духовно-культурной систем. В какой период истории мирового развития произошел импульс достаточной силы для начала регулярного межсистемного взаимодействия и какова его природа?

Доцивилизационное общество, первобытно-общинная формация, тип культуры первобытный – «Экономика этого общества была основана на общественной собственности. При этом неукоснительно реализовывались два принципа (обычая): реципроктность (все, что добывалось, сдавалось в «общий котел») и редистрибуция (все сданное перераспределялось между всеми, каждый получал определенную долю). На иных основах первобытное общество просто не могло существовать, оно было бы обречено на вымирание»¹.

Основными особенностями социально-экономической системы являлось: отсутствие процесса производства и экономическое равенство субъектов (отсутствие классовой структуры в связи с отсутствием частной собственности). Культура пишется с чистого листа, духовно-культурная система находится в состоянии зарождения, пока практически не оказывает влияния на социально-экономическую систему, их взаимодействие недостаточно сильно, чтобы породить такой феномен, как экономическая культура, они существуют автономно друг от друга. Культура развивается вслед за экономикой и первичными общественными потребностями, так как основные знания человек получает в процессе своей экономической деятельности, межсистемные противоречия отсутствуют. Функции ограниченно развитой рациональной составляющей культуры – знаний – выполняет эмоциональная. Культура развивается по линии формирования эмоциональной части, так как явления, которые ещё пока не способен рационально объяснить человек, объясняются мистицизмом и пополняют блок стереотипов культуры. «Некоторые начальные познания в астрономии, знакомство с некоторыми целебными травами,

¹ Общая теория права и государства. М., 1996. С. 52.

употребляемыми для лечения болезней или ран, являются единственными науками диких; и они уже искажаются примесью суеверия»¹.

Стимул к удовлетворению первичных потребностей приводит к развитию навыка изготовления орудий труда из камня, кости животных, а также к изготовлению дальнобойных орудий, внутри социально-экономической системы происходит первый «производственный скачок». «Формирование производства (понимаемого в узком смысле слова как отношение к природе) было процессом не только освобождения от животной формы и совершенствования деятельности собственно производной, т.е. изготовления орудий, но и превращения деятельности по присвоению объектов потребностей из формы приспособления к среде в форму производственной деятельности – в производство предметов потребления»². Экономическая система задаёт темпы развития культуры. Чем больше человек трудится, охотится или занимается собирательством, тем большими знаниями об окружающем мире и образцами поведения обогащается его культура, однако применять их с целью развития социально-экономической системы общество пока не может.

Следующий импульс со стороны развивающихся производительных сил произвел очередной рывок в сторону взаимодействия социально-экономической и культурной систем. Неолитическая революция ознаменовала переход к производящему хозяйству (появление земледелия и скотоводства), накопленные знания о растениях и животных спровоцировали экономический прорыв. «Производственная деятельность зародилась первоначально как момент деятельности по приспособлению к среде, но, возникнув, она в своём дальнейшем развитии начала во всё большей и большей степени преобразовывать последнюю, превращая её в свой собственный момент, своеобразную форму своего проявления»³. Вслед за этим скачком последовала восходящая волна социально-экономического развития, выразившаяся в переходе на новый этап своего внутреннего развития в результате оседания народов на конкретных территориях

¹ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 21.

² Семёнов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966. С. 246–247.

³ Там же. С. 246.

и первичном разделении труда. Первобытная культура находится в последней стадии своего развития, процесс первичного культурного накопления завершается.

Характерными чертами социально-экономической системы являются: разделение труда, появление примитивного производящего хозяйства, частной собственности и начало расслоения общества (зарождение классовой структуры внутри общины), пока ещё только в незначительной степени.

В системе культуры происходит отказ от тотемизма в пользу многобожия, развитие мифологии, обряды и ритуалы начинают играть центральную роль. Осуществляется переход от группового брака к парной семье, однако культура продолжает быть связана с экономической системой лишь косвенно.

Далее, сосредотачивая своё внимание на Балканском полуострове и соседствующих территориях, отметим существование народов, у которых духовно-культурная система развивалась более быстрыми темпами, что позволяет им перейти от первобытной стадии развития к культуре Древнего мира. Переживая стадию становления, т.е. находясь на восходящей ветви своего развития в рамках культуры Древнего мира, изменения, происходящие внутри духовно-культурной системы, вызывают первую цепную реакцию и трансформируют остальные общественные системы, в том числе и социально-экономическую. Основными видами экономической деятельности продолжают быть земледелие и ремесло, всё ещё доминирует общинная форма существования, но уже происходит зарождение классовой структуры (два вида поселений: для родоплеменной знати и для крестьян-земледельцев). Духовно-культурная система развивается не равномерно, но аномально быстрыми темпами. Данный процесс катализирует развитие остальных систем: социально-экономической – расширение производства, необходимое для удовлетворения потребностей со стороны численно возросшего населения, и государственно-правовой – переход от общинной формы существования к первым государственным образованиям. Взаимодействие духовно-культурной и социально-экономической систем

достигло того уровня, когда между ними появляется неизвестная до сих пор постоянная субстанция – экономическая культура.

Рассмотрим этот аномальный скачок развития. На изучаемой территории естественные условия (плодородие почв, климат, географическое положение и т.д.) при переходе к производящему хозяйству способствовали появлению регулярного прибавочного продукта, в результате, отсутствие экономических трудностей (нехватка ресурсов для удовлетворения первого и второго уровня потребностей по «пирамиде Маслоу») способствовало интенсивному развитию духовно-культурной системы. Её развитие позволяет социально-экономической системе выйти на новый уровень – возникает товарный обмен, происходят изменения в социальной структуре – появление классового неравенства, классовая борьба приводит к изменениям в государственно-правовой системе, в результате чего зарождаются первые государственные образования. Межсистемное взаимодействие приняло устойчивый характер, развитие одной системы автоматически перерастает в развитие другой, трансформируясь через появившиеся зоны взаимопроникновения, одна из которых и является предметом данного исследования.

Однако, выяснив, что формирование экономической культуры в общественной системе происходит на этапе становления культуры Древнего мира, в рамках периода зрелости доиндустриального общества и на завершающей стадии развития первобытно-общинной формации, определим, что же в данном случае выступает в роли «импульса необходимой силы», породившего цепочку системных изменений. В произведении Ш.Л. Монтескье «О духе законов»¹ законы ставятся в зависимость от естественных условий страны, таких как климат, качество почвы, географическое положение территории, размеры, численность населения, образ жизни, религия и т.д. Законы, формально закрепленные и обязательные для исполнения образцы поведения, – это элементы государственно-правовой системы, а так как развитие общества происходит в

¹ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. 672 с.

процессе постоянного межсистемного взаимодействия, справедливо говорить о зависимости остальных систем от естественных факторов.

Духовно-культурная система народов Балканского полуострова в силу накопленных за определенный путь развития знаний позволила экономической системе найти путь наименьшего сопротивления. В рамках культурных исследований был осуществлён анализ естественных факторов окружающей среды и их оценки, в результате возникло осознание полезности и необходимости передачи данной информации в область экономической системы, которая просто направила свою деятельность в сторону естественных преимуществ. Культура предоставила данные, экономика превратила их в действие, что выступило отправной точкой регулярного межсистемного взаимодействия. Произошло возникновение экономической культуры, которая представляет собой совокупность элементов духовно-культурной системы, коррелирующих с социально-экономической, а в динамическом своём проявлении осуществляет трансформацию импульсов одной системы в другую.

Итак, подводя промежуточные итоги: импульсом, спровоцировавшим возникновение экономической культуры, стало появление регулярного прибавочного продукта; моментом возникновения экономической культуры будем считать период зрелости доиндустриального общества, становления культуры Древнего мира и завершающей стадии первобытно-общинной формации. Иными словами, это момент появления античной государственности на Балканском полуострове на фоне роста прибавочного продукта в связи с использованием естественных преимуществ территории, а затем более позднее оформление государственности на остальных территориях после прохождения аналогичного процесса межсистемной интеграции по линии духовно-культурная система → социально-экономическая система → государственно-правовая система.

Возникновение экономической культуры в момент начала использования естественных преимуществ с целью создания прибавочного продукта предполагает зависимость общественной системы и всех входящих в её состав

систем от естественно-географических факторов. «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьироваться в определённом направлении»¹, иными словами, естественные факторы воздействуют на формирование общественной системы вне зависимости от нашей воли. Люди изучали и анализировали явления, происходящие вокруг них, на определённой территории их обитания и тем самым формировали свою индивидуальную культуру, право и экономику. Очевидно, что культура северных стран отличалась от культуры более южных тропических территорий в силу того, что явления, происходящие вокруг них, были различны. Основные направления экономической деятельности также напрямую зависят от территориальной принадлежности определённого народа, следовательно, естественные факторы формируют особенности всей общественной системы и систем более низкого уровня. «Если в природе человека присутствуют качества, отличающие её ото всего прочего животного мира, то и сами люди сильно разнятся между собой в различных климатических условиях и в разные века»².

Чтобы доказать зависимость экономической культуры от естественных факторов, достаточно доказать влияние последних на общественную систему и системы, входящие в её состав.

Взаимосвязь общественной системы, и в частности, такой её составляющей, как духовно-культурная система, с географическими особенностями территории её формирования рассматривают многие исследователи. Однако в рамках такого анализа обычно оперируют категорией «этнос». Выясним, что в себя включает данное понятие и каким образом оно соотносится с уже рассмотренными.

Будем придерживаться определения, данного Л.Н. Гумилевым, который предлагает рассматривать этнос как «устойчивый коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющий внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения. Именно через этнические коллективы осуществляется связь

¹ Берг Л.С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. Перербург, 1922. С. 180.

² Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества, М., 2000. С. 17.

человечества с природной средой, так как сам этнос – явление природы»¹. Автор говорит об этносе как о явлении природы, тем самым привязывает этнос к природной среде его формирования, т.е. географический фактор в данном случае будет играть определяющую роль. Под категорией «этнос» объединим группу лиц, включенных в одну общественную систему, являющихся носителями элементов одной духовно-культурной системы, сформировавшейся в привязке к определённой территории. Этнос может совпадать с границами духовно-культурной системы некой общественной системы отдельного государства, например, любое моноэтническое государство, обладающее не слишком обширной и разнообразной территорией. Также он может выступать в качестве составной части духовно-культурной системы некоего общества. Например, Россия аккумулирует в себе несколько этносов в связи с обширностью и неоднородностью территории и иных естественных факторов. В данном случае духовно-культурная система России не просто сложение этнических составляющих, а система, объединяющая входящие в её состав этносы, сглаживающая имеющиеся между ними противоречия и интегрирующая их в единую общественную систему. Этносы, когда-то существовавшие автономно на некой территории и функционировавшие в рамках своей уникальной общественной системы, при интеграции в единую общественную систему (суперэтнос) сохраняют свои особенности. Это происходит, в частности, за счёт эмоциональной части культуры, однако этнос может претерпеть некоторые изменения за счёт унифицированной рациональной части – знаний, встраиваясь в иную духовно-культурную систему. Вследствие длительного функционирования интегрированной общественной системы эмоциональные составляющие этносов сближаются, пополняясь общими элементами, и могут в дальнейшем сформировать общий этнос. «Все народы, селившиеся в Италии: этруски, латины, галлы, греки, сирийцы, лангобарды, арабы, норманны, швабы, французы, – постепенно, за два-три поколения, теряли прежний облик и сливались в массу итальянцев, своеобразный, хотя и мозаичный этнос со специфическими чертами

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2001. С. 201.

характера, поведения и структурой, эволюционизировавшей в историческом времени»¹. Однако за счёт особенностей территорий они могут остаться и разными этносами, функционирующими в рамках одной общественной системы.

Рассмотрим влияние некоторых естественных факторов на формирование систем первого уровня и проанализируем, в какие элементы систем второго уровня, и в частности экономической культуры, они превращаются. Например, у северных народов холодный климат способствует формированию у основной массы населения таких эмоциональных составляющих духовно-культурной системы, как храбрость, твёрдость, меньшая впечатлительность, южане же наполняют её такими качествами, как лень, изнеженность, тонкость чувств. Так, при взаимодействии с социально-экономической системой лень и изнеженность южных народов влияют на их отношение к труду. Жители юга решаются на тяжелую работу не иначе как под страхом наказания, этим объясняется, что рабовладельческая стадия общественного развития более присуща южным территориям и редко наблюдается в северных. «В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою»².

Климат оказывает влияние на исторически сложившиеся и укоренившиеся образцы поведения и их оценку: в жарких странах женщины красивы уже в том возрасте, когда разум ещё не достаточно развит, многие решения за них принимает мужчина, следовательно, ранние браки имеют положительную оценку у южан. В умеренных широтах возраст вступления в брак выше, к ранним бракам там относятся более негативно. В результате гендерное неравноправие в

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2001. С. 206.

² Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 200.

семейных отношениях превращается в государственно-правовое и экономическое неравноправие женщин и мужчин у южных народов.

Географическое положение и ландшафт местности – немаловажные факторы, формирующие духовно-культурные особенности проживающих на этих территориях. Так, например, островное положение закладывает в стереотипы поведения такие черты, как самобытность, свободолюбие, равенство, что трансформируется в высокую мотивацию к трудовой деятельности, уникальные формы ведения хозяйства, умеренность потребностей. «Каждый ландшафт заставляет людей, в него попадающих, приспосабливаться к его особенностям, и таким образом возникает определенная общность. Например, кельты в низовьях Роны выращивали виноград; попавшие туда римские колонисты I–IV вв., воинственные бургунды V в., арабы VII в., каталонцы XI в. делали то же самое, и общность быта, определяемая общностью труда, нивелировала языки и нравы. В XII в. образовался единый народ из ныне разобщенных каталонцев, провансальцев и лигурийцев»¹.

Площадь территории также оказывает влияние на элементы культуры. Большая протяженность территории усложняет контроль над её частями, следовательно, нужны сильная централизованная государственно-правовая система и жесткий контроль за соблюдением норм права, чтобы поддерживать порядок, так как жители обширных пространств могут приобрести склонность к недобросовестности, уклонению от исполнения обязанностей в силу безнаказанности из-за затруднённости контроля. В результате формируются такие черты экономической и государственно-правовой культуры как необязательность выполнения правил, сниженная мотивация к труду, склонность к оппортунистическому поведению. Эти трудноискоренимые особенности поведения характерны для России и зачастую выступают тормозящими факторами её развития. «Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, – он

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2001. С. 210.

расплывался в пространстве»¹. Малые территории дисциплинируют, приучают к ответственности в силу облегчённых возможностей контроля. Ярким подтверждением данного тезиса является основная масса европейских государств, не обременённых большими площадями.

Если численность населения велика относительно территории, это приводит к агрессии, т.е. к стремлению завоеваний с целью расширения территории, и одновременно к дисциплине в силу затруднённости общежития. Жителям многонаселённых территорий свойственны точность, бережливость, рачительность и даже скупость, они сильнее ценят имеющееся у них, чем жители малонаселённых больших по протяжённости территорий, склонные к размаху, небрежности и щедрости.

Таким образом, можно сделать промежуточные выводы:

- во-первых, «географические условия, – отношение суши и моря, климат, топография местности, флора и фауна, – есть среда, к которой этнос приспосабливается и которой подчиняется, становясь частью этой среды, ее производной»²;

- во-вторых, налицо явная обусловленность черт экономической культуры рядом естественно-географических факторов в силу доказанной зависимости от них всех общественных систем первого уровня (духовно-культурной, социально-экономической, государственно-правовой).

Однако, говоря о естественной обусловленности экономической культуры, нельзя считать экономическую культуру как историческую данность. В настоящее время наиболее тесной связью с естественными факторами обладает лишь эмоциональная, менее восприимчивая к изменениям, часть экономической культуры – стереотипы экономического поведения, но есть и рациональная часть, которая с развитием общества вышла за границы территории обитания и уже долгое время развивается в отрыве от естественных факторов. Область

¹ Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_06.html (дата обращения: 30.10.2013).

² Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток, 2002. С. 134.

экономических знаний, являясь более гибкой частью экономической культуры, приспособлена к настройке под изменяющуюся конъюнктуру. Именно через последний элемент проще всего воздействовать на экономическую культуру с целью её изменения. Однако необходимо учитывать, что в силу достаточной жёсткости эмоциональной составляющей экономической культуры её реакция на целенаправленное воздействие может происходить с определённым временным лагом, зачастую он может длиться до тех пор, пока не сменится целое поколение. Именно в связи с подобного рода временной задержкой полный переход от одной социально-экономической системы к другой невозможен в одночасье, переходный период может занимать достаточно длительный отрезок времени. Не учитывая естественного запаздывания, а также, не имея чёткого представления об особенностях существующей экономической культуры, вряд ли можно осуществить успешный переход.

Естественный путь перехода от одной социально-экономической системы к другой базируется на первостепенном изменении экономических знаний, которые рано или поздно приведут к необходимым изменениям в области образцов поведения и их оценочных категорий. Не исключается и прямая работа в области эмоциональной составляющей духовно-культурной системы; это может быть планомерная работа в области идеологии, патриотическое воспитание, следование за легитимным лидером и т.д.

В результате прямого и косвенного воздействия на оба типа элементов духовно-культурной системы на выходе должна сформироваться такая экономическая культура, которая способна не просто трансформировать импульсы, а катализировать социально-экономическую модернизацию в обществе и сама меняться соответствующим образом. В противном случае социально-экономические реформы будут обречены на провал в связи с нелегитимностью, а как следствие и неэффективностью, что приведёт создаваемую социально-экономическую систему к саморазрушению.

Для наиболее полного анализа роли экономической культуры в процессе модернизации социально-экономической системы, необходимо рассмотреть их взаимодействие на институциональном уровне.

1.3 Институциональные аспекты экономической культуры и её роль в формировании социально-экономических институтов

Говоря о взаимодействии социально-экономической и духовно-культурной систем, справедливо предполагать о сходстве в образующей их материи. Подобно предметам материального мира, состоящим из одинаковых элементарных частиц, сходное строение которых позволяет им взаимодействовать, все общественные системы также состоят из единообразных элементов. В качестве такой универсальной частицы будем рассматривать институт.

Понятие «институт» достаточно неоднозначно, изучением и определением данного понятия занимались многие исследователи, среди которых можно выделить таких, как Т. Веблен, У. Гамильтон, Т. Парсонс¹, Дж. Коммонс, Р. Ланглуа², Д. Норт, Э. Шоттер³ и др. Согласно Т. Веблену, виднейшему представителю «старого институционализма», институт представляется «воплощением определённых привычек поведения, обычаев»⁴. «Институты – это, по сути дела, распространённый образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определённое время или в любой момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространённое представление об образе жизни в обществе»⁵. У. Гамильтон трактует институт как

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.

² Langlois R.N. Rationality, Institutions and Explanation, in R.N. Langlois (ed.) Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics. New York, 1986. P. 237.

³ Schotter A. The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge, 1981. P. 109.

⁴ Сорокина С.Г. Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса»: вступительная статья. М., 1984. С. 31.

⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 201–202.

«образ мыслей или действия, имеющий достаточно широкое распространение и постоянство, укорененный в привычках групп людей или обычаях народа»¹. Дж. Коммонс определяет институт как «коллективное действие по контролю индивидуального действия»². Д. Норт предлагает несколько иное видение: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»³. Анализируя подобные определения, сталкиваемся со сложностью их применения в рамках системного анализа и поиска места института в иерархии общественной системы. Для данного исследования более уместным представляется следующее определение: «Социальный институт – это иерархическая гетерогенная, распределенная социальная подсистема, созданная людьми для удовлетворения общей потребности, которая функционирует на основе принципов и закона с помощью социологических алгоритмов»⁴.

Определяя институт как систему, открываем для себя возможность единовременного применения системного и институционального подходов к изучению общественной системы. В силу неоднородности элементного состава общественных систем, включающих статусы, образцы поведения, их оценки, знания и т.д., институт как категория, объединяющая все эти типы элементов в процессе некоего устойчивого взаимодействия, как раз и будет выступать в качестве унифицированной составляющей. В институты могут быть объединены:

- элементы одной системы первого уровня, в таком случае можно выделять социально-экономические (семья, фирма, рынок), государственно-правовые (президентство, выборы, конституция) и духовно-культурные (доверие, верность, традиции, религия, обычаи) институты;
- элементы различных систем, тогда речь может идти об интегрированных институтах (город, государство).

¹ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М., 2005. С. 117.

² Коммонс Дж. Институциональная экономика. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. 2007. №4. С. 68.

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

⁴ Давыдов А.А. Системная социология. М., 2008. С. 73.

В рамках института могут взаимодействовать:

- элементарные частицы общественной системы, например статус или статусы, и некий стереотип поведения (образец поведения и его оценка): патриотизм, верность;
- элементарные частицы, т.е. некие социально-экономические статусы, например безработный, страхователь, получатель ипотечного кредита, и институты: страхование, биржа труда, поручительство;
- различные институты: обязательное резервирование (банк – Центробанк), тендеры на выполнение работ/услуг, коллективный договор.

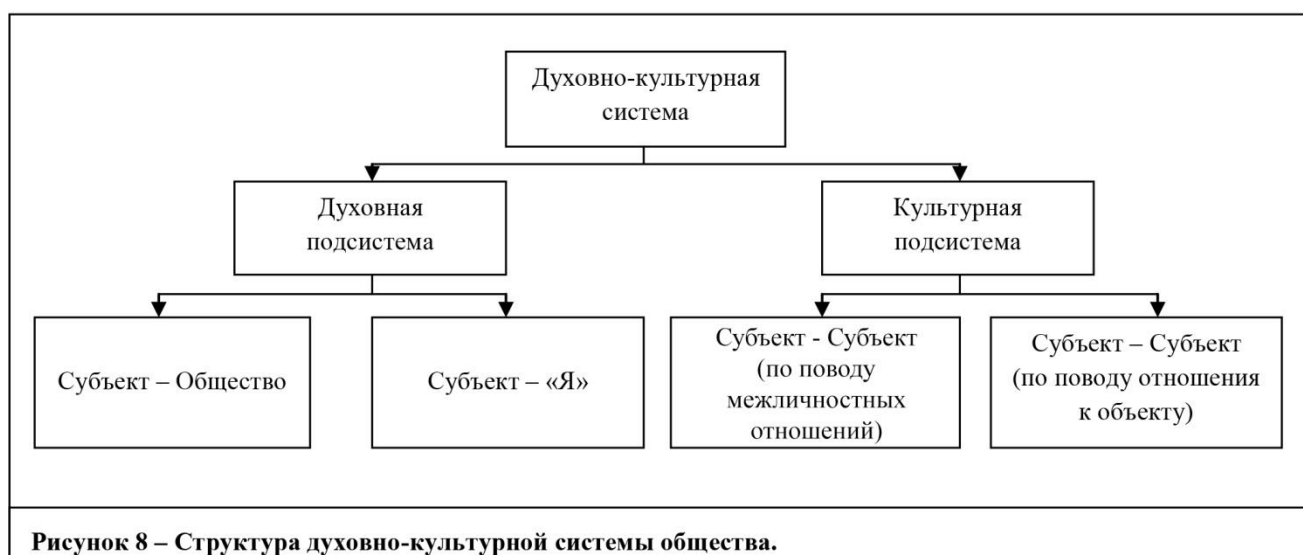
Институт как система может претерпевать изменения, т.е. расщепляться на элементы, которые впоследствии будут соединены иным способом. Например, реорганизация фирмы: изменение организационно-правовой формы. Это может произойти в случае внешнего воздействия: взаимодействия с иным институтом, обладающим, возможно, более устойчивой внутренней связью, или возникновения импульса со стороны иной системы.

Все элементы государственно-правовой системы можем представить как совокупность взаимосвязанных формальных государственно-правовых институтов, взаимодействующих в процессе воспроизводства государственной упорядоченности и целостности.

Под социально-экономической системой будем понимать совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых формальных и неформальных, социальных и экономических институтов, взаимодействующих в процессе общественного воспроизводства. Так, в рамках формального института «фирма» взаимодействуют некий набор статусов и определяющие их права и обязанности. Например, директор, бухгалтер, завхоз, сотрудник производственного цеха, председатель профсоюзной организации и соответствующие данным статусам права и обязанности, регламентированные трудовым, финансовым, социальным правом, различного рода коллективными соглашениями и трудовыми инструкциями.

Духовно-культурная система на институциональном уровне предстанет как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых неформальных духовно-культурных институтов и формальных, отраженных в сознании человека в виде знаний, взаимодействующих в процессе духовно-культурного развития общества. Неформальный институт «доверие» объединяет в себе ряд образцов поведения, оценённых определённым образом.

Следует пояснить, что аналогично тому, как, объединяя социальную и экономическую системы в социально-экономическую, мы подразумеваем их тесную взаимосвязь, но отнюдь не тождественность, так и духовно-культурная система интегрирует в себе две самостоятельные части. Каждая из них содержит институты, регулирующие взаимоотношения определённого рода. Духовная подсистема объединяет в себе институты, связывающие личность и общество в целом, а также личность и себя самого, собственное «я», а культурная подсистема аккумулирует неформальные институты межличностного взаимодействия, как по поводу их взаимоотношений, так и по поводу их отношения к объекту. Это можно выразить схемой (Рисунок 8).

Санкции за нарушение правил неформальных институтов той или иной системы тоже несколько различаются, так, за несоблюдение правил, входящих культурную подсистему, следует наказание в форме общественного осуждения, а

за невыполнение правил, составляющих институт духовной подсистемы, – наказание в форме самоосуждения (угрызения совести, самобичевание).

Экономическая культура как продукт взаимодействия социально-экономической и духовно-культурной систем также имеет институциональную структуру. В связи с этим можно дать расширенное определение. Экономическая культура – это, во-первых, совокупность неформальных институтов, составляющих экономические стереотипы поведения, и отраженных в сознании человека формальных, запечатлённых в виде знаний о законах функционирования и протекания тех или иных экономических явлений, взаимодействующих в процессе общественного воспроизводства; во-вторых, подсистема, образующаяся в результате установления регулярного межсистемного взаимодействия двух систем более высокого уровня: духовно-культурной и социально-экономической, трансформирующая и транслирующая сигналы одной системы в форму, пригодную для усвоения другой. Результатом подобной трансляции является образование новых формальных и неформальных институтов в духовно-культурной и социально-экономической системах.

Экономическая культура, представляя собой структуру институциональную, сама является продуцентом формальных и неформальных институтов. Это происходит следующим образом: некое конкретное воздействие экономической культуры на процесс функционирования социально-экономической системы способно приобрести, с определённой степенью вероятности, устойчивость, образуя неформальный институт. Если его существование будет признано общественно полезным и эффективным, т.е. будет разрешать до сих пор не урегулированное формальными институтами противоречие, существующее в обществе, то социально-экономическая система может через прецедентный блок отправить импульс в государственно-правовую, где неформальный институт получит письменное или иного рода закрепление и начнёт своё существование как формальный. Однако, помимо прямого воздействия экономической культуры на социально-экономическую систему, существует обратное. Любой формальный институт социально-экономической

системы по истечении времени начинает обрастать неформальными, которые в дальнейшем оказывают воздействие на экономическую культуру, наделяя её новыми, положительно либо отрицательно оцениваемыми, образцами поведения. Так, например, займ изначально существовал в качестве неформального института, в связи с регулярностью повторения подобного рода взаимодействия между субъектами доказал свою эффективность, и институт получил формальное закрепление. Первое упоминание об институте займа в России встречается в Русской Правде, в настоящее время договор займа регулируется главой 42 ГК РФ. В процессе его существования вокруг формального института стали появляться неформальные: дружеский займ на доверии без письменного оформления договора, неформальные институты возврата («выбивания») долгов, передача имущества в счёт просроченного долга, «постановка на счётчик» и т.д. Указанные неформальные институты формируются на основе существующей экономической культуры, которая пополняется недоверием к займам, заёмщикам и организациям-займодавцам, а также приемлет вступление в заёмные отношения только с лицами, находящимися с заёмщиком или займодавцем в неформальных (дружеских, приятельских, родственных) отношениях.

Учитывая указанное двустороннее воздействие, будем рассматривать естественный алгоритм развития и реформирования институтов социально-экономической системы, а также различные варианты его деформации.

Начнём с естественного алгоритма, для этого обратимся к рисунку 3. Обязательным условием для возникновения необходимости формирования нового социально-экономического института является существование некоего неурегулированного до сих пор межсубъектного взаимодействия, которое порождает ряд связанных с этим проблем, требующих решения, и пополняет прецедентный блок социально-экономической системы (Рисунок 3, зона 1.1). Через указанную зону взаимопроникновения, отвечающую за естественное взаимодействие между социально-экономической и государственно-правовой системами, импульс о появлении противоречия поступает в государственно-правовую систему, где осуществляется поиск вариантов его разрешения, т.е.

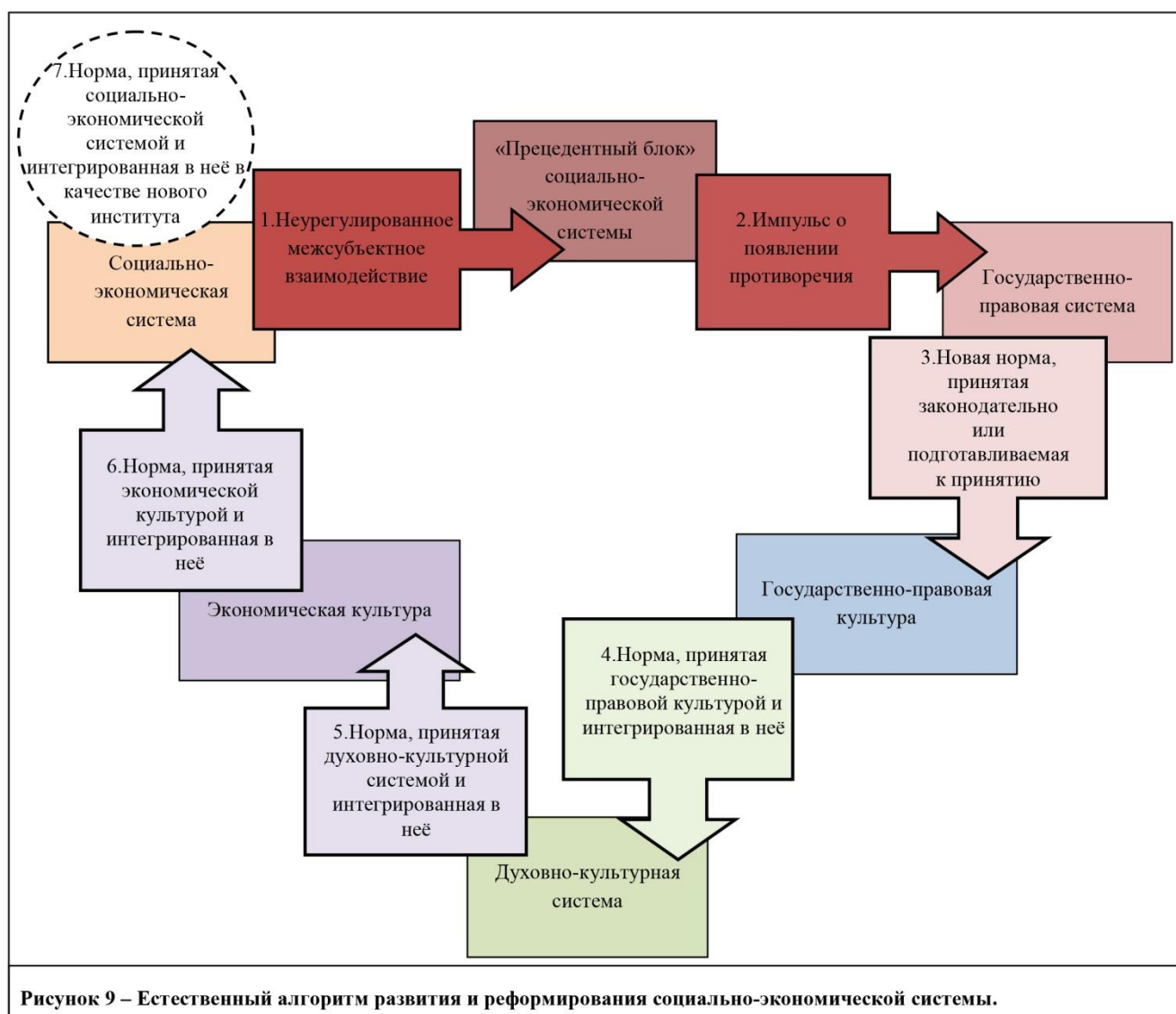
издаётся новый законодательный акт или вносятся изменения и поправки в существующий. Закрепление нормы права не есть автоматическое создание института, это лишь утверждение модели института, который необходимо создать, его структуры, функций, целей, области действия. Указанные нормы и правила из государственно-правовой системы поступают на уровень государственно-правовой культуры, которая, при отсутствии противоречий, трансформирует данный импульс в изменения духовно-культурной системы. В ней норма принимается или отвергается, легитимизируется и интегрируется в существующую систему либо порождает противоречия на данном уровне взаимодействия и деформирует алгоритм развития и реформирования. Данная ситуация будет рассмотрена ниже.

При положительном исходе, т.е. принятии и интеграции новой нормы или правила, духовно-культурная система транслирует её в социально-экономическую систему, таким образом, норма переходит на уровень экономической культуры. При успешном прохождении данной стадии норма интегрируется в экономическую культуру, а затем оформляется и начинает своё институциональное существование в рамках социально-экономической системы, опять-таки при условии отсутствия противоречий. Изобразим на схеме идеальный вариант протекания естественного алгоритма развития и реформирования институтов социально-экономической системы (Рисунок 9).

Рассмотрим схему на примере внедрения в России института, играющего значимую роль в экономике многих стран, – негосударственное пенсионное обеспечение. Возникшее неурегулированное взаимоотношение между негосударственными пенсионными фондами и страхователями, породившее импульс в государственно-правовую систему, потребовало своего оформления в качестве формального института.

В государственно-правовой системе факт существования данного института обозначен рядом поправок в текущем законодательстве, в частности изменениями в Федеральном законе «Об инвестировании средств для финансирования

накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации»¹, а также Федеральном законе «О негосударственных пенсионных фондах»².

Затем последовала попытка институциональной интеграции новой нормы в правовую культуру общества, а точнее в более гибкую её часть – правовые знания. Информирование населения осуществлялось посредством СМИ и прямых консультаций по месту официальной трудовой деятельности, в которых содержалась информация о факте создания подобной нормы права, о сроках вступления в силу и последствиях её невыполнения. На данном этапе важно

¹ Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24.07.2002 №111-ФЗ.

² О негосударственных пенсионных фондах: Федеральный закон Российской Федерации от 07.05.1998 №75-ФЗ.

проинформировать население, иными словами, побудить общество разобраться и ознакомиться с правовым нововведением.

Далее последовал этап перехода внедряемого института на уровень духовно-культурной системы, в которой норма уже анализируется не только как факт появления очередного правила и ознакомления с ним, но и с точки зрения анализа целей и задач, а также приемлемости и соответствия данной нормы эмоциональным составляющим духовно-культурной системы, опять-таки через механизм передачи знаний. На этом этапе формируется потребность существования данной нормы, общество оценивает её с позиции эффективности, целесообразности, легитимности и непротиворечивости существующим духовно-культурным институтам (например, нормам морали, нравственности, религии). Для достижения данной цели государство обычно использует конкретные инструменты работы с населением – это чаще всего информационно-разъяснительная работа, доносящая до будущих субъектов-участников института преимущества участия в нём. Это может быть осуществлено посредством публикации и трансляции через систему средств массовой информации выступлений, дебатов, дискуссий, обсуждений и интервью с экспертами на тему необходимости и эффективности формируемого института.

В процессе внедрения института негосударственного пенсионного обеспечения по телевидению, радио и в печатных изданиях регулярно обсуждалась данная тема, анализировались все преимущества и недостатки вводимого механизма, а также варианты и способы включения субъектов в него. Далее информация передаётся на уровень экономической культуры, т.е. анализируется возможность применения формируемого института в конкретных социально-экономических условиях и его взаимодействие с институтами существующей экономической культуры общества, группы лиц, личности. Субъекты, включившие формируемый институт в систему своих знаний, принявшие необходимость включения в систему негосударственного пенсионного обеспечения, приступают к анализу рынка указанных услуг, рассматривая варианты вложения накопительной части пенсии в тот или иной

негосударственный фонд, учитывая все особенности существующей социально-экономической системы. Субъекты, не принявшие факт появления нового института – негосударственного пенсионного обеспечения – либо из-за несовершенства информационной системы, либо осознанно отторгнувшие новое знание на одном из этапов, пополнили ряды «молчунов».

После того как институт прошёл интеграцию в систему экономической культуры, наступает этап его оформления в социально-экономической системе. Субъекты начинают вступать в законодательно закреплённое институциональное взаимодействие, т.е. индивиды приступают к заключению договоров с негосударственными пенсионными фондами по переводу накопительной части. Субъекты, выбравшие для себя пассивную позицию в формировании института или оказавшиеся таковыми случайно – «молчуны», породили необходимость формирования мер принуждения к участию в данном институте. Такой мерой стало внесение в 2013 г. изменений¹ в пункт 3 статьи 6 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 01.04.1996 № 27-ФЗ², предусматривающих, что вместо прежних 2% у «молчунов» от накопительной части остается 0%. В результате институт можно считать сформированным, однако говорить об эффективности его функционирования преждевременно. Существует два равновероятных исхода:

- мера принуждения окажется необходимым разовым стимулом, приводящим к включению в институт оставшихся в стороне субъектов, это позволит диагностировать естественный алгоритм институционального формирования и предсказать его дальнейшее эффективное функционирование;
- институт будет и далее развиваться по пути ужесточения санкций за отказ от участия в нём, демонстрируя тем самым произошедшие в естественном

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения: Федеральный закон от 04.12.2013 №351-ФЗ.

² Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 1.04.1996 №27-ФЗ.

алгоритме деформации и обрекая себя на низкую эффективность или саморазрушение.

Деформация возможна практически на любой стадии реализации естественного алгоритма. Рассмотрим несколько примеров деформации.

1. Возникновение противоречия на первом этапе, т.е. при отторжении формируемого института правовой культурой. Проанализируем деформацию на примере института, успешно функционирующего в КНР и вызывающего дискуссии в России: государство вводит закон об интернет-цензуре, создаёт институт, задачей которого является блокирование доступа к тем или иным интернет-ресурсам. При трансляции данной нормы на уровень правовой культуры возникает противоречие, так как в ней содержатся легитимные образцы поведения, закреплённые в пунктах 4, 5 статьи 29 Конституции РФ: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается»¹. В результате население отторгает норму. В данном случае возможны два исхода: государство получает и учитывает импульс о противоречии, пересматривает решение о формировании института, чтобы не допустить деформации естественного алгоритма; или осуществляется попытка искусственного внедрения института, функционирование которого на отторгающей почве возможно лишь при условии использования механизма принуждения и контроля. При использовании второго варианта непринимая среда правовой культуры способствует формированию вокруг внедрённого формального института ряда адаптивных или приспособленческих неформальных государственно-правовых институтов. В данном примере это могут быть: коррупция и должностное бездействие (за определённую плату можно получить доступ к тем или иным ресурсам), исключения из общего правила (представители отдельных групп лиц получают привилегии в виде расширенного доступа к интернет-ресурсам), «законный обход

¹Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

закона» (использование пробелов в законодательстве) и т.д. В результате чего государственно-правовая культура пополняется положительной оценкой образца поведения «необязательность выполнения законов», а духовно-культурная – негативной оценкой «поиска информации через интернет» (Рисунок 10).

Это способно привести к таким трудно устранимым социально-экономическим последствиям, как отказ от интернет-ресурсов, и как следствие, замедление технологического прогресса, а также возрастание роли неформального сектора интернет-услуг, теневой деятельности и неподчинение законам государства.

На данном этапе запускается самовоспроизводящийся процесс деформации алгоритма общественного развития: как реакция на неподчинение масс населения государственно-правовая система пополняется институтами

ужесточения контроля за функционированием общественных институтов, а духовно-культурная система и «зоны её проникновения» – неформальными институтами, позволяющими уклоняться от выполнения предписанных норм в условиях ужесточающихся мер контроля. На рассмотренный тип самоподдерживающейся деформации обращали внимание уже во времена античности. Так, Платон отмечает, что «нарушение законов причиняет именно тот вред, что, мало-помалу внедряясь, проникает потихоньку в нравы и навыки, уже в более крупных размерах, распространяется на деловые взаимоотношения граждан и посягает даже на сами законы и государственное устройство»¹. Это становится причиной того, что система переходит с пути развития и формирования на путь неусугубления и ликвидации последствий.

2. Возникновение противоречия на этапе передачи нормы на уровень экономической культуры. Это происходит в том случае, когда создание нового института проходит стадию интеграции в государственно-правовую культуру и, как следствие, ей не противоречит, а также принимается духовно-культурной системой общества. Аналогично рассмотренному выше процессу, искусственное поддержание жизнеспособности нового формального института и начало его взаимодействия с элементами старой экономической культуры приводят к формированию адаптивных неформальных институтов. Они пытаются подстроить новые формальные институты к существующей экономической культуре. Порождённые таким алгоритмом неформальные институты не только вступают в противоречие с законодательно установленным порядком функционирования формального института, но и пытаются с ним конкурировать. Происходит отклонение практических действий от теоретически предписанных, т.е. расхождение между экономико-культурным мышлением и экономико-культурным сознанием. В результате под влиянием подобного противоречия происходит деградация экономической культуры общества и неэффективное функционирование формальных институтов, приводящее к краху реформ из-за

¹ Платон. Государство. С.Пб., 2005. С. 265.

невозможности дальнейшего искусственного удержания формального института в состоянии жизнеспособности.

Рассмотрим, например, возникновение такого социально-экономического института, как налог на роскошь. Его создание не противоречило государственно-правовой культуре населения, став очередным налогом в перечне существующих, духовно-культурная система интегрировала, а скорее не отторгло данное изменение внутри себя, однако после трансляции на уровень экономической культуры институт столкнулся там с противоречиями. Экономическая культура налогоплательщика содержит паразитический образец поведения – «уход от налогов». Даже те группы лиц, которые собирались честно производить уплату налогов, осознавая весь положительный эффект, который получает общество за счёт налоговых отчислений, встречаясь с экономической культурой общества, приходят к нежеланию становиться «платящим меньшинством». Осознание того, что часть субъектов, попадающих под действие данного института, уклоняется от выполнения его основных задач, приводит к мысли о снижении положительного эффекта от уплаты налога. В результате существенная часть налогоплательщиков принимают модель поведения: «никто не платит и я не буду», основываясь на таких образцах поведения, содержащихся в эмоциональном блоке экономической культуры, как «от того, что я один уклонюсь от уплаты налога, общество много не потеряет», «если налог буду платить только я, то обществу легче не станет», «даже если я заплачу, всё равно денежные средства пойдут в карман чиновников, а не на общественные нужды».

Таким образом, эффективность функционирования института снижается, усиление контроля и ужесточение санкций за невыполнение могут лишь на некоторое время поддерживать жизнеспособность такого института. В результате сохраняемого общественного противоречия вокруг искусственно насажденного нелегитимного института возникает ряд паразитических неформальных институтов, таких как различные варианты ухода от налогов, экономическая культура культивирует и развивает в себе положительную оценку «необязательности уплаты налогов», а духовно-культурная система впитывает в

себя лояльное отношение к коррупции, негативную оценку лиц, попадающих под действие налога на роскошь, негативную оценку органов государственной власти и т.д. Подобного рода деформация также запускает самовоспроизводящийся процесс деградации общественной системы, что выражается в снижении уровня общественного благосостояния.

Неправильно было бы говорить о безоговорочном снижении общественного благосостояния в результате неудачного реформирования, учитывая, что асимметричность информации в процессе такого порядка проведения преобразований усиливается, в выигрыше остаются те, кто обладает ей в наибольшем объёме. Также за счёт её асимметричности у «выигравших» появляется «фора», т.е. первые неформальные институты формируются с их стороны, а «проигравшие» вынуждены осуществлять подстройку нового института не только под свою экономическую культуру, но и под неформальные институты, продиктованные первой группой лиц.

Рассмотрим как пример естественного алгоритма формирования социально-экономических институтов процесс становления рынка труда в развитых европейских странах, а также как пример деформации возникновение аналогичного института в России.

В Европе становление капиталистического рынка труда осуществлялось на основе разложения общинной формы его организации, фабричное производство стало альтернативой цехового. В процессе осуществления правового реформирования, законодательного закрепления сокращения рабочего времени, установления обязательного посещения школы детьми, возрастного ограничения работников проводились мероприятия с населением, направленные на повышение образовательно-культурного уровня и идеологическое одобрение рыночного устройства. «В 1850–1870-е гг. в сознании рабочих Запада сформировалась идея, что их благосостояние зависит от некоей невидимой руки, руки рынка. Не исключено, что эта идея, можно сказать, и целая рыночная идеология, внедрялась

в массы пролетариата самими предпринимателями и церковью»¹. Вслед за этим начинается локальное исполнение данных правил, т.е. начало их функционирования как неформальных институтов, которые впоследствии подтверждают свою эффективность. Проведённая после преобразований в Англии в 1861 году четвёртая парламентская комиссия удостоверила: «...явное улучшение материального и нравственного положения рабочих на текстильных фабриках и, несмотря на ограничение рабочего времени, сильно увеличившаяся производительность фабрик привели фабрикантов, и общественное мнение к осознанию: первоначальное противодействие сокращению рабочего времени было ошибкой и дальнейшее распространение фабричных законов не только не будет сопровождаться гибельными последствиями, но, напротив будет выгодным во всех отношениях»². В результате происходит формализация большого числа существовавших до сих пор неформально рыночных институтов, и в частности рынка труда, формированию которого препятствовали низкая мобильность трудовых ресурсов между отраслями, ограничения на приобретение профессий, требующих квалификации, и т.д. В конечном счете возникновение такого неформального, а затем и формального института, как обязательное школьное образование, устраняет это препятствие и способствует организации и эффективному функционированию института рынка труда.

Рассмотренную цепочку событий будем квалифицировать как прямой, или естественный, алгоритм развития социально-экономической системы, где отправная точка очередного витка находится в области духовно-культурной системы, которая по своим свойствам менее гибкая, чем социально-экономическая. Если изменение последней возможно осуществлять с помощью локальных единовременных реформ, то изменения в духовно-культурной системе происходят в основном гораздо более медленным эволюционным путём, а попытки искусственного изменения каких-либо элементов культуры способны породить массу противоречий, влекущих за собой цепь негативных последствий.

¹ Суховский А.М. Общественный сектор экономики и формирование рынка труда на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №6(15). С. 228.

² Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. 35. С. 178.

Рассмотрим ещё один пример, когда взаимодействие экономической культуры и социально-экономической системы происходило с деформациями алгоритма, – формирование рынка труда в России после распада СССР.

Изучим данный процесс с позиции доступа к информации двух основных субъектов рынка труда: работодателей и наемных работников. Исходя из вышеприведённой структуры экономической культуры как системы (Рисунок 6), это лица, принимающие решения, и население. Для начала рассмотрим реформу и её последствия для «выигравших» лиц. Нужно отметить, что термины «выигравшие» и «проигравшие» достаточно условны и зачастую взаимопроникаемы. Российская реформа вслед за законодательными преобразованиями осуществила механический перенос опробованного западными странами и доказавшего свою эффективность института рынка труда. Перенос осуществлялся стихийно, без предварительной работы в области просвещения основных слоёв населения. «Для большинства «советских специалистов» внедрение рыночных институтов (особенно на рынке труда) стало довольно большой неожиданностью. Вдруг оказалось, что их профессиональный капитал не является реально конвертируемым, то есть, образно говоря, новая Россия стала больше нуждаться в менеджерах, продавцах и рэкетирах, чем в услугах «советской интеллигенции». Статус некогда престижных профессий резко упал»¹.

Экономическая культура командно-административной социально-экономической системы осталась практически без изменений. Новый институт, вступив во взаимодействие с «патерналистскими установками российского менеджмента, унаследованными от прежней советской системы»², в которых успешно укоренился такой образец поведения «развитого социализма», как функционирование экономики при «полной занятости», породил ряд специфических неформальных институтов. В ряде постсоциалистических стран, таких как Болгария, Польша, Румыния и т.д., рыночные преобразования

¹ Гладарев Б. Трудовые стратегии советских специалистов в конце 1990-х годов: проблема укорененности экономического поведения // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 146.

² Экономические субъекты постсоветской России: институциональный анализ: десять лет спустя. Ч. 1. Российские домохозяйства. М., 2010. С. 38.

сопровождает сильнейший взлёт безработицы. В России старая экономическая культура подстраивала под себя новый социально-экономический институт рынка труда, что обеспечило не столь большие показатели безработицы, как в других странах. Это стало возможным за счёт образования ряда неформальных институтов рынка труда, таких как:

во-первых, перевод работников на сокращенное рабочее время. «По разным оценкам, в 1993–1998 гг. в режиме неполного рабочего времени приходилось трудиться 3–6% всех занятых, находились в административных отпусках 1–2%»¹;

во-вторых, снижение реальной заработной платы. «Согласно официальным данным, за период 1992–1997 гг. реальная заработная плата сократилась в России более чем вдвое – на 51%»²;

в-третьих, периодическая задержка её выплаты. Со стороны трудящегося населения новый институт столкнулся с определенными особенностями советской экономической культуры:

– отсутствием трудовой инициативы. «Нельзя сказать, что мотивации при социализме не было. Была – но в чётко очерченных рамках. Тогда говорили: потолок заработка, но этим устанавливался и потолок достижений. Основная болезнь, от которой погибли советское общество и советская экономика, – это низкие потолки. Инициатива была задавлена»³;

– отсутствием трудовой мобильности. «Трудовая мобильность населения искусственно ограничивалась (институтом прописки, обязательным распределением выпускников учебных заведений и т.п.)»⁴.

Указанные элементы экономической культуры, а также уже появившиеся неформальные институты: сокращённое рабочее время, сокращение заработной платы и её задержка формируют ряд приспособленческих неформальных институтов со стороны населения.

¹ Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. №1. С. 23.

² Там же. С. 22.

³ Гвоздева Е. Особенности национальной работы [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. №3(11). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/osobennosti-nacionalnoy-raboty> (дата обращения: 12.06.2013).

⁴ Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. №1. С. 21.

Во-первых, производство продуктов питания внутри домашнего хозяйства, так как «натуральное производство в подсобном хозяйстве есть способ получения материальных благ без существенных издержек»¹. На первый взгляд, данный неформальный институт не наносит вреда развитию рынка труда, однако это так или иначе приводит к сокращению рабочих на рынке труда, снижению спроса на продукцию овощеводства, поставляемую на рынок, и т.д.

Во-вторых, привязка к предприятиям, на которых не выплачивали зарплату, так как при функционировании в рамках такого предприятия надежда на задержанные выплаты оставалась, а при уходе с них об этих суммах можно было забыть.

В-третьих, в силу сокращения рабочего времени и снижения доходов приобретала всё большую распространённость вторичная занятость в неформальном секторе, включающем в себя как законные, такие как репетиторство на дому, пошив одежды, «челночный» бизнес, так и противозаконные виды деятельности – рэкет, «крышевание», контрабанда.

В результате подобные подстраивающие неформальные институты приводят к необходимости регулярного ужесточения контроля за порядком функционирования института рынка труда, а также к негативным изменениям в экономической культуре населения, в которой теоретические знания о функционировании рыночной экономики либо недостаточны, либо расходятся с практическими навыками. Формируется такая паразитическая черта экономической культуры, как «необязательность исполнения предписаний», о которую в дальнейшем разбивается большинство преобразований.

Искусственно насаждённый на архаичную культурно-экономическую почву институт рынка труда породил ряд рассмотренных негативных последствий: деформация экономической культуры привела к возрастанию роли неформальных институтов, связанных с необходимостью защиты прав и предупреждения оппортунистического поведения, проверки полученной информации, а также

¹ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) [Электронный ресурс]. М., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-teoriya-4/57.htm> (дата обращения: 12.04.2014).

обеспечения её безопасности. Произошло неравномерное развитие транзакционного сектора в сторону увеличения роли таких институтов, как охранные организации, юридические консультации, предприятия, работающие в области обработки, хранения и защиты информации, нотариальные конторы и т.д. В связи с реальным увеличением спроса на услуги такого рода специалистов возросли и доходы от участия в данной отрасли, что обосновалось как неформальный институт: юристы и экономисты – это самые высокооплачиваемые профессии.

Отсюда трансформация ценностей в области экономической культуры, в списке трудовых мотиваций на первое место выходит размер заработной платы. Это объясняется вполне объективными причинами. «Если в советский период деньги были лишь одним из благ (наряду, например, с возможностью «получать» на предприятии или по знакомству дефицитные товары, жильё, медицинские услуги и т.п.), то сегодня в сознании работников они приобрели своё истинное значение универсального эквивалента всех материальных ценностей»¹. В силу этого стало необходимо получить самую «доходную специальность». Рождается неформальный институт, аккумулирующий в себе все возможные способы поступления на экономический и юридический факультеты. Этот институт формализуется в виде роста числа вузов, готовых выпускать указанные специальности, увеличения по сравнению с остальными факультетами размера оплаты за обучение и числа платных мест, на которые не так уж сложно поступить. Это приводит к рождению неформальных институтов у работодателей – среди выпускников вузов масса неквалифицированных специалистов, не способных к эффективному выполнению своих обязанностей, в связи с этим утрата доверия к диплому.

На уровне экономической культуры происходят дезинтегрирующие её процессы, подмена ценностей, удовлетворение от работы отходит на задний план по сравнению с целью обогащения, происходит формирование менталитета,

¹ Гвоздева Е. Особенности национальной работы [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. №3(11). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/osobennosti-nacionalnoy-raboty> (дата обращения: 12.06.2013).

тормозящего дальнейшее экономическое развитие. Искажение мотивов и потребностей приводит к появлению институтов, не только не способствующих общественному развитию, но и существенно затрудняющих этот процесс.

Рассматривая деформацию алгоритма становления рыночных институтов, интересно также обратить внимание на постсоветский рынок потребительских товаров и услуг. Проведём этот анализ аналогично: с позиции асимметричного распределения информации.

Экономическая культура советских производителей, формировавшаяся в неконкурентной среде и не обладающая ценностями снижения издержек производства или улучшения качества товара, столкнувшись с институтом свободной торговли, провоцирующим необходимость ценовой конкуренции, приводит к формированию таких неформальных институтов, как:

- снижение цены за счет снижения качества;
- недобросовестная конкуренция: распространение ложных сведений, способных причинить ущерб другому хозяйствующему субъекту; предоставление ложной информации о произведённом товаре и его качествах; продажа посредством психологического давления – «втюхивание»;
- недобросовестная реклама и т.д.

Со стороны потребителей, явно «проигрывающих» в условиях асимметрии информации, происходит взаимодействие вышеуказанного формального института свободной торговли с духовно-культурной открытостью к идеологической обработке и «доверительной» моделью потребления в силу того, что в советский период качество однородных товаров и услуг было сравнительно одинаковым. В результате возникает ряд неформальных институтов: приобретение товаров «у своих», «по знакомству», «по рекомендации», ориентация на цену, а не на качество, предпочтение импортных товаров или переход на полное самообеспечение. Отсутствие полной информации о качестве обрекает часть населения на покупку некачественных товаров, а другую его часть переключает на «погоню за брендами» как гарантией качества. В результате происходит насыщение блока экономических знаний экономической культуры

информацией из недобросовестной рекламы. Обращая внимание на подобные тенденции, государство начинает ужесточать рамки контроля за предпринимателями, производящими потребительские товары и услуги, с целью защиты прав потребителей и уменьшения асимметричности распределения информации, что осуществляется как очередное насаждение инородного формального института на уже сформированную «приспособленческую экономическую культуру общества». Ожидаемое улучшение положения потребителей не только не наступает, но и начинается стремительное укрепление такого адаптивного неформального института, как коррупция.

Таким образом, экономическая культура лиц, принимающих решения (предпринимателей и государственных чиновников), пополняется следующими образцами поведения: взяточничеством, практикой «откатов» – и принимает их как естественные. А в экономической культуре населения укореняется отрицательная оценка предпринимательской деятельности, бизнеса, недоверие к органам государственной власти, а также ко всей деятельности, обеспечивающей финансовый успех, – она трактуется как «плохая», «аморальная» и т.д.

Рассмотрим ещё один институт, формирование которого породило достаточное количество неформальных институтов и образцов поведения, которые до сих пор препятствуют эффективному его функционированию, – рынок сбережений-инвестиций. Переход к рыночной финансовой системе, стимулирование образования коммерческих банков, упрощение системы их организации (незначительный уставной капитал, местная регистрация) при взаимодействии с советской экономической культурой российского менеджмента, не обладающей достаточным уровнем знаний о порядке и рисках функционирования финансовой системы, породили ряд неформальных институтов:

- задержку выплат по вкладам;
- использование не по назначению межбюджетных трансфертов;
- присвоение части эмиссионного дохода государства;

– выход за пределы оптимальной по доходности и риску структуры баланса банка, т.е. в связи с доходностью государственных ценных бумаг, вложенные в них дешевые зарубежные кредиты приносили значительную прибыль, но подрывали устойчивость.

Как итог – банкротство большого количества коммерческих банков, в том числе и в результате дефолта 1998 г.

Со стороны масс населения, опять-таки проигрывающих при распределении информации, взаимодействие новых институтов с архаичной экономической культурой, не обладающей должными знаниями, породило массу вкладов в ненадёжные структуры, а именно: коммерческие банки-однодневки, финансовые пирамиды и т.д. что в большинстве случаев можно было предвидеть при определённой дальновидности. Крушение зарождающейся финансовой системы привело к следующим последствиям:

– утрате экономической культурой населения важного для развития экономики института доверия: доверия к национальной валюте, финансовым организациям, коммерческим структурам и т.д.;

– обогащению такими образцами поведения, как приоритетное хранение денег в наличной форме и желательно в устойчивой иностранной валюте.

«Подрыв доверия к финансовым институтам, падение денежных доходов населения обусловили снижение и примитивизацию сберегательной активности. Она выразилась в возврате к традиционным формам сбережений, описываемых формулой «Сбербанк плюс чулок», при направлении возросшей части сбережений на улучшение жилищных условий. Время поиска новых альтернативных (и рискованных) форм вложений в негосударственном финансовом секторе в целом прошло»¹.

К концу 90-х г. наметилось несколько сберегательных приоритетов:

– «хранение денег в виде наличных рублей, что вообще исключает организованный характер размещения сбережений либо в силу низкого объема

¹ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) [Электронный ресурс]. М., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-teoriya-4/57.htm> (дата обращения: 12.04.2014).

накоплений, либо по причине полного недоверия к любым формам организации сбережений»¹;

– «рублевые вклады в Сбербанке – наиболее традиционный вид размещения средств»²;

– вложение в ценные бумаги, держателем которых человек становился в результате приватизации. «В основном это акции предприятий, на которых они работают»³;

– хранение денег в виде наличной валюты. «В предшествующие годы она [данная форма хранения средств] защищала сбережения от инфляции, а в последнее время выступает как гарант от потери сбережений в результате краха банковских структур или политических катаклизмов»⁴.

Из экономической культуры общества, в частности домашних хозяйств, опытным путём самоустранился стимул к участию в инвестиционной деятельности, что затрудняет развитие рыночной экономики в силу того, что сбережения домашних хозяйств в развитых странах являются одним из основных источников инвестиций в реальные сектора экономики.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что деформация алгоритма проведения социально-экономических реформ в России запустила самовоспроизводящийся процесс деградации экономической культуры и создания приспособленческих неформальных институтов. Это как не способствует развитию социально-экономической системы в выбранном направлении, так и существенно тормозит, если не сказать препятствует этому процессу. В результате чего импортированные институты не только не функционируют с той же эффективностью, что и в «родных» социально-экономических системах, но и имеют тенденцию к деградации и саморазрушению. В силу регулярности возникновения случаев аналогичного переноса и последующей неэффективности институтов возникает потребность в своевременной диагностике и устранении

¹ Аврамова Е.М. Сберегательные установки россиян // Общественные науки и современность. 1998. №1. С. 32.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 33.

негативных тенденций. Деформацию алгоритма формирования институтов проще предотвратить на ранней стадии, чем ликвидировать последствия неудачной модернизации.

После рассмотрения экономической культуры как системы и её роли в формировании социально-экономических институтов, необходимо определить основные направления её влияния на процесс социально-экономической модернизации, которая в настоящий момент требует изменения традиционной и формирования инновационной экономической культуры, а также нахождения между ними оптимального баланса.

2 Предпосылки формирования и оценка функционирования экономической культуры инновационного типа

2.1 Необходимость формирования экономической культуры инновационного типа как ключевой фактор развития

В условиях вступления ряда стран в постиндустриальную стадию развития, глобализации и появления новых форм хозяйствования выбор направления развития в современной ситуации является наиболее актуальным вопросом. Поиском ориентиров развития и путей экономического роста озадачены многие исследователи. «Усложнение мировых процессов, рост конкуренции на рынках, ослабление прежних лидеров вынуждают все государства проводить постоянную «сверку часов», модернизировать экономику, укреплять институты, оперативно решать назревшие проблемы»¹.

В настоящее время для соответствия темпам развития ведущих стран необходимо выстраивать курс на формирование особого типа социально-экономической системы, которую многие авторы именуют инновационной социально-экономической системой. Нельзя не согласиться с экс-вице-премьером правительства Республики Калмыкия В. Илюмжиновым: «Мир переживает период очередной технологической революции ... Правящие круги государств, вступивших в экономический марафон, понимают, что именно технологии являются единственным ключом к стабильности и процветанию в XXI веке»². Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года одним из основных целевых ориентиров для нашей страны является «экономика лидерства и инноваций», а

¹ Илюмжинов В. Глобальная инновационная гонка: в борьбу вступают мировые лидеры, Россия отстаёт [Электронный ресурс] // Газета Протестант. 2013. 28.03.2012. URL: www.gazetaprotestant.ru/2012/03/globalnaya-innovacionnaya-gonka-v-borbu-vstupayut-mirovye-lidery-rossiya-otstaet/ (дата обращения: 23.05.2014).

² Там же.

точнее, речь идёт о переходе «российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития»¹.

Однако неоспоримым является тот факт, что перед формированием новой социально-экономической системы либо модернизацией старой необходимо найти правильный выход из переходного этапа развития, на котором в настоящий момент находится наша страна.

Отнюдь не переходное состояние стало причиной неэффективности большинства существующих в России рыночных институтов, так как его начало уже было сопряжено с деформацией алгоритма реформирования. Деформация произошла в связи с упущением одного из этапов, который обычно предшествует переходу, – процесса селекции эффективных институтов существующей социально-экономической системы и элементов экономической культуры, поддерживающих их функционирование. «Демонтировав в короткие сроки старые институты, обеспечивавшие приемлемый уровень бюджетной, финансовой, производственной, социальной стабильности, реформаторы не смогли столь же быстро создать «каркас» рыночной экономики, гарантирующий устойчивость системы на макро- и микроуровне, – то есть многочисленные институты, никогда не существовавшие при социалистической системе»².

Обычно протекание переходного периода связывают с такими процессами, как:

- оценка существующих институтов с точки зрения эффективности и соответствия новым целям и задачам, а также определение тех элементов экономической культуры, которые обеспечивают функционирование наиболее эффективных институтов;
- отсев устаревших институтов, по возможности корректировка поддерживающих их элементов экономической культуры;

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением правительства РФ № 1662-р от 17.11.2008

² Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. 2001. №2. С. 108.

– выработка на основе оставшихся в результате селекции экономико-культурных элементов новых элементов экономической культуры, способных катализировать формирование будущей социально-экономической системы, а также поддерживать жизнеспособность и эффективность функционирования её институтов.

Модернизация социально-экономической системы, учитывая прохождение переходного периода в таком порядке, позволяет осуществлять межсистемную историческую преемственность, необходимую для полноценного социально-экономического развития любого общества.

В процессе межсистемного перехода, который наблюдается в России, был упущен этап институционального отбора, произошёл институциональный сброс, т.е. практически полный отказ от имеющихся институциональных структур. Как предполагает А. Николаев, директор Института стратегических инноваций, «Здоровый консерватизм, например, мог бы предостеречь российских реформаторов от многих скороспелых и легковесных решений, последствия которых дорого обходятся обществу»¹. Помимо этого, отказ от старых институтов и создание новых не сопровождалось предварительной трансформацией экономической культуры, которая в силу своей архаичности и излишней традиционности пока не обладает свойствами автоматической подстройки под формируемые институты. Как результат – отторжение и хроническая нежизнеспособность новых институтов.

Скорректировать алгоритм реформирования и устранить циклично повторяющиеся деформации – профессор А. Аузан описывает процесс их самовоспроизводства как «эффект колеи»² – достаточно сложно, зачастую это длительный процесс, а порой и невозможно. А. Аузан приводит в качестве примера ширину железных дорог: «...именно наша ширина железных дорог является правильной, но очень сомнительно, что мир поменяет свою

¹ Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура [Электронный ресурс] // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». 2001. №5. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/9_5_01.htm (дата обращения 14.11.2014).

² Аузан А. Эффект колеи [Электронный ресурс] // Интернет-журнал ПостНаука. 30.10.2014. URL: <http://postnauka.ru/longreads/35754> (дата обращения: 07.11.2014).

железнодорожную сеть, я бы сказал, практически невероятно»¹. Или, к примеру, раскладка клавиатуры QWERTY², далеко не самая оптимальная раскладка клавиатуры на данный момент, однако в силу эффекта «колейности» воспроизводится с позапрошлого века.

Таким образом, с целью преодоления в России самовоспроизводящихся деформаций или «эффекта колеи» необходимо предварить модернизацию социально-экономической системы корректировкой экономической культуры:

- целенаправленным формированием элементов инновационной экономической культуры, соответствующей будущей инновационной социально-экономической системе;
- восстановлением утраченных в настоящее время связей между уровнями в структуре экономической культуры.

В противном случае несоответствие культуры институциональной среде способно обречь длительный ряд реформ на неэффективность.

Вводя в анализ термин – «инновационная социально-экономическая система» или «экономика лидерства и инноваций», имеем право говорить о существовании сообразной ей духовно-культурной системы инновационного типа и как продукта их взаимодействия инновационной экономической культуры. Будем рассматривать инновационную экономическую культуру не как отдельный тип экономической культуры, а как экономическую культуру, приобретающую особое свойство инновационности, не отказываясь при этом от отдельных элементов традиционной экономической культуры. Иными словами, формирование инновационной культуры заключается в поиске оптимального баланса между традиционностью и инновационностью.

Проблемы, связанные с формированием инновационной экономической культуры в России, обсуждаются уже достаточно длительное время, о чём говорит создание Института стратегических инноваций и подписание в 1999 г. его первого программного документа – «Хартии инновационной культуры». В ней

¹ Аузан А. Эффект колеи [Электронный ресурс] // Интернет-журнал ПостНаука. 30.10.2014. URL: <http://postnauka.ru/longreads/35754> (дата обращения: 07.11.2014).

² Там же.

представители науки, культуры, образования, органов государственного управления и т.д. формируют ряд предложений по поводу оформления культуры необходимого типа, «сознавая, что устойчивое развитие нынешней цивилизации возможно лишь благодаря постоянным нововведениям (инновациям) в науке, образовании, культуре, экономике, управлении, придавая стратегически решающее значение культуре инновационной деятельности»¹. На базе института организовываются различные форумы по исследуемой проблеме, подтверждая тот факт, что необходимость формирования системы экономической культуры сообразного социально-экономической системе вида не только осознаётся, но и с каждым годом приобретает всё большую актуальность. В данном вопросе нам очень близка точка зрения бывшего генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацуура: «Реальная восприимчивость людей к новшествам в экономике, образовании, управлении, культуре, способность и готовность их понять, поддержать и превратить в товары, услуги, методы стали решающим фактором успешного развития общества. Об этом свидетельствует и мировой опыт. Опираясь на глубокий анализ состояния и проблем инновационного развития страны, в том числе на результаты общегосударственных исследований промышленности и отраслевой науки, проведенных Институтом стратегических инноваций, А. Николаев² сделал емкий, но точный вывод: инновационная культура – это стратегический ресурс нового века»³.

Как и любой другой тип экономической культуры, экономическая культура инновационного типа представляет собой совокупность экономических стереотипов поведения и экономических знаний, однако основным её отличием является большая гибкость и открытость к быстрым темпам научного прогресса. С точки зрения элементов, входящих в экономическую культуру инновационного

¹ Проблемы и опыт. Хартия инновационной культуры [Электронный ресурс] // Инновации. 1999. №9–10. URL: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/50a548b66b25dd7cc32569bd003d4ca8/47195bfa37161144c32569ca004f35d0?OpenDocument> (дата обращения: 25.11.2013).

² Директор Института стратегических инноваций, председатель Комитета по инновационной культуре Комиссии России по делам ЮНЕСКО.

³ Мацууро К. Стратегический ресурс века (о международном форуме «Инновационная культура на рубеже веков») [Электронный ресурс] // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 4. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/22_4_01.htm (дата обращения: 24.09.2014).

типа, её особенность заключается в превалировании рациональной, более мобильной части – экономических знаний над эмоциональной составляющей. «Становится всё более популярной точка зрения, что ряд ведущих промышленных держав находятся на пороге общества знания или даже вступили в фазу его построения. Следовательно, категория «знание» становится ключевой для определения содержания таких обществ»¹. Однако эмоциональная часть не только не устраняется, но и развивается таким образом, чтобы в процессе социально-экономической модернизации выступить в качестве катализатора. Инновационную экономическую культуру с этой точки зрения точно описывает Е.А. Алексеева, которая раскрывает её «через наличествующие у неё «точки блока», препятствующие инновационному развитию, и «точки роста», ему способствующие. Для наиболее эффективной реализации инновационных программ необходимо обходить «точки блока» и максимально полно использовать «точки роста»»². Иными словами, эмоциональная часть в инновационной экономической культуре должна становиться более открытой для инновационных процессов.

Согласно «Зелёной книге инноваций» противоположностью понятия «инновация» выступает такая категория как, «рутина»³. В институциональной теории под рутинami обычно понимают «установившуюся практику, заведенный порядок деятельности»⁴. Говорить о рутинах как о негативном, блокирующем открытость или препятствующем инновационному развитию явлении было бы неверно – рутины хранят в себе историческую преемственность, прошлый опыт, элементы традиционного типа экономической культуры. Такая характеристика, как «рутинность», свойственна эмоциональной части экономической культуры, сочетающей в себе образцы поведения и их оценочные характеристики. В инновационной экономической культуре эмоциональная составляющая не должна

¹ Лисин Б.К. Инновационная культура [Электронный ресурс] // Инновации. 2008. № 10. URL: <http://www.innov.etu.ru/Innovation/innov.html> (дата обращения: 03.07.2014).

² Алексеева Е.А. Инновационная культура России и социально-культурное проектирование // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2011. Вып. 6, ч. 1. С. 480.

³ Green paper on Innovation. European commission. December 1995. [Electronic resource] URL: europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com95_688_en.pdf (access date: 08.09.2014).

⁴ Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория: Учебник. Новосибирск, 2003. С. 96.

быть утеряна, она скорее должна приобрести некоторые новые свойства, делающие её при всей косности более восприимчивой к инновациям, так как согласно исследованиям В.В. Васильковой «в этой сфере [сфере культуры] особо сильна роль традиций; в них современное человечество «прорастает» в глубочайшие пласты своей истории, и они существенным образом определяют моделирование социальных инноваций»¹. Многие страны в настоящее время своими темпами развития обязаны тому, что нашли идеальную пропорцию двух противоположностей: традиционности и инновационности. «По мнению профессора Варнеке, «азиатские культуры за счет своих культурных и исторических особенностей добиваются более высокой слаженности действий человека, техники и организации»². Новые свойства стереотипов экономического поведения должны заключаться в том, чтобы рутинизировать не конкретный набор или последовательность действий, а процедуру постоянного обновления, трансформации рутинного блока. Например, включая компьютер, мы действуем согласно нашему набору рутин: автоматически пользуемся мышкой, открываем папки и закрываем окна, а также при выведении на экран монитора сообщения о имеющихся системных обновлениях точно так же, автоматически запускаем обновление. Таким образом, обновление операционной системы входит в состав наших рутин.

Инновационная экономическая культура должна обладать тем же элементом: рутиной постоянного обновления – «обновление есть необходимое условие культурного процесса. В обстановке подъема инновационной культуры процессы обновления различных отраслей приобретают более интенсивный и всеобщий характер, охватывают изменения все более высокого порядка, например, переход на новые информационные и иные технологии и т.п. – вплоть до трансформации общественно-экономического уклада»³. В связи с тем что мир вокруг нас постоянно меняется, привыкать к чему-либо становится слишком

¹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999. С. 374.

² Лисин Б.К. Инновационная культура [Электронный ресурс] // Инновации. 2008. №10. URL: <http://www.innov.etu.ru/Innovation/innov.html> (дата обращения: 03.07.2014).

³ Там же.

«дорого», необходимо привыкнуть постоянно менять привычки, чтобы оставаться на восходящей волне развития.

Ещё несколько веков назад образованный человек мог обладать полными знаниями практически в каждой научной области, на сегодняшний момент информации, которой может обладать человек, слишком много и обработать её всю человеческий мозг не в силах. Исходя из этой предпосылки, в рамках инновационной концепции экономической культуры человек может обладать ограниченным набором знаний, а образцы поведения, заложенные в его стереотипах поведения, должны содержать рутины, запускающие при необходимости механизм их пополнения и обновления, смягчая тем самым жесткость эмоционального блока экономической культуры. При возникновении задачи, для решения которой имеющихся знаний человека недостаточно, даже учитывая их регулярное обновление, человек должен обладать образцом поведения или рутиной, заключающей в себе механизм получения новой информации, т.е. в случае, если человек чего-то не знает, он должен обладать положительно оцениваемым образцом поведения – «поиском информации во внешних источниках». Данный процесс, присущий культуре инновационного типа, обеспечивает её автоматическую настройку под постоянно изменяющуюся внешнюю среду, т.е. делает её более гибкой.

Примером архаичной культуры с жесткими стереотипами поведения может быть средневековая культура, законсервированные образцы поведения и их оценки (инквизиция, сожжение ведьм и еретиков) не только сами трудно поддавались изменениям, но и блокировали более гибкую часть культуры – знания, делали её не восприимчивой к новой информации (Джордано Бруно за открытия в области астрономии сожгли на костре). Негативное взаимное влияние культуры со слабовосприимчивой к изменениям эмоциональной частью и консервативных способов хозяйствования впервые описано в трудах Цицерона. «Этот «древний уклад» был объективно обусловленной чертой римского общества – сам способ производства порождал застойные формы жизни и делал

«заветы предков» нормой общественной нравственности»¹. Гибкая экономическая культура способна сделать общество и индивида в отдельности более активным, мобильным, минимум толерантным, максимум хорошо восприимчивым или продуцирующим инновации.

Для формирования подобного рода экономической культуры следует обратить внимание не только на приобретение её подсистемами и элементами соответствующих поставленной задаче качеств, но и на взаимосвязи, в которых находятся элементы и подсистемы. Как уже было замечено в параграфе 1.1 при анализе рисунка 6, прерывание связей между подсистемами как одного, так и различных уровней чревато негативными последствиями не только для экономической культуры как самостоятельной системы, но и для общественной системы в целом, частью которой она является. Соответственно необходимо обеспечение непрерывного взаимодействия между всеми подсистемами экономической культуры. «При высоком уровне инновационной культуры общества в силу взаимной корреляции, взаимозависимости её частей, изменение одной составляющей вызывает быстрое изменение других»².

На первом уровне подсистем экономической культуры согласно рисунку 6 необходимо бесперебойное взаимодействие между экономической культурой научного сообщества, лиц, принимающих решения, и экономической культурой населения как условие согласованности и сонаправленности инновационной деятельности. «Почти всегда инновации – это результат совместных усилий»³.

Если особенности взаимодействия триады наука – власть – бизнес с целью формирования инновационной системы общества изучаются уже достаточно длительное время, то почему-то такое звено, как общество, зачастую неоправданно выпадает из поля зрения исследователей. Однако, как уместно замечает Р.С. Петров: «...опыт показывает, что реализация инновационных

¹ Цицерон М.Т. Избранные сочинения. М., 2000. С. 4.

² Кузьмина Ж.Ю. Инновационная культура как необходимая составляющая гармоничного развития современного общества [Электронный ресурс] URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Philosophia/46696.doc.htm (дата обращения: 05.11.2013).

³ Лундвал Б.А. Он придумал национальную инновационную систему // Бюллетень Инновационные тренды. 2011. №1. С. 3.

стратегий в российских регионах столкнулась с непростой проблемой низкой готовности и заинтересованности большей части населения в инновационном развитии»¹. Причиной стратегической важности обеспечения взаимосвязи экономической культуры научного сообщества и лиц, принимающих решения, с экономической культурой населения является особая роль населения в процессе инновационного развития. Нельзя не согласиться с профессором И.В. Войтовым: «От экономических агентов требуется новый уровень культуры спроса, культуры потребления и культуры экономических взаимоотношений, словом, всей экономической культуры в целом»². Население является одним из потребителей инноваций, одним из субъектов спроса на рынке готовой инновационной продукции. Спрос бизнеса и государства на инновации не в последнюю очередь зависит от спроса населения на продукт данных инноваций. Следовательно, посредством внесения незначительных корректив в триаду наука – власть – бизнес получаем первый уровень подсистем экономической культуры (Рисунок 6) – научное сообщество – лица, принимающие решения (власть и бизнес), – население. По мнению В.Ф. Уколова: «Слабость и тем более отсутствие инновационной культуры, базирующейся на исконных ценностях российского народа, может стать основной причиной того, что деятельность организации будет направлена на достижение социальных целей инновационными способами, неприемлемыми с точки зрения культуры, что в конечном счете может привести к ее разрушению»³.

Сонаправленные действия и непрерывность взаимосвязей в области первого уровня экономической культуры обеспечивают отсутствие противоречий у подсистем её второго уровня – экономической культуры общества, группы и личности. Необходимость существования указанной взаимосвязи сформулирована в работе М.В. Белоусенко: «накопление новых знаний,

¹ Петров Р.С. Формирование условий развития инновационной культуры в контексте стратегии модернизации российской экономики // Креативная экономика. 2011. №2(50) С. 84–88.

² Войтов И.В. Экономическая культура и пути её формирования в России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. филос. 2009. № 2. С. 53–58.

³ Уколов В.Ф. Инновационный менеджмент в государственной сфере и бизнесе: учебник для вузов. М., 2009. С. 308.

необходимых для выявления внутренних выгод, идет только от персональной заинтересованности в этом каждого агента, тогда как само по себе оно, особенно учитывая потребность в активных инновациях, которые в принципе могут осуществляться только коллективно, подразумевает тесно согласованную, напряженную совместную теоретическую, экспериментальную, производственную и сбытовую деятельность»¹. В случае рассогласования интересов на данном уровне формируются двойственные поведенческие установки. Например, индивид как часть общества положительно оценивает такой образец поведения, как «своевременная, полноразмерная уплата налогов», понимает положительный эффект от существования института налогообложения, однако как член группы «малое предпринимательство» негативно оценивает действующее налоговое законодательство для малого бизнеса в своей стране или регионе. Как отдельная личность рассматриваемый индивид негативно оценивает своё поведение, связанное с «уходом от налогов», однако оправдывает это несовершенством системы, безысходностью и др. Подобные рассогласования и потеря взаимосвязи минимизируют положительный эффект преобразований, способствуя появлению уже рассмотренных приспособленческих неформальных институтов, тормозящих развитие как на микроуровне, так и заводящих в тупик макроэкономическое развитие.

В очень тесной связи со вторым уровнем находится третий – экономическое сознание как подсистема, отвечающая за теоретические знания и образцы поведения индивида, и экономическое мышление – те образцы и знания, которые индивид получает в процессе своей эмпирической деятельности. Рассогласование на данном уровне непосредственно приводит к отклонению правила от действия, например, сознание индивида содержит следующую модель поведения: «при покупке некачественного товара или товара с истекшим сроком годности необходимо обратиться к продавцу с целью обменять товар или вернуть потраченные денежные средства». Однако если речь идет о продуктах питания,

¹ Белоусенко М.В. Об институциональной эффективности рынков // Научные труды ДонНТУ. Сер. экон. 2006. № 103-1. С. 115–121.

имеющих не слишком значительный удельный вес в расходах потребителя, учитывая его эмпирический опыт, мышление подсказывает иную схему действия: «куда-то идти пустая трата времени, всё равно вернуть средства будет не так просто, придется столкнуться с бумажной волокитой, длительным сроком рассмотрения жалобы, а возможно, и хамством со стороны продавца», рациональнее будет избрать такую модель поведения, как «выкинуть приобретенный товар и не тратить своё время и нервы». Явное рассогласование и прерывание связей на третьем уровне подсистем экономической культуры способны привести к неэффективности любые попытки формирования новых институтов.

Однако даже при учете существования в общественной системе уже сформированной инновационной экономической культуры с устойчивыми внутренними взаимосвязями не совсем ясной остается природа первоначального импульса, способного запустить самоподдерживающееся инновационное развитие общественной системы, т. е. какая конкретно общественная подсистема должна играть роль инициатора в данном процессе.

Существуют различные подходы к вопросу об источнике, от которого должен происходить импульс, способствующий породить цепную реакцию и вывести систему на путь инновационного развития. Так, к примеру, в начале 90-х г. появилась теория национальной инновационной системы, основными сторонниками которой стали Б.-А. Лундвал¹, К. Фримен², Р. Нельсон³ и др. В рамках данной теории источником инноваций должны стать фирмы.

Проанализируем приведённый вариант с помощью предложенных в параграфах 1.1 и 1.3 моделей. Согласно гипотезе, выдвинутой в параграфе 1.1,

¹ Lundvall B.A. National Innovation System: Analytical focusing device and policy learning tool. Östersund, 2007. 59 p.
Lundvall B.A. National systems of production, innovation and competence building // Research Policy. 2002. №31. P. 213–231.

² Freeman C. Continental, national and sub-national innovation systems – complementarity and economic growth // Research Policy. 2002. №31. P. 191–211.

Freeman C. The “National system of innovation” in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. №19. P. 5–24.

³ Nelson R.R. National Innovation Systems. A Comparative Analysis. New York and London, 1993. 541 p.

Nelson R.R. National Innovation Systems: A Retrospective on a Study // Industrial and corporate change. 1992. V. 1. №2. P. 347–374.

фирмы относятся к совокупности элементов социально-экономической системы. Опираясь на рассмотренный в параграфе 1.3 естественный алгоритм формирования институтов, можем заметить, что статусы, входящие в состав социально-экономической системы, способны спровоцировать институциональные изменения только благодаря «прецедентному блоку», а учитывая, что это «зона естественного взаимопроникновения», влиять на инновационный процесс и контролировать его протекание будет достаточно сложно, так как система будет развиваться эволюционным путем.

Далее рассмотрим теорию национальной инновационной системы через призму взаимосвязей и взаимодействия трёх подсистем экономической культуры первого уровня (Рисунок 6), так как началом передачи инновационного импульса становится «прецедентный блок» социально-экономической системы. Во избежание деформации алгоритма экономическая культура лиц, принимающих решения в области бизнеса, которые в данном случае первые столкнутся с инновацией, должна вступить во взаимодействие и быть распространена на две оставшиеся подсистемы первого уровня – экономическую культуру научного сообщества и экономическую культуру населения. Если же этого не произойдет, может возникнуть ряд проблем. Во-первых, со стороны населения, как самой многочисленной подсистемы первого уровня, в процессе институционализации инновации могут возникнуть приспособленческие неформальные институты, конкурирующие с формируемым формальным институтом и снижающие эффективность его функционирования. Во-вторых, научное сообщество, экономическая культура которого не приняла и не интегрировала в себя инновацию, может блокировать формирование нового института. Научное сообщество, являясь основным продуцентом знаний, формирует посредством процесса образования отдельные элементы экономической культуры населения, следующего поколения лиц, принимающих решения, и непосредственно представителей самого научного сообщества. В результате может воспроизводиться экономическая культура, отторгающая вышеупомянутую инновацию.

В случае положительного исхода интеграции инновационного импульса на первом уровне экономической культуры и его оформление в качестве объективной потребности, в дальнейшем способно привести к формированию нового социально-экономического института в соответствии с естественным алгоритмом, рассмотренным в параграфе 1.3, что с достаточно высокой долей вероятности определит его эффективное функционирование в общественной системе.

В противном случае инновация в процессе её непосредственной реализации и внедрения в качестве некоего формального института может столкнуться с архаичной экономической культурой некоторых подсистем первого уровня и быть отторгнута как нелегитимная или встретить сопротивление, способное обречь её на неэффективность.

Ещё одной точкой зрения на происхождение инновационного импульса является «модель треугольника» Дж. Сабато¹. Она предусматривает существование трёх вершин, находящихся в постоянном взаимодействии: государства, производственных структур (как государственные, так и частные фирмы), а также научно-технологической инфраструктуры (университеты, частные и государственные R&D центры), однако ведущую роль – роль инновационного импульса – она отдает государству. То есть запуск инновационного развития происходит со стороны государственно-правовой системы. Проанализируем возможность государственно-правовой системы инициировать инновации и способствовать запуску самовоспроизводящегося процесса инновационного развития. Субъекты, обладающие некоторыми статусами государственно-правовой системы, способны директивно формировать институты, издавая законы или внося поправки в существующие. В духовно-культурную систему данные инновации будут передаваться через правовую культуру – «зону естественного взаимопроникновения», отсюда опять же некоторая неопределенность результатов инновационной активности и возможность столкновения с деформацией алгоритма.

¹ Sabato J. Tehnology and the Productive Structure. Mexico, 1979. 386 p.

Ограниченные возможности контроля за процессом формирования институтов через государственно-правовую систему способны породить аналогичные рассмотренным выше негативные тенденции в области внутренних взаимосвязей подсистем экономической культуры. Отторжение инновации экономической культурой лиц, принимающих решения на уровне бизнеса, а также научного сообщества и населения не позволит институту эффективно функционировать, а иногда даже сформироваться за счет появления конкурирующих неформальных институтов, искажающих цели и задачи, поставленные перед нововведением.

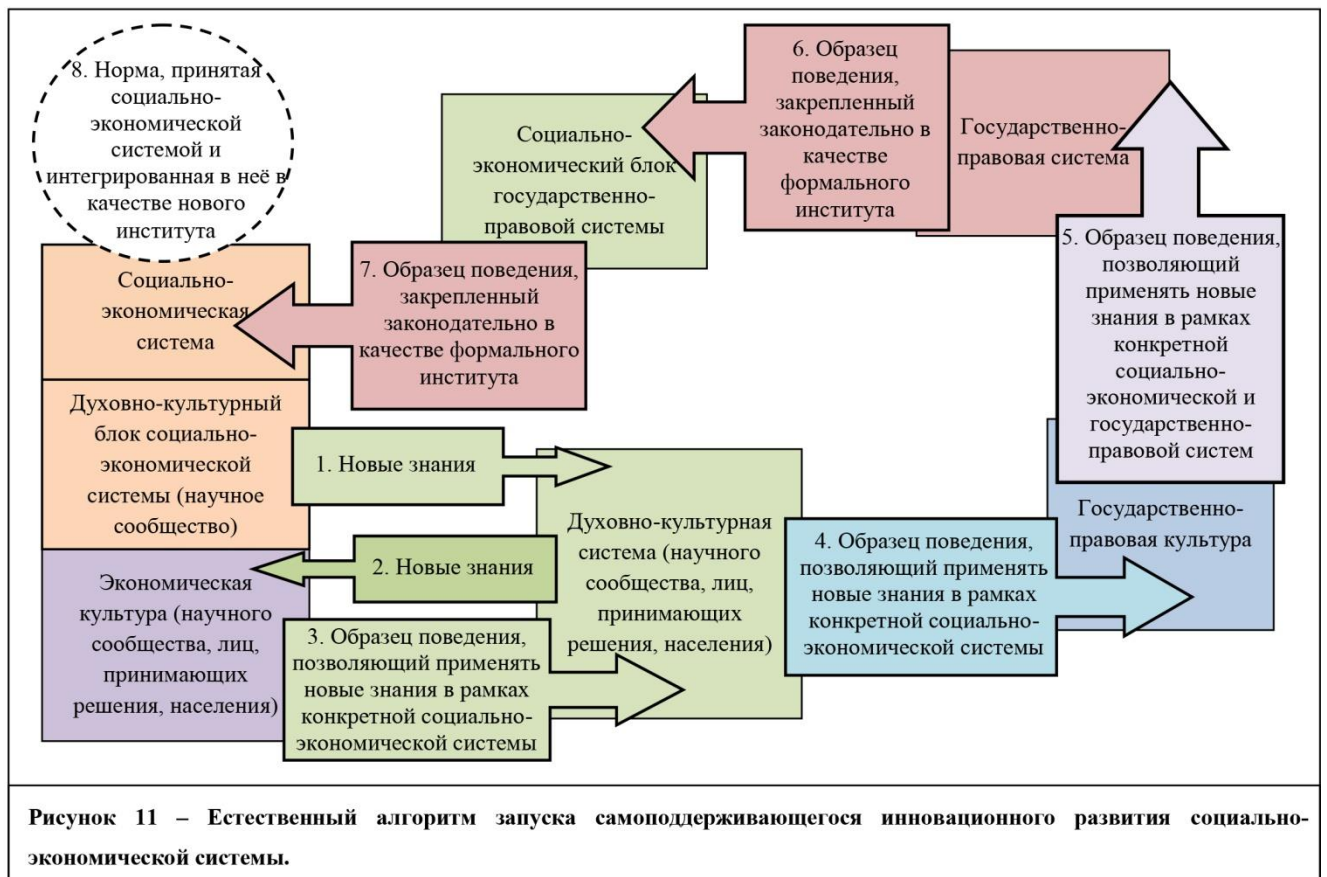
Наша позиция по вопросу источника импульса инновационного развития перекликается с теорией тройной спирали, предложенной Г. Итцковитцем и Л. Лейдесдорфом¹, в части доминирующего положения институтов, ответственных за создание новых знаний в системе инновационного развития. В связи с изменениями, происходящими в обществе в последнее время, по мнению И.Г. Дежиной, «государство больше не может играть доминирующую роль в инновационном развитии, потому что оно не способно создавать знания, хотя и несёт ответственность за организацию их производства»².

Согласно параграфу 1.1 формированием таких элементов духовно-культурной системы, как знания, занимаются индивиды, обладающие статусами духовно-культурного блока социально-экономической системы, а точнее представители научного сообщества. Духовно-культурный блок социально-экономической системы – зона директивного «взаимопроникновения», это позволяет целенаправленно формировать элементы духовно-культурной и экономико-культурной системы, а также расширяет возможности государственно-правового контроля за данным процессом. Итак, контролируемый запуск самоподдерживающегося инновационного процесса возможен при непосредственном мониторинге и целенаправленном формировании новых

¹ Leydesdorf L. Emergence of a Triple Helix of university – industry – government relations // Science and Public Policy. 1996. V. 23(5). P. 279–286.

² Дежина И.Г. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М., 2008. С. 11.

знаний как элементов духовно-культурной системы и экономической культуры. Изобразим данный процесс более наглядно (Рисунок 11).

Новое знание через духовно-культурный блок социально-экономической системы пополняет состав элементов духовно-культурной системы, затем осуществляется поиск корреляционных связей с социально-экономической системой и в случае их нахождения знание включается в состав элементов экономической культуры всех трёх групп носителей, формирующих её первый уровень подсистем. В рамках экономической культуры происходит поиск ответа на два вопроса: возможно ли применение данного знания в существующей социально-экономической системе и, если да, то в каком конкретно институте. После проведения верификации на применимость знания в духовно-культурной системе формируется потребность либо во включении его в существующий институт, либо в появлении нового института. Данная потребность в духовно-культурной системе оформляется как некий положительно оцениваемый образец

поведения. Государственно-правовая культура, произведя проверку данного образца поведения на предмет его непротиворечивости и соответствия существующей государственно-правовой системе, передает сведения о неформальном институте в саму государственно-правовую систему, где он получает формальное закрепление в виде нового закона или поправок в старом и пополняет социально-экономический блок государственно-правовой системы. После чего новый инновационный формальный институт, основанный на знаниях, произведённых научным сообществом, начинает функционировать в социально-экономической системе, катализируемый предварительно созданными элементами экономической культуры.

В нашей стране деятельность в области инновационного развития уже не первый год является приоритетной. «Приняты законы об инновационной деятельности, разработка инновационных стратегий и программ на общегосударственном и региональном уровнях превратилась в особый жанр нормотворчества»¹. Однако инновационная отсталость в республиках бывшего СССР демонстрирует себя все более наглядно. Многие авторы отмечают недостаточное финансирование в указанной области и не согласиться с этим сложно. Однако упоминая о нехватке ресурсов для инновационного развития, мы не говорим об их полном отсутствии, если бы недофинансирование являлось основным фактором, то почему тогда «даже на тех предприятиях, которые сейчас имеют высокий уровень ликвидности выпускаемой продукции и, следовательно, хорошие финансовые возможности, инновации отсутствуют»²? Инвестиции в инновации являются, безусловно, необходимым, но не достаточным условием формирования инновационной социально-экономической системы. Европейская комиссия в 1995 г. в «Зелёной книге инноваций» подтверждает данный факт, оценивая ситуацию в Европейском союзе как удовлетворительную, несмотря на массу научных достижений, приходя к выводам о том, что помимо материальных инвестиций необходимо уделять внимание такому понятию, как «intangible

¹ Вишневикий В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. №9. С. 41

² Там же. С. 42.

investments»¹ – нематериальные инвестиции, «которые являются определяющим фактором для будущей конкурентоспособности, экономического роста и занятости»². Данный документ направлен на выявление положительных и отрицательных факторов, которые влияют на инновационный потенциал Европейского союза, и в качестве одной из основных проблем указывается необходимость формирования и распространения «innovation culture»³. Исходя из этого, можно диагностировать следующее: «Многие проблемы, таким образом, лежат в иной плоскости, нежели финансовая. Президент Фраунгоферского общества ФРГ, профессор Х.-Ю. Варнеке считает, что практически все конечные цели, такие как увеличение сегмента рынка и улучшение качества продукции, лучше всего достигаются посредством стратегий, воздействующих на социальную систему. Техника и технология играют в этом процессе значительно меньшую роль»⁴.

Связывать инновационную отсталость необходимо с фактом инновационного неприятия. «В настоящее время в России и Украине почти во всех отраслях сложился хозяйственный порядок, который отторгает инновации»⁵. Причины сложившейся ситуации, возможно, кроются в специфических чертах экономической культуры, в своеобразном наборе образцов поведения, формирующих эмоциональную составляющую экономической культуры населения стран-наследниц бывшего СССР. «Страны Восточной Европы и Балтии, встав на путь радикальных преобразований, сравнительно быстро оценили преимущества частной собственности и конкуренции, добились стабилизации, унифицировали по европейским образцам свои экономические и политические институты и весной 2004 г. вступили в Европейский союз. Напротив, в России, Украине и других постсоветских государствах

¹ Green paper on Innovation. European commission. December 1995. [Electronic resource] URL: europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com95_688_en.pdf (access date: 08.09.2014).

² Ibid. P. 5.

³ Ibid. Introduction.

⁴ Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура [Электронный ресурс] // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». 2001. № 5. URL: http://vasilieva.narod.ru/ptpu/9_5_01.htm (дата обращения 14.11.2014).

⁵ Вишневецкий В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. №9. С. 43.

экономические реформы проводились непоследовательно, краткосрочные периоды «шоковой терапии» сменялись поверхностными и вялотекущими изменениями. При выборе очередных реформаторских мер политическая конъюнктура, как правило, брала верх над трезвым экономическим расчетом. В итоге реформы не привели к повышению эффективности и конкурентоспособности, общего уровня трудовой и предпринимательской активности»¹.

Аналогичным образом и инновационная активность не свойственна как российским предпринимателям, которые при выборе направления инвестирования предпочитают менее рискованные источники дохода, так и лицам, принимающим решения на уровне государственной власти. Согласно исследованиям профессора А.Ю. Сунгурова «вследствие крайне высокого уровня коррумпированности большинства российских властных структур они вряд ли могут стать действительными субъектами инновационного развития»². Инновационный метод развития и извлечения прибыли в некоторых постсоветских странах уступает место рентной максимизации экономической прибыли, основанной на обладании ресурсами либо позиции в иерархии государственной власти. «Главными препятствиями на пути перехода к инновационному развитию в сегодняшней России являются, во-первых, коррумпированная бюрократия... и, во-вторых, политические институты, исключающие реальную конкуренцию в политике, экономике, социальной сфере, в науке, образовании, культуре»³.

Данная ситуация складывается на основе деформаций алгоритма формирования институтов. Основной причиной деформаций выступает архаичность экономической культуры, не только не создающей условия для инновационного развития, но и блокирующей все попытки, предпринимаемые в

¹ Наймушин В. Рыночные реформы в России: можно ли разорвать замкнутый круг истории? // Вопросы экономики. 2004. №10. С. 114.

² Сунгуров А.Ю. Инновации в социуме и политике: аналитический обзор // Философские науки. 2013. №3. С. 10.

³ Пантин В.И. Субъекты инновационного развития и проблемы обновления политических институтов в современной России // Теория и политика инновационного развития и инноваций в политике.: круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // Политические исследования. 2010. № 2. С. 128–146.

данной области. Это приводит к отставанию в инновационном развитии России и других постсоциалистических стран от стран-лидеров. Исследователи приводят огромный перечень институциональных изменений, способных преломить существующую тенденцию, имеющую склонность к усугублению, и скорректировать курс развития, однако «повышение эффективности публичной власти и обеспечение защиты прав собственности, поощрение внешнеэкономической деятельности и кооперации между конкурентами, индикативное коммуникативное планирование, экономическое стимулирование инновационного развития методами курсовой, налоговой и таможенной политики, организация инновационных кластеров и т.д.»¹ в очередной раз могут столкнуться с культурным отторжением, нелегитимностью и, как следствие, нежизнеспособностью.

В попытках поиска решений указанной проблемы многие исследователи делают ставки на кластерное развитие экономики, так как с некоей вероятностью оно способно стать панацеей в попытке выхода из замкнутого круга и корректировке алгоритма формирования институтов.

Основоположником кластерного подхода считается М. Портер², в своей работе «Конкуренция» он определяет кластеры как «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определённых отраслях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу. Обеспечивая основу необычайного конкурентного успеха в отдельных областях бизнеса, кластеры выступают ярко выраженной особенностью любой национальной, региональной и

¹ Вишневский В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. №9. С. 62.

² Портер М. Э. Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли. Международная экономика. М., 2006. Т.6. 720 с.

Портер М. Э. Конкуренция. М., 2005. 608 с.

даже столичной экономики»¹. Кластерный подход объединяет в себе ряд подходов к управлению развитием региональной экономики, таких как:

- теория регионального воспроизводства, представленная в работах отечественных исследователей А.С. Маршаловой и А.С. Новосёлова², «предметом регионального управления, с точки зрения представленной теории, является совокупность воспроизводственных циклов определенной территории, представляющих собой основу ее социально-экономического развития»³;
- теория диффузии инноваций Т. Хегерстранда⁴;
- теория местного роста, исследованная в работе таких авторов, как Ю.В. Филипов, Т.Т. Авдеева, Т.Г. Лаврова⁵;
- теория адаптивности к условиям постиндустриального общества;
- теория «полюсов роста», раскрываемая в работах Ф. Перру (Ф. Перрокса), согласно которой «рост экономики страны во всех регионах не происходит равномерно, он появляется в некоторых пунктах, или полюсах роста, а затем с изменяющейся интенсивностью распространяется по различным каналам и с определённым переменным эффектом – на всю экономику»⁶. «Под разными названиями – «полюсы конкурентоспособности», «полюсы роста», «полюсы инноваций» и т.д. – такие механизмы развития существуют в мире уже несколько десятков лет, демонстрируя свою эффективность»⁷.

На уровне анализа экономической культуры перспективность данного способа развития можно объяснить следующим: возвращаясь к рисунку 6 и обращая внимание на системный уровень 2, формирование экономической культуры общества кластерным путем можно рассматривать как установку

¹ Портер М. Э. Конкуренция. М., 2005. С. 256.

² Маршалова А.С. Основы теории регионального воспроизводства. Новосибирск, 1997. 195 с.

³ Ерохин М.А. Место кластерной теории среди современных подходов к региональному развитию // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Т. 11. № 4. С. 166.

⁴ Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967. 350 p.

⁵ Филипов Ю.В. Теории местного экономического развития. М., 2011. 104 с.

⁶ Эльканов Р.Х. Полюса развития и точки роста инновационной экономики: Российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Современная наука актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. 2012. №2. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-02/388-a> (дата обращения 16.03.2014).

⁷ Кудинов А. Полюсы роста [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал. Алтайский край: события и комментарии экспертов. 02.06.2009. URL: <http://www.doc22.ru/information/analysis/462-2009-06-02-02-19-20> (дата обращения: 05.05.2014).

взаимосвязи между экономической культурой группы и общества. Как удачно заметил Б.К. Лисин в статье «Инновационная культура»: «Новые компоненты знаний возникают как продукты отдельного творца или небольшого коллектива, а затем распространяются по всему обществу»¹. Если выработанные и сформированные в группе элементы экономической культуры и социально-экономические институты доказывают свою общественную эффективность, то, как правило, происходит их распространение и укоренение в обществе – процесс подобен диффузии соприкасающихся веществ. «Кластерный подход позволяет унифицированно подойти к определению структуры управления развитием региональных экономических систем, имеющих свои специфические особенности»².

Проведем анализ перспектив запуска инновационного развития общественной системы на основе кластеризации с помощью предложенного в предыдущих параграфах работы инструментария и выделим её основные этапы.

1. В параграфе 1.2 в качестве импульса, порождающего регулярное межсистемное взаимодействие, рассматривается реализация естественных преимуществ с целью получения прибавочного продукта. Это необходимое условие развития общественной системы, приводящее к усложнению её структуры и возникновению систем второго уровня (Рисунок 4). На современном этапе развития общества задача выявления естественных преимуществ усложняется тем, что помимо природно-географических факторов появляются институциональные. Под институциональными факторами мы понимаем существующие институты, которые уже функционируют в данном обществе. Выявить все естественные преимущества на страновом уровне, особенно учитывая размеры нашей страны, задача практически невыполнимая, поэтому сужение территории до границ региона позволяет провести более тщательный анализ и более точно определить сильные и слабые стороны. Можно обозначить

¹ Лисин Б.К. Инновационная культура [Электронный ресурс] // Инновации. 2008. № 10. URL: <http://www.innov.etu.ru/Innovation/innov.html> (дата обращения: 03.07.2014).

² Ерохин М.А. Место кластерной теории среди современных подходов к региональному развитию // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Т. 11. № 4. С. 167.

первый этап реализации кластерной политики – на основе анализа естественных факторов и существующих институциональных структур выявить главные конкурентные инновационные преимущества региона с целью создания кластера на их базе.

2. Территориальная разрозненность России создает существенные сложности при анализе огромного объема статистических данных и расчете тех или иных показателей. Сосредоточение процесса развития в рамках региона сокращает количество наименований в статистических базах данных, в результате чего упрощается процесс расчета показателей для оценки институциональной эффективности социально-экономической системы. Этап второй – опираясь на критерии институциональной эффективности, произвести оценку институтов и выявить наиболее эффективные, а также те элементы экономической культуры, которые их эффективность определяют.

3. В рамках кластера в силу ограниченности его субъектного состава проще осуществлять государственно-правовой контроль за действующими социально-экономическими институтами, что позволяет своевременно их оценивать, совершенствовать или при необходимости ликвидировать, т. е. поддерживать институциональную структуру социально-экономической системы в актуальном состоянии. Этап третий – произвести селекцию институтов и определяющих их эффективное функционирование элементов экономической культуры.

4. Этап четвертый базируется на том же преимуществе кластерного развития, что и третий. С целью запуска и интенсификации процесса инновационного развития социально-экономической системы приступить к формированию институтов поддержки, стимуляции и мотивации субъектов, функционирующих в рамках социально-экономических статусов, относящихся к духовно-культурному блоку социально-экономической системы, а точнее представителей научного сообщества, чтобы стимулировать производство элементов рациональной части экономической культуры – знаний, укрепляющих и развивающих выявленные конкурентные преимущества территорий.

5. Субъектная и территориальная ограниченность кластера расширяет возможность обеспечения более тесных взаимосвязей между подсистемами экономической культуры, утраченных в настоящее время в российском обществе. Их восстановление способно устранить ряд самовоспроизводящихся проблем в области формирования институтов, связанных непосредственно с их экономико-культурным отторжением.

В силу территориальной и субъектной ограниченности диффузия между экономической культурой научного сообщества, лиц, принимающих решения, и населения протекает активнее, происходит системное взаимодействие всех трёх уровней носителей экономической культуры, благодаря чему достигается мультиплицирующий эффект точек инновационного роста. Сонаправленная деятельность субъектов на данном уровне способна преломить тенденцию к деформациям алгоритма реформирования социально-экономической системы.

Взаимодействие в цепочке индивид – группа – общество в рамках кластера осуществляется более интенсивно и проще поддается контролю.

В силу того, что все субъекты кластера объединены на основе общности целей и задач, то все инновации, проектируемые научным сообществом, осуществляемые властью и бизнесом и принимаемые населением, приобретают тесную связь с социально-экономической практикой. Это позволяет преодолеть существующий разрыв между теорией и эмпирикой, порождающий отклонение действий от правила и снижающий институциональную эффективность. Пятый этап – обеспечить передачу и приобщение новых элементов к экономической культуре лиц, принимающих решения, и населения с целью формирования на всех уровнях региональной духовно-культурной системы объективной потребности внедрения некоей инновации в существующую институциональную структуру общественной системы.

6. В силу того, что на территории России помимо Федерального законодательства действуют ещё законы субъектов Федерации или муниципальных образований, говорить о единой государственно-правовой культуре на всей территории нашей страны было бы не корректно. В данном

случае развитие в рамках кластера помогает с большей степенью индивидуальности подходить к государственно-правовой культуре и осуществлять развитие, учитывающее её особенности при формировании институтов. Шестой этап – оценить возможности формирования нового института на базе существующей государственно-правовой культуры, при необходимости обеспечить их согласование.

7. Территориальная и субъектная ограниченность способствует снижению асимметрии в распределении информации, снижает степень неопределённости, что помогает более обоснованному принятию тех или иных государственно-правовых решений. Седьмой этап – оформить новый институт инструментами государственно-правовой системы: изданием нового нормативно-правового акта, регламентирующего функционирование института, или внесением необходимых поправок в уже существующие, интеграцией нового или доработанного акта в комплекс действующих правовых норм.

Осознавая все положительные стороны кластерного развития, вслед за некоторыми ведущими странами мира на этот путь постепенно встает и Россия. «Полюсы инновационного развития», формируемые на территории нашей страны, способны стать необходимым источником инновационной диффузии.

Согласно перечню этапов инновационного развития, приведённому в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, принятой Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г., одним из них является «формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров в европейской и азиатской частях России»¹. Первыми шагами на пути реализации данной программы стали:

– выпуск Министерством экономического развития России Методических рекомендаций по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (письмо от 26.12.2008, № 20615-АК/Д19);

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением правительства РФ № 1662-р от 17.11.2008.

- принятие ряда законов об инновационной деятельности на уровне тех субъектов Федерации, в которых подобные законодательные акты не были приняты ранее;

- подписание меморандума о создании межрегиональной «Ассоциации инновационных регионов России» 21 мая 2010 г. в Томске в ходе XIII Инновационного форума «Innovus», а также систематическое пополнение первоначального списка новыми инновационными регионами.

При всём потенциале, который несёт в себе кластерное развитие для нашей страны, не стоит ожидать от него и слишком многого. Исполнительный директор «Ассоциации инновационных регионов России» И. М. Бортник справедливо замечает, что кластерное развитие – «это не волшебный ключик, с помощью которого вдруг без скрипа откроется дверь на заржавевших петлях. Есть глобальные проблемы, которые нужно решить. Базовая – это масштаб спроса на отечественный инновационный продукт. Он явно мал даже для нашего имеющегося потенциала»¹. Назовем ещё некоторые из них:

- отсутствие доверия между компаниями в рамках кластера, что препятствует их эффективному взаимодействию;

- ориентация на тактические, нежели стратегические, задачи лицами, принимающими решения на всех уровнях, их излишняя консервативность и ориентация на уже сложившиеся рынки;

- коррупция, бюрократия, лоббирование, подмена инициативы бизнеса инициативой чиновников при формировании кластера и т.д.

В настоящее время переход к инновационному развитию кластерным путем воспроизводит деформированный алгоритм развития. Об этом свидетельствует тот факт, что в государственно-правовой системе достаточно долгое время существуют элементы (нормы и правила), на базе которых должно происходить формирование инновационных институтов.

¹ Бортник И. Время собирать кластеры [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. № 6059 (83). URL: <http://www.rg.ru/gazeta/2013/04/17.html> (дата обращения: 02.02. 2014).

С 1996 г. существует Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» № 127-ФЗ, в котором достаточно четко сформулированы основные положения, определяющие место науки в процессе развития общественной системы. Часть 1 статьи 11 констатирует необходимость увеличения «вклада науки и техники в развитие экономики государства»¹, часть 1 статьи 16.1 обозначает в качестве основной цели государственной поддержки инновационной деятельности модернизацию российской экономики, часть 3 той же статьи приводит основные формы, в которых может и должна осуществляться государственная поддержка инновационной деятельности:

- «предоставления льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей;
- предоставления образовательных услуг;
- предоставления информационной поддержки;
- предоставления консультационной поддержки, содействия в формировании проектной документации;
- формирования спроса на инновационную продукцию;
- финансового обеспечения (в том числе субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал);
- реализации целевых программ, подпрограмм и проведения мероприятий в рамках государственных программ Российской Федерации;
- поддержки экспорта;
- обеспечения инфраструктуры;
- в других формах, не противоречащих законодательству Российской Федерации»².

Чуть ранее в том же году Указом Президента РФ № 884 принята и действует «Доктрина развития российской науки», в которой в статье 6 приводятся основные принципы государственной научной политики:

¹ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Российской Федерации от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 02.11.2013).

² О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Российской Федерации от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 02.11.2013).

- «опора на отечественный научный потенциал;
- свобода научного творчества, последовательная демократизация научной сферы, открытость и гласность при формировании и реализации научной политики;
- стимулирование развития фундаментальных научных исследований;
- сохранение и развитие ведущих отечественных научных школ;
- создание условий для здоровой конкуренции и предпринимательства в сфере науки и техники, стимулирование и поддержка инновационной деятельности;
- создание условий для организации научных исследований и разработок в целях обеспечения необходимой обороноспособности и национальной безопасности страны;
- интеграция науки и образования, развитие целостной системы подготовки квалифицированных научных кадров всех уровней;
- защита прав интеллектуальной собственности исследователей, организаций и государства;
- обеспечение беспрепятственного доступа к открытой информации и права свободного обмена ею;
- развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций различных форм собственности, поддержка малого инновационного предпринимательства;
- формирование экономических условий для широкого использования достижений науки, содействие распространению ключевых для российской экономики научно-технических нововведений;
- повышение престижности научного труда, создание достойных условий жизни и работы ученых и специалистов;
- пропаганда современных достижений науки, их значимости для будущего России;

- защита прав и интересов российских ученых за рубежом»¹.

Принятие данных нормативно-правовых актов можно рассматривать как четвертый этап запуска инновационного развития общественной системы на основе кластеризации. Даже допустив гипотезу о том, что первый этап инновационного развития, должно предшествовать формированию институтов, стимулирующих и мотивирующих научное сообщество к производству знаний, не был упущен, два последующих этапа, связанных с формированием институционального и экономико-культурного базиса для инноваций, либо не были проведены, либо были, но не должным образом. Об этом свидетельствует тот факт, что в указанных нормативно-правовых актах предпринимается попытка решения многих существующих в настоящее время проблем формирования инновационной экономики, однако на практике они до сих пор остаются не решенными. Реализация поставленных задач сталкивается с самовоспроизводящимися в процессе общественного развития деформациями алгоритма формирования институтов. Первой точкой деформации выступает правовая культура субъектов: помимо основной проблемы – «необязательности исполнения законов» – существует ещё их объективное незнание. С положениями рассмотренных нормативно-правовых актов знакомы далеко не все субъекты, причем речь идет не только о представителях такой группы, как население, но и о лицах, принимающих решения, и даже о представителях научного сообщества, на которых данный акт направлен в первую очередь. Второй точкой деформации становится экономическая культура, насыщенная двойственными поведенческими установками и имеющая огромный разрыв между экономическим сознанием и экономическим мышлением, порожденным текущим состоянием социально-экономической системы.

Повторяется ситуация с насаждением новых институтов на «старую» экономическую культуру, выход из этого замкнутого круга возможен только при условии, что изменения в социально-экономическом развитии нашей страны

¹ О доктрине развития российской науки: Указ Президента Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 23.02.2006).

будут начаты, как уже было рассмотрено, с производства новых знаний с целью формирования потребности в инновациях в экономико-культурном базисе, чтобы приступить к очередному витку развития в естественном алгоритме.

Обсуждение планов формирования инновационной культуры, через научное сообщество к экономической культуре лиц, принимающих решения ведется уже достаточно долгое время. Профессор В.Ф. Уколов в основу инновационной экономической культуры, помимо открытости и гибкости, как основных показателей уровня инновационности культуры, вкладывает ряд необходимых, но утраченных в настоящее время в нашей стране образцов поведения, входящих в совокупность этических норм, – «ответственность и долг руководителя по отношению к сотрудникам и своим функциональным обязанностям, ясное представление о справедливости и общественном благе, признание существования базовых ценностей культуры, моральных, нравственных границ, понимание того, что нельзя их нарушать так же, как и формальные законы»¹ – их существование способно значительно снизить институциональную неэффективность. В его работе изучается объективная необходимость «формирования и закрепления культуры доверия, этого сложного интегрированного чувства, которое, в частности, испытывают подчиненные к честному, компетентному, всегда говорящему правду и выполняющему свои обещания руководителю, уважающему своих сотрудников и склонному делегировать полномочия. Ведь доверие содержит огромный потенциал обогащения всей системы человеческих отношений, формирования в организациях комфортной среды и усиления синергетического эффекта»².

Ведутся дискуссии о методах государственного формирования новой экономической культуры. Учитывая их огромное множество и тот факт, что в каждой стране, общности, социальной группе они могут быть различные, перечислим основные из них:

¹ Уколов В.Ф. Инновационный менеджмент в государственной сфере и бизнесе. М., 2009. С. 313.

² Там же. С. 316.

1. В первую очередь, конечно, следует назвать такой процесс формирования экономической культуры населения, как воспитание, рассматривая все возможные его виды в рамках существующих социально-экономических, духовно-культурных и государственно-правовых институтов: семья, детский сад, школа, различные учреждения дополнительного образования, государственные учреждения и проводимую ими политику. «Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно соответствовать каждому государственному строю»¹. В данном случае помимо государственного строя необходимо добавить ещё особенности существующих и формируемых социально-экономической, а также духовно-культурной систем. «Следует разработать единую, комплексную программу по воспитанию инновационно-ориентированного человека, который будет ясно понимать, что только инновации способны обеспечивать рост благосостояния населения и качество жизни самого человека»².

2. Устранение экономической безграмотности как населения, так и лиц, принимающих решения на всех уровнях от – органов государственного управления до менеджеров предприятий (работа в области наиболее динамичной, гибкой составляющей экономической культуры – знаний).

3. Установка обратной связи между лицами, принимающими решения на всех уровнях, и субъектами, на которых данные решения направлены (внедрение оценки регулирующего воздействия). Среди её основных преимуществ можно выделить «определение общественных, экономических выгод и издержек, рисков, открытость и отчетность нормотворчества, обеспечение экспертных и публичных обсуждений при принятии управленческих решений»³.

¹ Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997. С. 254.

² Майструк В. Стратегия инновационного развития [Электронный ресурс] // Бизнес 112. Знания, опыт, инновации в помощь бизнесу. URL: <http://www.biznes112.com/innovatsionnaya-kultura-v-predprinimatelstve> (дата обращения: 13.05.2014).

³ Эльмурзаева Р.А. Внедрение и развитие института оценки регулирующего воздействия при формировании и реализации государственной политики // Вестник томского государственного университета. 2012. № 363. С. 165.

4. Идеологическое воспитание населения, т.е. формирование в эмоциональной части экономической культуры человека прогрессивных, способствующих эффективному социально-экономическому развитию личности образцов поведения и их положительной оценки через средства массовой информации, проведение общественных мероприятий и выбор определенного курса социальной, культурно-просветительской, общественной и правовой политики, а также личный пример сотрудников органов государственного управления (глав государства, области, членов администрации, ГАИ, полиции и др.), утративших свой авторитет в глазах населения. «Ключевую роль в формировании инновационной культуры имеют такие социальные институты, как семья, школа, университет, последипломное образование, производственная среда, средства массовой информации, кино, художественная литература»¹.

5. Формирование национальной идеи, определяющей сонаправленность действий всех членов общества, популяризация событий и фактов, связывающих и объединяющих население на уровне страны, вызывающих гордость за причастность к ним.

Необходимо пересмотреть используемую до сих пор схему «правило» – «бездействие» – «наказание за бездействие», приводящую лишь к совершенствованию механизмов принуждения и способов уклонения от них, в пользу «предварительные работы в области обеспечения и гарантий выполнения правила» – «правило» – «действие». Скорректировав алгоритм развития и выведя на эффективный уровень функционирования существующие в нашей переходной экономической системе институты и поддерживающие их элементы экономической культуры, проведя их своевременный отбор и верификацию на пригодность для инновационной социально-экономической системы, можно будет приступить к её формированию с создания новых элементов инновационной экономической культуры. Так как именно она в свете ускоряющихся темпов развития и все больше приобретающей ценность

¹ Лисин Б.К. Инновационная культура [Электронный ресурс] // Инновации. 2008. № 10. URL: <http://www.innov.etu.ru/Innovation/innov.html> (дата обращения: 03.07.2014).

мобильности способна привести общество к необходимым темпам формирования институтов. Переход от одной социально-экономической модели к другой должен осуществляться с минимальными временными и иными затратами под угрозой отставания от общемировых темпов, в силу этого построение каждый раз новых моделей экономической культуры становится все дороже. Этот факт выступает основной предпосылкой формирования экономической культуры инновационного типа, открытой для инноваций и способной как к обновлению, так и к самонастройке.

Условием успешности реформирования социально-экономической системы является постоянный мониторинг и оценка текущего состояния всех общественных подсистем и зон взаимопроникновения, а также проверка формируемых институтов на предмет их соответствия поставленным целям и выполнения ими своих основных функций, и при обнаружении тех или иных отклонений корректировка выбранного курса. Чтобы осуществлять оценку институтов, необходимо задать инструментарий, который бы позволил с достаточной точностью говорить о их эффективности либо неэффективности и определять направления дальнейшего развития.

2.2 Формирование показателей оценки развития социально-экономической системы и её институтов на основе экономической культуры масс населения

Начиная процесс социально-экономической модернизации, необходимо предварить его оценкой институтов существующей системы с целью сохранения наиболее актуальных из них и устранения нежизнеспособных либо неэффективных. Характеризуя институты с точки зрения их эффективности, необходимо ориентироваться на некие конкретные параметры оценки, те критерии, анализируя, которые мы сможем сделать вывод об институциональной эффективности или неэффективности. Существует множество подходов к оценке институциональной эффективности, так, некоторые авторы предлагают

определять эффективность с позиции Парето-оптимальности, игровую модель эффективности в ситуации действия ценовых норм, эффективность по Хиксу, маржинальную и эффективность по Ходжсону¹. Каждый из этих подходов открывает функционирование институтов с новой стороны, однако все они слабо совместимы с какой-либо количественной оценкой, что делает их исключительно теоретическими и почти не применимыми на практике.

Для начала предлагаем изучить и выделить основные функции социально-экономических институтов, наиболее часто встречающиеся в литературе:

- снижение транзакционных издержек общества;
- обеспечение непрерывности общественного воспроизводства и максимизации удовлетворения потребностей общества;
- регулирование и упорядочивание действий и отношений индивидов в рамках социально-экономической системы и др.

Чтобы диагностировать институциональную неэффективность, необходимо оценить действие существующих в данный момент в социально-экономической системе институтов с точки зрения выполнения ими своих основных функций. Процесс оценки эффективности предлагается осуществлять не с классической позиции «затраты – результат», а с точки зрения критерия «правило – действие»², т.е. анализ будет осуществляться с помощью показателей, иллюстрирующих отклонения в функционировании института от его идеального варианта. Выделим несколько таких показателей.

1. Развитость транзакционного сектора – показатель прямо пропорционален институциональной эффективности, так как чем слабее развит транзакционный сектор, тем выше уровень транзакционных издержек функционирования социально-экономической системы. Данный показатель тесно связан с такими параметрами, как степень асимметрии информации и хозяйственного оппортунизма.

¹ Клюня В.Л. Курс лекций по институционалистике. Минск, 2010. 310 с.

² Там же. С. 9.

2. Показатель качества жизни населения будем рассматривать с точки зрения функции обеспечения непрерывности общественного воспроизводства и максимизации удовлетворения потребностей общества.

3. Размер и значение неформального сектора экономики в данной социально-экономической системе, показатель прямо характеризует степень отклонения действия от правила, однако это тоже сложный агрегированный показатель, измерение которого связано с массой статистических и аналитических сложностей.

Начнём с первого. Трансакционный сектор представляет собой «совокупность институтов, обеспечивающих интенсификацию взаимодействия экономических субъектов в условиях информационной асимметрии и хозяйственного оппортунизма»¹. Трансакционный сектор разделим в зависимости от вида трансакций на финансовый, торговый и информационный, как раз последний выполняет функцию минимизации асимметрии информации, негативно сказывающейся на институциональной эффективности. Финансовый подсектор включает совокупность институтов, объединяющих финансовые активы, а также все виды финансовых услуг: операции с ценными бумагами, страховые, банковские услуги и т.д. Торговый подсектор выступает посредником в процессе товарного обмена, к нему относятся предприятия оптовой и розничной торговли. И, наконец, информационный – аккумулирует в себе маркетинговые и рекламные агентства, аудиторские, консалтинговые и аналитические фирмы, специализированные СМИ и т.д.

Возникновение трансакционного сектора рассматривается как реакция на увеличение трансакционных издержек, в силу того, что в процессе развития экономической системы и углубления специализации количество трансакций и издержек, с ними связанных, непрерывно растёт.

В общем виде трансакции могут осуществляться и без посредничества трансакционного сектора. «Российская практика показала, что такое возможно только на начальных стадиях перехода к рынку, когда соответствующий

¹ Карпов Ю.А. Развитие трансакционного сектора российской экономики. Волгоград. 2008. 27 с.

транзакционный институт ещё не сложился. Но в дальнейшем, по мере развития рыночных отношений, транзакции постепенно организуются и закрепляются в соответствующих институтах. Каждый вид рыночной транзакции (торговая, информационная, финансовая) рождает соответствующий институт»¹.

Однако следует обратить внимание на первопричины роста транзакционных издержек при создании или реформировании институтов социально-экономической системы. Причины увеличения транзакционных издержек могут говорить как о развитии, так и о деградации общественной системы. Развитие транзакционного сектора как реакция на увеличение числа транзакций в силу углубления специализации и разделения труда можно оценивать как положительную тенденцию, свидетельствующую о росте институциональной эффективности. А вот, например, развитие транзакционного сектора в связи с усиливающейся степенью асимметрии информации и оппортунистического поведения – черта крайне негативная, иллюстрирующая отрицательные процессы в развитии экономики. В такой ситуации основное внимание при реформировании уделяется не дальнейшему развитию системы, а попыткам ликвидировать или не усугубить последствия предыдущих изменений.

Рассмотрим часть развёрнутой классификации, предложенной Ю.А. Карповым в своей диссертации (Таблица 2)².

В соответствии с предложенной классификацией будем говорить о равномерном и неравномерном развитии транзакционного сектора. Равномерное развитие вызвано равнозначным увеличением всех видов транзакционных издержек в связи с ростом числа транзакций. Неравномерное развитие вызвано ростом класса нелегальных транзакционных издержек, связанных с углубляющейся асимметрией информации, оппортунистическим поведением, а также издержками, связанными с коррупцией при заключении контрактов. Это приводит к укрупнению институтов, призванных минимизировать данный класс

¹ Карпов Ю.А. Развитие транзакционного сектора российской экономики. Волгоград. 2008. 27 с.

² Там же.

издержек, и сопряжено со слабым развитием остальных институтов транзакционного сектора.

Таблица 2 – Классификация транзакционных издержек

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ					
ТИП	ТОРГОВЫЕ		ФИНАНСОВЫЕ		ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ПОДТИП	Издержки поиска альтернатив	Издержки осуществления расчетов	Издержки заключения контрактов	Издержки спецификации прав собственности	Издержки оппортунистического поведения
КЛАСС	ЛЕГАЛЬНЫЕ			НЕЛЕГАЛЬНЫЕ	

Уровень развития транзакционного сектора, как и другие показатели институциональной эффективности, достаточно сложно поддается количественной оценке, поскольку отсутствует чёткий перечень элементов, включаемых в транзакционный сектор. Однако разработана масса методов по его расчету отечественными и зарубежными исследователями как на микро-, так и на макроуровне. Наиболее выдающиеся результаты в данной области были достигнуты в работах Т.П. Скуфьиной¹, В.Е. Кокорева², Х. Демсетца³, а также Д. Норта и Дж. Уолиса⁴. Последние провели достаточно обширный анализ экономики США на предмет измерения размеров транзакционного сектора в 1970 г., который составил 54,71% от ВВП⁵.

Рассчитаем по предложенной методике долю транзакционного сектора в США в последние годы. Для этого выделим во внутреннем валовом продукте долю добавленной стоимости, приходящуюся на транзакционные (ТА) и нетранзакционные (НТА) отрасли (Приложение А, Таблица А.1, Таблица А.2).

¹ Скуфья Т. Расчет транзакционных издержек потребительского рынка (по результатам обследования потребительского рынка Мурманской области) // Проблемы прогнозирования. 2003. №4. С. 138–143.

² Кокорев В.Е. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 61–72.

³ Демсец Х. Еще раз о теории фирмы. М., 2001. С. 237–267.

⁴ North D.C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970. Chicago, 1986. P. 95–162.

⁵ Ibid. P. 121.

В результате получаем, что с 2004 по 2012 г. доля транзакционных отраслей в экономике США выросла с 56,82 до 57,34% с пиком в 2009 г. 58,43%. Однако не следует забывать о том, что подобные подсчеты не совсем точны, они скорее значительно занижают величину транзакционного сектора в экономике в силу того, что помимо транзакционного сектора, сконцентрированного непосредственно в транзакционных отраслях, существует ещё не малая часть, включённая в нетранзакционные отрасли. По некоторым данным, величину транзакционного сектора в нетранзакционном можно примерно оценить по доле накладных расходов, однако данный показатель также сложно поддаётся какой-либо средней количественной оценке. В связи со сложностью подсчётов анализировать будем по заниженным показателям, которые, несмотря на неточность, вполне способны проиллюстрировать сложившиеся тенденции.

Рассчитаем долю транзакционных отраслей для российской экономики (Приложение Б, Таблица Б.1, Таблица Б.2). Сравнивая по годам, видим значительное отставание уровня развития российского транзакционного сектора от аналогичного показателя в США – 28,40 % против 56,82% в 2004 г. и 30,64% против 57,34% в 2012 г.

Однако за положительной тенденцией роста транзакционного сектора в российской экономике нельзя не увидеть неравномерность его развития. В научном понимании увеличение доли транзакционного сектора связано с усилением специализации и техническим прогрессом, приводящим к увеличению размера фирм, либо с усилением роли правительства в его взаимоотношениях с бизнесом. Однако «...за время реформ не было ни «значительного углубления и специализации труда», ни «технического прогресса в промышленности и транспорте, сопровождающегося увеличением размеров фирм». Более того, в экономике России наблюдались прямо противоположные явления: рост мелких и средних компаний; попытки дробления промышленных гигантов, увеличение износа и примитивизация оборудования. «Роль правительства» в отношениях с

частным сектором не только не возросла, но, наоборот, заметно ослабла»¹. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что институциональная неэффективность российской экономики – абсолютно не новое явление для страны, а продолжающееся уже достаточно длительный срок на протяжении всего постсоветского периода.

Второй показатель институциональной эффективности социально-экономической системы – качество жизни населения – позволяет провести оценку с позиции степени удовлетворения человеческих потребностей в рамках существующих институтов. «Современное государство может развиваться только при условии, что его экономическая политика имеет своим ориентиром рост уровня и качества жизни граждан»². Показатель агрегированный, одни авторы считают, что измерить его не представляется возможным, другие включают в него различные комбинации показателей: «...у нас нет единиц измерения для «качества жизни», нет никаких систематических показателей, которые бы давали ответы на вопросы: стали ли люди более отчужденными друг от друга или, наоборот, они стали ближе; стало ли образование эффективней; наблюдаем ли мы расцвет искусства, музыки, литературы...»³

«Разработанная У. Форрестером система определения и повышения качества жизни состоит из четырех «основных факторов»: снабжение и обеспечение продуктами питания, капиталовложения, определяющие стандарт жизни, загрязненность окружающей среды, степень роста населения»⁴. «Д. Белл сформулировал 12 специфических индикаторов, обычно используемых для измерения качества жизни, среди которых личная физическая и национальная безопасность; справедливость в рамках закона, защита против несправедливости; духовное благополучие личности, включая возможность самовыражения; качество культурной жизни, включая образование, искусство, развлечения, отдых,

¹ Фактор транзакционных издержек в теории и практике российских реформ: по материалам одноименного круглого стола. М., 1998. С. 14.

² Феоктистов Д.В. Методология оценки уровня и качества жизни населения [Электронный ресурс] // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2002. №3-4. URL: <http://nic.pirit.info/200211/021.htm> (дата обращения: 15.12.2013).

³ Тодоров А.С. Качество Жизни. Критический анализ буржуазных концепций. М., 1980. С. 86–87.

⁴ Мальганова И.Г. Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства // Научный журнал пермского университета. Географический вестник. 2005. №1–2. С. 38.

организацию досуга, средства массовой информации; качество технологического окружения; качество окружающей среды, включая ее эстетическую сторону, охрана окружающей среды от загрязнения и др.»¹. «К интегральным индикаторам качества жизни относятся: индекс развития человеческого потенциала (индекс человеческого развития), индекс интеллектуального потенциала общества, человеческий капитал на душу населения, коэффициент жизнеспособности населения»². Каждый подход к измерению данного показателя раскрывает его новые грани, трудно говорить и о неправоте тех, кто считает его измерение невозможным, потому что как бы мы ни усложняли, ни расширяли и ни конкретизировали его содержательную составляющую, всегда будет оставаться простор для его дополнения и доработки.

Осуществив небольшую выборку из 25 стран, составим их рейтинг по показателю качества жизни (Таблица 3).

Среди очевидных лидеров – страны ЕС, которые расположены в основном в первой двадцатке, Россия – явный середнячок как в общей выборке, так и в группе из пяти быстроразвивающихся стран БРИКС, далее основная масса стран СНГ, страны Африки, и если взглянуть на полный список, то и страны Латинской Америки.

В рамках приведённой классификации были проанализированы следующие показатели: экономика, предпринимательство и инновации, правление, образование, продолжительность жизни, безопасность, свобода личности, социальный капитал.

Как правило, развивающиеся страны по данным показателям занимают более низкие места, чем страны с уже сформировавшейся и успешно функционирующей социально-экономической системой.

Следует обратить внимание, что показатель качества жизни населения – слишком усредненная величина в силу того, что в степени удовлетворения тех или иных потребностей в зависимости от уровня развития страны существует

¹ Мальганова И.Г. Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства // Научный журнал пермского университета. Географический вестник. 2005. №1–2. С. 39.

² Нехода Е.В. Экономика и социология труда: учебное пособие. Томск, 2004. С. 51.

дифференциация, так как общество делится на определённые классовые составляющие.

Таблица 3 – Рейтинг стран по показателю качества жизни 2012 – 2013 гг.

Страна	Место в рейтинге по показателю качества жизни среди приведённых стран	
	2012	2013
Норвегия	1	1
Швейцария	2	2
США	3	3
Германия	4	4
Австрия	5	5
Франция	6	7
Япония	7	8
Соединенное Королевство	8	6
Кипр	9	9
Бразилия	10	10
Греция	11	12
Беларусь	12	13
Китай	13	11
Узбекистан	14	15
Россия	15	14
Украина	16	16
ЮАР	17	17
Молдова	18	21
Кыргызстан	19	18
Грузия	20	20
Азербайджан	21	19
Индия	22	22
Египет	23	23
Камбоджа	24	24
Пакистан	25	25

Источник: Составлено автором на основе The 2012 Legatum Prosperity Index™. London, 2012. Inside front; The 2013 Legatum Prosperity Index™. London, 2013. P. 3–4.

Согласно наиболее распространённой схеме деления выделяют высший, средний и низший классы. Человек, относящийся к высшему классу, в силу обладания более высоким доходом имеет больше возможностей для удовлетворения потребностей в образовании, здравоохранении, может

использовать более качественные и дорогостоящие медицинские услуги, имеет больший доступ к культурным ценностям и т.д. Степень социальной дифференциации также является показателем развития социально-экономической системы и её институтов. «Если представить себе схематически социальную структуру развитых стран, то получится «яйцо»: нация состоит из небольших по численности низшего (бедные слои) и высшего (богатые слои) классов, наиболее многочисленным является средний класс» (Рисунок 12)¹.

Рассмотрим более детально несколько стран-лидеров из приведенного выше рейтинга и стран-аутсайдеров с точки зрения их социальной структуры и положения среднего класса в ней. Представим в виде таблицы примерную классовую структуру ряда государств, при отнесении человека к тому или иному классу оценивается ряд параметров, в частности уровень дохода, образование и место в профессионально-трудовой иерархии (Таблица 4).

Обращаем внимание на социальную несбалансированность российского и украинского обществ, о чем свидетельствует процент населения, относящегося к низшему классу, практически вдвое превышающий численность среднего или высшего класса. Если в странах, находящихся на лидирующих позициях, мы наблюдаем классическую «яйцевидную» структуру общества, то в России и Украине существуют отклонения в сторону пирамидальной социальной структуры с достаточно развитым основанием.

¹ Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. №1. С. 13-14.

Таблица 4 – Классовая структура некоторых стран 2006 г.

Место в рейтинге по качеству жизни	Страна	Высший класс, %	Средний класс, %	Низший класс, %
16	Норвегия	30	44	21
22	Дания	36	34	25
9	Великобритания	29	39	27
28	Германия	27	36	27
4	Франция	30	36	25
118	Россия	22	22,3	41
73	Украина	21	23	47

Источник: Составлено автором на основе: Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3(97). С. 20.

Такая структура общества представляется достаточно нестабильной в силу того, что залогом устойчивости является средний класс. «Это люди, которые, не являясь ни богатыми, ни бедными, выступают как гарант стабильного развития социально ориентированного рыночного хозяйства»¹. Можно утверждать, что «устойчивость связана с основными вопросами равенства возможностей, то есть с равноправием и социальной справедливостью, а также с большим доступом к лучшему качеству жизни»².

Помимо показателя качества жизни уже достаточно длительное время в рамках ПРООН (программы развития Организации Объединенных Наций) ежегодно для 177 стран рассчитывается индекс человеческого развития (ИЧР), который, так же как и первый показатель, агрегирует в себе параметры здравоохранения, образования и уровень дохода, а точнее ожидаемую продолжительность жизни при рождении, среднюю продолжительность обучения, ожидаемую продолжительность обучения, валовой национальный доход (ВНД) на душу населения.

¹ Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. №1. С. 12.

² Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех. М., 2011. С. 4.

Однако помимо прямого подсчета ИЧР, ежегодно осуществляется его корректировка с учетом уровня неравенства в каждой стране, предоставляя достаточно точную картину для оценки проблем институциональной эффективности. С целью оценки неравенства «используется семейство мер неравенства, описанное Аткинсоном (Atkinson 1970). Индекс исчисляется как среднее геометрическое средних геометрических величин, рассчитанных для всего населения по каждому измерению отдельно»¹. В таблице 5 приведена выборка для некоторых стран.

Мы видим, что показатели качества жизни и индекс человеческого развития не противоречат друг другу, имея незначительные расхождения в цифрах, они иллюстрируют симметричные тенденции.

Существенные расхождения пунктов наблюдаются в таких странах, как Грузия, Азербайджан, Египет, Бразилия, Китай, Узбекистан и ЮАР. Эти страны, согласно данным на 2013 г., предоставленным американской общественной организацией The Fund for Peace, публикующей ежегодно Failed States Index²: Рейтинг несостоятельности государств мира, отнесены к категориям: государства с высоким уровнем нестабильности – критический уровень рисков и страны с уровнем стабильности ниже среднего – опасный уровень стабильности. Оценка стабильности стран происходит на основе анализа различных социальных, экономических и политических показателей. Нестабильность перечисленных стран порождает трудности в определении качества жизни населения и расчете индекса человеческого развития, что объясняет значительные расхождения в их значениях.

Страны-лидеры по качеству жизни занимают ведущие места по ИЧР, с учетом неравенства их позиции порой претерпевают значительные изменения, что доказывает тот факт, что классовая структура общества не должна исключаться из анализа.

¹ Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех. / пер. с англ. Д. Голосной, Н. Заборин, А. Скобелкин. – М.: «Весь мир». – 2011. – с. 169

² The Failed States Index 2013 [Electronic resource] // The Found for Peace. URL: <http://ffp.statesindex.org /rankings-2013-sortable> (access date: 29.11.2014).

Таблица 5 – Рейтинг стран по показателю качества жизни и индексу человеческого развития (ИЧР), 2012 – 2013 гг.

Страна	Место в рейтинге по показателю качества жизни среди приведенных стран		Место среди предложенных к рассмотрению стран по ИЧР		Место среди предложенных к рассмотрению стран по ИЧР, скорректированному с учетом неравенства	
	2012	2013	2012	2013	2012	2013
Норвегия	1	1	1	1	1	1
Швейцария	2	2	4	2	3	2
США	3	3	2	3	6	8
Германия	4	4	3	4	2	3
Австрия	5	5	6	8	5	4
Франция	6	7	7	7	7	6
Япония	7	8	5	6	4	7
Соединенное Королевство	8	6	8	5	8	5
Кипр	9	9	10	10	10	10
Бразилия	10	10	16	14	17	13
Греция	11	12	9	9	9	9
Беларусь	12	13	11	11	11	11
Китай	13	11	17	17	18	17
Узбекистан	14	15	20	20	19	19
Россия	15	14	12	12	12	12
Украина	16	16	14	16	13	14
ЮАР	17	17	21	21	22	22
Молдова	18	21	19	19	16	18
Кыргызстан	19	18	22	22	20	21
Грузия	20	20	13	13	15	16
Азербайджан	21	19	15	15	14	15
Индия	22	22	23	23	23	24
Египет	23	23	18	18	21	20
Камбоджа	24	24	24	24	24	23
Пакистан	25	25	25	25	25	25

Источник: Составлено автором на основе The 2012 Legatum Prosperity Index™. London, 2012. Inside front; The 2013 Legatum Prosperity Index™. London, 2013. Р. 3–4; Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Нью-Йорк, 2013. 203 с.; Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. Нью-Йорк, 2014. 236 с.

Так как одной из основных задач социально-экономических институтов является повышение уровня удовлетворения общественных потребностей, то показатели неравенства нам указывают на то, что в странах-аутсайдерах более

половины общества существенную часть потребностей, входящих в категорию «качество жизни» или в «индекс человеческого развития», полноценно удовлетворить не могут. Данная тенденция приводит к выводу о неэффективности функционирования существующих институтов.

Неравномерная пирамидальная структура общества либо присущая постсоветской России структура «соломенной шляпы» (Рисунок 13)¹ не только не способствует эффективному институциональному развитию, но и провоцирует такие явления, как ориентация большей части населения не на интенсивное развитие, а на «стратегии выживания».

Это, в свою очередь, порождает развитие неформальной экономики как в легальной, так и в нелегальной её области, оппортунистического или даже девиантного поведения, что провоцирует рост числа преступлений, и против собственности, и против личности. Данные явления провоцируют асимметричное развитие транзакционного сектора и необходимость переориентации государства с социально-экономической сферы на ужесточение полицейского регулирования, т.е. вектор социально-экономической системы отклоняется от цели «развитие, улучшение, повышение эффективности» на «стабилизацию, неухудшение, ликвидацию последствий».

В тесной связи с предыдущим показателем институциональной эффективности находится следующий – уровень ненаблюдаемой экономики в стране. Возникновение и разрастание неформального сектора обычно

¹ Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 1. С. 13–14/

рассматривают как результат «неэффективности формальных правил. Часто действие в рамках неформальных правил позволяет субъектам и агентам действовать наиболее эффективно»¹. Ненаблюдаемая деятельность не всегда тождественна криминальной; в это понятие включается как деятельность, официально не запрещённая, так и скрытая теневая, т.е. в неё входит как нелегальная, нерегистрируемая деятельность с целью извлечения прибыли, формально разрешенная законом, так и деятельность, связанная с законодательно запрещёнными (наркотики) или ограниченными в обращении (оружие, сильнодействующие и психотропные вещества) товарами и услугами.

«Показатели ненаблюдаемой экономики включают в себя:

1. Показатели законной деятельности, скрываемой производителями в целях уклонения от уплаты налогов.
2. Показатели неформальной деятельности:
 - деятельность некорпорированных предприятий, работающих для собственных нужд;
 - деятельность предпринимателей без образования юридического лица.
3. Показатели легальной экономической деятельности, не учитываемой из-за несовершенства статистического наблюдения.
4. Показатели нелегальной деятельности:
 - легальные виды деятельности, которые становятся нелегальными, если осуществляются производителями, не имеющими на это право (услуги врачей, не имеющих диплома);
 - нелегальная деятельность, представляющая собой запрещенные законом производство и распространение товаров и услуг, на которые имеется рыночный спрос (наркотики и т.п.)»².

Возникновение ненаблюдаемого сектора экономики происходит в рамках стратегии выживания в условиях неэффективности формальных институтов. Неверно было бы утверждать, что в развитых странах отсутствует данное явление

¹ Истомин С.В. Анализ эффективности институционального механизма России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31(264). С. 65.

² Рябушкин Б.Т. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М., 2003. С. 28.

в силу того, что даже в странах первого эшелона, которые мы характеризуем как эффективно функционирующие, существует определённое количество неэффективных институтов. Нет в мире страны, обладавшей бы 100%-й институциональной эффективностью, есть приближающиеся и стремящиеся к этой цифре системы, однако её достижение утопично. «Ненаблюдаемая экономика существует со времен возникновения государства и введения фискальной системы. В настоящее время она присутствует в разных странах мира: не только в развивающихся и странах с переходной экономикой, но и в странах, находящихся на высоком уровне социально-экономического развития. Учитывая то, что обычно ненаблюдаемую экономику оценивают в пропорции к валовому внутреннему продукту, принято считать, что в развитых странах ее масштабы не превышают 10 – 12% ВВП, в развивающихся – доходят до 40 – 45%, а в странах с переходной экономикой составляют 22 – 25% ВВП»¹. Задачей стран, стремящихся к максимизации институциональной эффективности, является «отбор наиболее эффективных неформальных правил, их легитимизация и внедрение в жизнедеятельность хозяйственных субъектов»². Речь, конечно, идёт не о легализации наркотиков, а о неформальных институтах, доказавших свою общественную эффективность, т.е. о естественном алгоритме формирования и реформирования социально-экономической системы.

Объём ненаблюдаемой экономики – достаточно сложный для вычисления и статистической оценки показатель, однако существует ряд методик учёта явлений подобного рода и на микроуровне, и на уровне макроэкономическом. К ним относятся как прямые методы – опросы и выборочные обследования, методы открытой проверки, экономико-правового анализа, так и косвенные – монетарный, метод расхождения и др. По итогам исследования, проведённого Всемирным банком и Университетом И. Каплера, был составлен рейтинг стран по уровню теневой экономики, являющейся достаточно весомой частью ненаблюдаемой, были изучены данные по 151 стране (Таблица 6).

¹ Буров В.Ю. Определение масштабов теневой экономики // Вестник – экономист. 2012. № 4. С. 11.

² Истомин С.В. Анализ эффективности институционального механизма России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31(264). С. 65.

Таблица 6 – Рейтинг стран по уровню теневой экономики

Место в рейтинге	Страна	1999 год	2003 год	2007 год	2011 год	Среднее
1	США	8,6	8,7	9,1	7,0	8,3
2	Швейцария	8,4	8,4	9,1	8,0	8,5
3	Австрия	9,6	9,8	10,1	7,5	9,2
4	Япония	11	11,2	13,2	9	11,1
10	Китай	13	13,4	14,3	16	14,2
13	Франция	14,8	15,4	15,7	13,2	14,7
15	Германия	15,6	15,8	16,7	13,7	15,4
22	Финляндия	17,8	18,5	19,2	19,0	18,6
50	Италия	26,5	27,2	27,4	21,2	25,5
55	Греция	28,9	30	31	24,3	28,5
57	Кипр	28,9	29,2	30,8	26	28,7
130	Россия	45,1	48,8	52	50	49
136	Беларусь	47,9	49,2	53	49,8	50
145	Украина	51,7	55	58,1	54,9	55
149	Азербайджан	60,2	62,2	69,6	63,3	63,8
150	Боливия	67,2	66,5	70,7	68,1	68,1
151	Грузия	66,2	68,7	72,5	68,8	69

Источник: Буров В.Ю. Определение масштабов теневой экономики // Вестник - экономист. 2012. № 4 – С. 12.

По изученным данным можно сделать вывод о корреляции уровня развития социально-экономической системы и доли теневой экономики в ВВП страны – чем выше показатель ненаблюдаемости, тем выше противоречия между формальными институтами и экономической культурой населения. То есть экономическая культура общества не принимает новые формальные институты, что делает их нелегитимными, как следствие, неэффективными, подтверждая присутствие деформации алгоритма реформирования в данной социально-

экономической системе, который не позволяет стране выйти на высокий уровень развития.

В числе стран с достаточно высоким показателем ненаблюдаемой экономики находятся все страны бывшего СССР, что говорит о том, что сформированная союзная экономическая культура не приспособлена для дальнейшего развития, не содержит того потенциала, который необходим на современном этапе развития. Неспособность к инновационному развитию экономической культуры постсоветских государств приводит к нежизнеспособности множества социально-экономических реформ, так как новые формальные институты, сталкиваясь с нелегитимностью, обрастают приспособленческими неформальными институтами. Вторые, в свою очередь, получают широкое развитие и вступают в конкуренцию с первыми, в результате чего происходит переход значительной части экономики в ненаблюдаемый сектор.

Среди «лидеров» по размерам ненаблюдаемой экономики можно выделить и некоторые страны Латинской Америки и Африки, культура которых формировалась под влиянием культур колонизаторов, в рассматриваемых странах также применяется деформированный алгоритм формирования институциональной среды.

В Латинской Америке формирование институтов капиталистического общества осуществлялось на основе включения латиноамериканских стран в мирохозяйственный комплекс как колоний, а затем в качестве сырьевого придатка. То есть насаждение рыночных институтов происходило отчасти «насилованным» путём. «Характерной чертой буржуазного развития в подобных условиях было то, что здесь новые социальные, экономические и политические структуры не просто приходили на смену старым, а, тесня их, интегрировали в свою орбиту»¹. В результате чего новые институты, вступая в противоречие со старыми и архаичной экономической культурой, породили

¹ Стрганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. Учебное пособие [Электронный ресурс]. М., 1995. С. 8. URL: fmiranda-nsk.ru/stroganov-a.i-novejshaja_istorija_stran_latinskoj_.doc (дата обращения 12.03.2014).

обширный спектр неформальных институтов, который нашёл своё отражение в разрастании сектора ненаблюдаемой экономики, неэффективно функционирующих формальных, а экономическая культура наполнилась негативными образцами и ценностями, тормозящими экономическое развитие. Причём последствия подобной искусственной интеграции здесь «усиливали противоречивость развития общества»¹.

Африканские страны аналогично странам Латинской Америки были вовлечены в капиталистические производственные отношения в качестве рынков сбыта, источников сырья и продовольствия. «Развитие капитализма в колониальных и зависимых странах сопровождалось жесткой эксплуатацией, угнетением и насилием со стороны империалистических государств»². Как следствие, этап формирования необходимой для восходящего потока развития экономической культуры был упущен из виду и реформирование началось с насаждения институциональной среды. В результате медленные темпы социально-экономического развития и достаточно высокий процент ненаблюдаемой экономической деятельности, самый минимальный её процент в Маврикии – в среднем 23–24%, это 41-е место в рейтинге из 151 страны, самый высокий показатель по Африке в Танзании – 147-е место, он составляет в среднем 61–62%.

Приведённые данные показывают степень институциональной неэффективности той или иной страны. Если процент ненаблюдаемой экономики мал, он указывает на естественный алгоритм формирования институтов, в котором неэффективность ряда институтов выступает лишь как неизбежная сила трения, задающая направления дальнейшей работы. В случае если уровень институциональной неэффективности значителен и увеличивается быстрыми темпами, то это может говорить лишь о том, что социально-экономическое развитие происходит с определёнными деформациями, при несвоевременном

¹ Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. Учебное пособие [Электронный ресурс]. М., 1995. С. 9. URL: fmiranda-nsk.ru/stroganov-a.i-novejshaja_istorija_stran_latinskoj_.doc (дата обращения 12.03.2014).

² Шемятенков В.Г. Капитализм [Электронный ресурс]. М., 1969–1978. 18960 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/236306/> (дата обращения 14.02.2014).

диагностировании и корректировке которых есть риск перехода в стадию автономного самовоспроизводства. Эта стадия характеризуется тем, что неформальные институты начинают играть всё большую роль, развиваются быстрыми темпами, вступая в противоречие с формальными, не дают последним пространства для развития и функционирования, в итоге, разрушают их изнутри, что впоследствии способно привести к саморазрушению социально-экономической системы.

Экономическая культура, являясь одним из основных факторов, влияющих на эффективность функционирования социально-экономических институтов, призвана играть роль рычага управления изменениями в социально-экономических системах. Своевременные работы в указанной области способны не только задать направление для дальнейшего развития, но и скорректировать деформированный алгоритм формирования социально-экономических институтов, в котором Россия на современном этапе всё больше увязает. «Уместно будет предположить, что если будут осмыслены механизмы конституирования и функционирования феномена экономической культуры, общество получит дополнительные рычаги управления экономическими и социальными процессами, что может способствовать достижению экономической стабилизации»¹.

Обращаясь к анализу мирового опыта, можно обратить внимание на то, что многие страны, характеризуемые в настоящее время как развитые, активно используют данный рычаг развития, воздействуя на область культуры с целью повышения институциональной эффективности всех общественных систем, «...триада национальных интересов США выстраивается в следующей последовательности: «американская мечта» – «американская система» – «американская политика». Американцы прекрасно понимают, что без идеологии не может быть системности государственного управления, а без системности, соответственно, эффективной политики. Подобного понимания в современной

¹ Миннегалиев И.М. Экономическая культура как социальный медиатор: диалектика культурного и экономического начала // Социология. 2011. № 4. С. 227.

России пока что нет»¹. С последним утверждением трудно согласиться, в кругах научного сообщества на протяжении длительного времени исследуется взаимосвязь духовно-культурной с остальными общественными системами и особенно с социально-экономической и государственно-правовой, а также доказывается необходимость изменений в области первой. Согласно исследованию профессора В.М. Межуева для электронного журнала «Альтернативы», в котором автор анализирует теорию культурной революции, разработанную В.И. Лениным, с целью формирования социалистической модели общественного развития: «Ни вмешательство «сверху», ни массовый энтузиазм сами по себе не в состоянии обеспечить решение задач социалистического строительства, если отсутствует необходимый уровень культуры масс, если массы хотят, но не могут (в силу отсутствия культуры) строить самостоятельно свою экономику и своё государство»². Предложенный тезис подтверждает свою актуальность не только в отношении социалистической модели, но и в процессе построения или реформирования любой другой экономической модели, он иллюстрирует процесс, который в рамках данного исследования мы называем естественным алгоритмом формирования и реформирования социально-экономической системы.

Речь идёт именно об экономической культуре масс населения, при этом подразумевается, что научное сообщество и лица, принимающие решения, начиная реформы, уже интегрировали элементы, необходимые для реализации поставленных целей, в систему своей экономической культуры. Население необходимо приобщать к ней посредством определённых механизмов, так как оно зачастую не обладает достаточными экономическими знаниями и осуществляет свою экономическую деятельность, руководствуясь только заложенными в менталитете образцами и оценками. «На этом уровне явные знания как элемент культуры практически не оказывают влияния на экономическое поведение, которое обусловлено в первую очередь ценностями и навыками. Навыки

¹ Багдасарян В.Э. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 262.

² Межуев В.М. Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1561> (дата обращения: 17.10.2014).

приобретаются за счет имитации успешных образцов поведения окружающих, причем имитируются они обычно без критического осмысления и оценки. В моменты кризисов социального сознания и резких изменений экономического устройства, когда в обществе идет пересмотр ценностей, такая имитация может стать причиной массового неэффективного поведения, например, участия в финансовых пирамидах»¹.

С мнением Я. И. Кузьмина не согласиться, описанные им процессы появляются за счет того, что действия субъектов, поддерживаемые архаичной экономической культурой, приобретают регулярность и укореняются как неформальные институты, распространяясь от личной экономической культуры, через группы на все общество. Эти неформальные институты вступают в конкуренцию с формальными, обрекают их на неэффективность и как крайний случай – саморазрушение, что приводит к деградации социально-экономической системы (деформация алгоритма социально-экономического развития) и общества в целом.

Так, участие в пирамидах отвлекает денежные средства домашних хозяйств от иных вариантов инвестирования. А также, теряя свои денежные средства в процессе подобного вложения, экономическая культура населения пополняется образцами поведения, которые в дальнейшем снижают склонность к инвестированию не только в пирамиды, но и вообще. Рынок труда в России тоже является примером неэффективно функционирующего института, истоки чего связаны со специфическими образцами поведения, тормозящими социально-экономическое развитие. «В настоящее время большинство россиян не осознает, что хорошо сделанная работа достойна уважения, и для нас сейчас это главная ценностная проблема массовой экономической культуры. Вероятно, корни данной проблемы в том, что многие наши граждане всю жизнь работали, не получая нормального вознаграждения и уважения за свой труд во времена советской

¹ Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. М., 2006. С. 61.

экономики, а ещё раньше – при крепостном праве»¹. В результате мы сталкиваемся с отсутствием мотивации к повышению производительности труда и трудовой инициативы, которые являются залогом эффективности и развития производства.

Как правило, очередной виток экономико-культурного развития находит свои истоки на верхнем уровне – в умах научного сообщества – в силу того, что в него включаются «профессиональные экономисты, создающие схемы, которыми потом пользуются люди, принимающие решения, и люди массового экономического поведения»². Но зачастую экономическая культура научного сообщества не проходит освоение не только на уровне масс населения, но и на уровне принятия решений. Отсутствие экономической культуры на данном уровне способно породить массу паразитических институтов и деформировать алгоритм социально-экономического реформирования настолько, что вернуть его к естественному ходу будет крайне сложно.

Эти последствия проанализировал В.М. Межуев, изучая труды В.И. Ленина, посвященные культурной революции. Автор справедливо отмечает: «Отсутствие у масс опыта государственного управления оборачивается на практике не только такими явными проявлениями бюрократизма, как коррупция, бессмысленная канцелярщина и волокита, но и бесконтрольностью, неподотчетностью высших органов власти низшим, злоупотреблениями личной властью, административным произволом»³. Данные процессы зарождаются в силу того, что происходит охват конечной цели без усвоения самой схемы реализации. Формируемая в таком порядке политика в большинстве случаев разбивается о стену нелегитимности. В России в настоящее время наблюдается именно такая ситуация, когда экономическая культура управленческого класса достаточно низка и находится в отрыве от культуры научного сообщества, в результате цепь ее развития прерывается на втором звене. «К несчастью, существующий в любом государстве,

¹ Там же.

² Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. М., 2006. С. 61.

³ Межуев В.М. Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1561> (дата обращения: 17.10.2014).

любом обществе определенный разрыв между интеллектуальной культурой и культурой государства у нас всё углубляется и углубляется, принимая всё более угрожающие размеры»¹.

Во многих европейских государствах данные тенденции практически устранены, всё больше внимания уделяется обеспечению эффективного взаимодействия экономической культуры на всех трёх уровнях, как квинтэссенции интенсивного социально-экономического развития. В нашей стране обрыв связей подтверждается не только на макроуровне, но и на уровне отдельных социально-экономических институтов. «Отсутствие или низкий уровень организационной культуры могут стать главной причиной провала стратегии предприятия. В связи с этим менеджмент занимает активную позицию в формировании, изменении и использовании корпоративной культуры как фактора повышения конкурентоспособности и адаптивности предприятия, поддержания лояльности его работников»².

Однако даже если экономическая культура была полностью освоена лицами, принимающими решения, население может так и не получить доступа к ней в силу ряда причин:

1. Недальновидность управленческого класса и его заблуждение относительно неограниченности собственных властных ресурсов, с помощью которых будет осуществлено строительство либо реформирование социально-экономической модели, в результате нежелание идти на диалог с массами населения, выступление в качестве диктатора и умышленный пропуск этапа подготовки почвы для новых институтов.

2. Отторжение в результате отсутствия готовности масс населения к культурным переменам из-за незавершенности предыдущего витка экономико-культурного развития либо противоречия новых экономических знаний и образцов поведения существующей экономической культуре.

¹ Полуян Л.Я. Организационная культура представительных собраний [Электронный ресурс] // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996. № 6–7. С. 13–14. URL: http://www.niiss.ru/mag10_organiz_cultur.shtml (дата обращения: 17.11.2013).

² Лапыгин Ю.Н. Управленческие решения [Электронный ресурс]. М., 2009. URL: <http://lib.rus.ec/b/363958/read> (дата обращения: 13.05.2014).

Обе ситуации деформируют алгоритм социально-экономического строительства, поэтому страны, нацеленные на долгосрочное развитие, должны стремиться их избегать и проводить своевременные мероприятия в области просветительской, воспитательной и идеологической работы с населением. Речь, конечно, не идёт о подчинении всех сфер жизни единой идеологии, но идеи и цели, объединяющие массы населения, лиц, принимающих решения, и представителей научного сообщества, мотивирующие их к однонаправленным действиям, должны составлять основу всех социально-экономических и государственно-правовых реформ.

Некоторые авторы в подобной сонаправленности видят основу институциональной эффективности. Так, в работе «Курс лекций по институционалистике» коллектив авторов говорит об институциональной эффективности по Ходжсону, основанной на коллективной интенциональности, «когда индивид приписывает некое намерение той группе, которой принадлежит, будучи уверен, что таково же намерение и других членов группы, и что его целеустремленные действия согласуются с институтами и социально-культурными нормами, присущими этой группе»¹. Для России проблема «лебедя, рака и щуки» в экономической культуре разных групп населения является особенно актуальной, сказывается негативным образом на социально-экономическом развитии страны, обрекая на несостоятельность большую часть проводимых социально-экономических реформ.

Еще одной проблемой, возникающей в процессе формирования и реформирования социально-экономической системы, выступает отсутствие преемственности, т.е. накопления положительного опыта, полученного на предыдущем этапе строительства. Речь идет не только о преемственности в научном опыте, достижениях науки и техники, это является наиболее очевидным, но и о доказавших свою эффективность институтах, как следствие, сохранение определенных элементов экономической культуры, необходимых для их полноценного функционирования. Только после подобной культурно-

¹ Ключня В.Л. Курс лекций по институционалистике. Минск, 2010. С. 91.

институциональной селекции следует начинать формирование элементов новой социально-экономической системы с наращивания и модернизации экономико-культурной основы. То есть при переходе к новому типу социально-экономической системы либо на более высокий уровень развития имеющейся «новая» экономическая культура формируется на базе ранее сформированной и эффективно выполняющей свои функции экономической культуры предыдущего уровня, когда общество уже освоило и усвоило все достижения предыдущей экономической системы. Согласно исследованию профессора В.М. Межуева: «Необходимые материальные и духовные предпосылки для перехода к социализму заложены в той же культуре, какой она предстает на этапе капитализма. Правда, предпосылки эти сложились в полной мере не в России как слабым звене капитализма, а на Западе»¹.

Говоря о строительстве социализма, В.И. Ленин не призывал отказываться от достижений капиталистической системы, скорее наоборот, он отмечал: «Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее...»² Аналогично тому, как нельзя построить телегу, не изобретя колесо, так же не получится сформировать в обществе более прогрессивную экономическую культуру и более прогрессивные институты до тех пор, пока не будут приняты и легитимизированы предыдущие, а также пока не произойдет их верификация и при необходимости корректировка. То есть процесс формирования экономической культуры не является самоцелью, он даёт направление развития социально-экономической системы на определённом этапе. В силу чего формируемая экономическая культура, а точнее усвоенные знания, ценности и образцы поведения, должна постоянно подтверждать свою пригодность/непригодность, катализирующий либо тормозящий характер, отражающийся в степени эффективности функционирования сформированных на их основе формальных и неформальных институтов. Происходит их отбор,

¹ Межуев В.М. Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1561> (дата обращения: 17.10.2014).

² Ленин В.И. Государство и революция [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 33. 433 с. – URL: <http://vilenin.eu/t33> (дата обращения: 23.12.2014).

который может иметь как удачный, так и неудачный исход, можно провести аналогию с развитием биологических систем.

«В биологической эволюции в процессе естественного отбора возможно наследование свойств, которые решают локальную задачу передачи индивидуальных генотипов, но мешают воспроизводству вида в целом и ведут к его вымиранию. И в общественной жизни возможно наследование неудачных правил, которые способствуют решению локальной задачи (например, выживания предприятия в специфических условиях продолжающегося передела собственности), но не создают необходимых предпосылок для решения более общей проблемы (например, их успешной конкуренции с мировыми инновационными лидерами, которые действуют в условиях хорошо защищенных прав собственности)»¹. Поэтому постоянно протекающий процесс верификации позволяет осуществлять регулярную селекцию стимулирующих социально-экономический рост элементов экономической культуры и институциональных структур, перенос которых на следующий этап развития либо в новую модель социально-экономической системы будет наиболее эффективен в условиях постоянно изменяющейся окружающей среды. Характерным примером наследования неудачных правил стал переход России к рыночной социально-экономической системе, в результате которого «...недостатки капитализма в гипертрофированном виде перекочевали на российскую почву, а преимущества социализма были уничтожены»².

В настоящее время для успешной модернизации социально-экономической системы и устранения сложившихся негативных тенденций, связанных с неэффективностью социально-экономических институтов и архаичностью экономической культуры, необходимо завершение переходного периода и только после этого возможна успешная модернизация и построение новой

¹ Вишневецкий В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 44.

² Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура [Электронный ресурс] // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». 2001. №5. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/9_5_01.htm (дата обращения 14.11.2014).

прогрессивной, инновационной, соответствующей темпам мирового развития социально-экономической системы.

Заключение

Проведенное исследование позволило подтвердить выдвинутую перед началом исследования гипотезу и получить следующие результаты:

1. Применение системного анализа дало возможность структурировать общество, выделив два уровня его подсистем. К первому уровню были отнесены социально-экономическая, духовно-культурная и государственно-правовая системы, ко второму – зоны их межсистемного взаимопроникновения. Среди них три зоны директивного взаимопроникновения, такие как социально-экономический блок государственно-правовой системы, духовно-культурный блок государственно-правовой системы, духовно-культурный блок социально-экономической системы; и три зоны естественного взаимопроникновения: прецедентный блок социально-экономической системы, социально-экономическая культура и государственно-правовая культура. Предложен авторский подход к элементному составу общественных подсистем, описанный посредством введения буквенных обозначений.

Государственно-правовая система, условно обозначенная как GP, включила в себя элементы двух типов – G и P. Элементами типа G являются наименования государственно-правовых статусов, в рамках которых может существовать индивид в данной системе, для них введены отдельные условные обозначения: $g_1, g_2, \dots, g_n$ – избиратель, депутат, гражданин, президент, судья, лицо без гражданства, иностранный гражданин, министр и т.д. Элементы P-типа, в свою очередь, обозначены как $p_1, p_2, \dots, p_m$ – это формально закрепленные и обязательные для исполнения образцы поведения (все нормы права, закрепленные в законодательстве). Это тип элементов, ответственный за наполнение статуса набором прав и обязанностей. Взаимодействие совокупности элементов GP осуществляется в процессе воспроизводства государственной упорядоченности и целостности.

Социально-экономической системой названа совокупность элементов, обозначенная как S, простейшими из которых являются наименования социально-

экономических статусов индивидов, обозначенных как $S_1, S_2, \dots, S_k$, взаимодействующие в процессе общественного воспроизводства.

И, наконец, духовно-культурная система представлена совокупностью элементов, условно обозначенной как DKR, состоящей из элементов трех типов: D, K и R. Под элементами D-типа объединены знания, т. е. некие конкретные факты или утверждения о тех или иных объектах, происходящих вокруг явлениях или процессах и обозначенные как $d_1, d_2, \dots, d_f$ – данный тип элементов отвечает за рациональную составляющую духовно-культурной системы. Два других типа призваны отвечать за эмоциональную составляющую. Элементами типа K являются образцы поведения $k_1, k_2, \dots, k_g$ – это некогда наблюдаемые и усвоенные схемы действия, а в R-тип включены всего три элемента: r_1, r_2, r_3 – оценочные характеристики (положительная, отрицательная либо нейтральная). Элементы типа R попарно соединены с элементами типа K. Взаимодействие между элементами трёх указанных типов осуществляется непрерывно в процессе жизнедеятельности индивида.

2. Сформулировано определение такого понятия, как экономическая культура, на основе изучения имеющихся подходов и самостоятельного анализа, учитывающее основные системные свойства и характеристики исследуемого явления. Согласно введенному для общественных подсистем буквенному обозначению экономическая культура – набор элементов DKR'' совокупности DKR – является зоной взаимопроникновения духовно-культурной и социально-экономической систем. К данному набору были отнесены элементы духовно-культурной системы, коррелирующие с социально-экономической. Иными словами, это элементы, способные оказывать влияние на соблюдение прав и обязанностей статуса в социально-экономической системе.

Отнесение к экономической культуре элементов духовно-культурной системы определило её симметричный элементный состав. В экономическую культуру вошли три группы элементов: экономические знания, образцы экономического поведения и попарно связанные с ними оценочные

характеристики. Два последних типа элементов составляют экономические стереотипы поведения.

Анализ основных статических, динамических и синтетических системных свойств экономической культуры позволил сформулировать уточняющее определение, дающее возможность более глубокого изучения её внутренних взаимосвязей не только благодаря уточнению состава элементов, но и благодаря раскрытию её системной природы и функционального назначения. В результате чего экономическая культура предстала как система, состоящая из двух групп элементов: экономических стереотипов и экономических знаний, являющаяся «зоной естественного взаимопроникновения» духовно-культурной и социально-экономической систем, трансформирующая и транслирующая сигналы одной системы в форму, пригодную для усвоения другой.

3. Дано комплексное представление об экономической культуре как о трёхуровневой системе. Первый уровень включает в себя экономическую культуру научного сообщества, лиц, принимающих решения, на уровне власти и бизнеса, и экономическую культуру населения. Второй уровень уточняет внутреннюю структуру подсистем первого уровня, подразделяя каждую из них на экономическую культуру общества, группы лиц и индивида. Третий уровень продолжает уточнение внутреннего состава и взаимосвязей подсистем второго уровня, включая в систему экономической культуры личности две подсистемы: экономическое мышление и экономическое сознание. Предложена графическая интерпретация указанной трёхуровневой структуры, а также изучено взаимное влияние подсистем друг на друга, и взаимодействие между разными уровнями. Рассмотрены основные последствия прерывания внутренних взаимосвязей между подсистемами экономической культуры.

4. Проведение исторического анализа общественного развития позволило определить отправной пункт существования экономической культуры как самостоятельной общественной системы. Для этого была задана периодизация общественного развития Импульсом, спровоцировавшим возникновение экономической культуры, будем считать появление регулярного прибавочного

продукта; моментом возникновения экономической культуры – период зрелости доиндустриального общества, становления культуры Древнего мира и завершающей стадии первобытно-общинной формации. То есть это момент появления античной государственности на Балканском полуострове на фоне роста прибавочного продукта в связи с использованием естественных преимуществ территории, а затем более позднее оформление государственности на остальных территориях после прохождения аналогичного процесса межсистемной интеграции по линии духовно-культурная система → социально-экономическая система → государственно-правовая система.

5. Доказана взаимосвязь экономической культуры общества и социально-экономической системы на институциональном уровне. Определение института как социальной подсистемы позволило совместное применение системного и институционального подходов к исследованию.

В рамках институционального анализа изучены все общественные подсистемы и предложены их определения в институциональном разрезе.

Все элементы государственно-правовой системы можем представить как совокупность взаимосвязанных формальных государственно-правовых институтов, взаимодействующих в процессе воспроизводства государственной упорядоченности и целостности.

Под социально-экономической системой будем понимать совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых формальных и неформальных, социальных и экономических институтов, взаимодействующих в процессе общественного воспроизводства. Так, например, в рамках формального института «фирма» взаимодействуют некий набор статусов и определяющие их права и обязанности.

Духовно-культурная система на институциональном уровне предстанет как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых неформальных духовно-культурных институтов и формальных, отраженных в сознании человека в виде знаний, взаимодействующих в процессе духовно-культурного развития общества.

Выведен и предложен в виде схемы алгоритм естественного формирования/реформирования социально-экономической системы, а также

возможные варианты и причины его деформации. Действие алгоритма проиллюстрировано на примерах введения таких институтов, как негосударственное пенсионное обеспечение, интернет-цензура, налог на роскошь. Обосновано как последствие деформации алгоритма возникновение не только общественных потерь, но и «выигрывающих» от этого групп населения. Данная гипотеза рассмотрена на примерах рынка труда в Европе и России, а также рынков товаров-услуг и инвестиций-сбережений в России после отказа от командно-административной системы. В результате чего выявлена явная деформация алгоритма институционального строительства в постсоветский период, приведшая к деградиационным процессам в области экономической культуры и духовно-культурной системы общества.

6. Определен отправной пункт деформации алгоритма реформирования социально-экономической системы России. Деформация произошла в период стихийного перехода от командно-административного развития к социально-рыночному. Пропуск ряда этапов переходного периода спровоцировал деформации, которые приобрели самовоспроизводящийся характер благодаря сформированным вокруг точки деформации адаптивным неформальным институтам и поддерживающим их функционирование и укрепление элементам экономической культуры. Выявлен ряд экономико-культурных причин, спровоцировавших институциональную неэффективность и препятствующих её повышению на данном этапе: разнонаправленность действий носителей экономической культуры на первом уровне (население – научное сообщество – лица, принимающие решения), прерывание необходимых для правильного функционирования системы взаимосвязей на двух других уровнях, а также потеря исторической преемственности.

7. Предложено одно из возможных решений указанных проблем – формирование инновационной экономической культуры общества как одного из факторов, способствующих повышению институциональной эффективности, а также алгоритм директивного запуска самоподдерживающегося процесса инновационного развития, источником импульса для чего должен стать духовно-

культурный блок социально-экономической системы. Разработаны рекомендации по процессу формирования инновационной системы, учитывающие российские социально-экономические особенности настоящего времени, основанные на некоторых методах формирования новой экономической культуры:

1) устранение экономической безграмотности как населения, так и лиц, принимающих решения на всех уровнях – от органов государственного управления до менеджеров предприятий (работа в области наиболее динамичной, гибкой составляющей экономической культуры – знаний);

2) установка обратной связи между лицами, принимающими решения на всех уровнях, и субъектами, на которых данные решения направлены (внедрение оценки регулирующего воздействия);

3) идеологическое воспитание населения, т.е. формирование в эмоциональной части экономической культуры человека прогрессивных, способствующих эффективному социально-экономическому развитию личности, образцов поведения и их положительной оценки через средства массовой информации, проведение общественных мероприятий и выбор определенного курса социальной, культурно-просветительской, общественной и правовой политики, а также личный пример сотрудников органов государственного управления (глав государства, области, членов администрации, ГАИ, полиции и др.), утративших свой авторитет в глазах населения;

4) формирование национальной идеи, определяющей сонаправленность действий всех членов общества, популяризация событий и фактов, связывающих и объединяющих население на уровне страны, вызывающих гордость за причастность к ним.

8. Предложены критерии оценки институциональной эффективности социально-экономической системы на основе имеющихся методик и личных разработок, такие как развитость транзакционного сектора, качество жизни, размер и значение неформального сектора экономики. Предложенные критерии демонстрируют степень отклонения действий от правил функционирования социально-экономических институтов. Если степень отклонения велика, можно

диагностировать низкую институциональную эффективность социально-экономической системы. На основе предложенных критериев произведён анализ данных по России и сравнение их с мировым опытом на основе информации, имеющейся в российской и мировой статистике, использованы известные рейтинговые и оценочные показатели, а также рассчитаны количественные характеристики, в результате чего доказана неэффективность функционирования институтов российской социально-экономической системы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 5.02.2014 №2-ФКЗ) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 04.11. 2013).
2. Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24.07.2002 №111-ФЗ (в ред. от 23.07.2013) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166108> (дата обращения: 24.11. 2013).
3. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 1.04.1996 №27-ФЗ (в ред. от 04.11.2014) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170580;dst=0;ts=D4C39AABD10A8D526ED5646536C3172B;rnd=0.8583208916243166> (дата обращения: 27.11.2014).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения: Федеральный закон от 04.12.2013 №351-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=155248> (дата обращения: 27.11.2014).
5. О доктрине развития российской науки: Указ Президента Российской Федерации от 13.06.1996 №884 (ред. от 23.02.2006) // Справочно-правовая

система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=97458> (дата обращения: 17.10.2014).

6. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Российской Федерации от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149218> (дата обращения: 17.10.2014).

7. О негосударственных пенсионных фондах: Федеральный закон Российской Федерации от 07.05.1998 №75-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166207> (дата обращения: 15.01.2014).

8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ №1662-р от 17.11.2008 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90601> (дата обращения: 18.10.2013).

9. О полюсах инновационного развития в Алтайском крае: Закон Алтайского края от 07.09.2009 №62-ЗС // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibinfo.su/alt/officiality/167.html> (дата обращения: 28.06.2014).

10. Аврамова Е.М. Сберегательные установки россиян // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 27–40.

11. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери; пер. с англ. Г.Б. Рубальского. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.

12. Алексеева Е.А. Инновационная культура России и социально-культурное проектирование // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – Вып. 6, ч. 1. – С. 480–481.

13. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ: монография / О.И. Ананьин. – М.: Наука, 2005. – 244 с.
14. Антипина О.Н. Загадка «новой экономики знаний» («парадокс Солоу») // Вестник Московского университета. Экономика. – 2000. – № 6. – С. 3–17.
15. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. / Аристотель; пер. с древнегреч. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
16. Аристотель. Политика. Афинская полиция / Аристотель; предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.
17. Аузан А. Эффект колеи [Электронный ресурс] // Интернет-журнал ПостНаука. – 30.10.2014. – URL: <http://postnauka.ru/longreads/35754> (дата обращения: 07.11.2014).
18. Ахизер А. Критические пороги социальных систем / А. Ахизер, Г. Гольц // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 45–54.
19. Бабосов Е.М. Экономическая социология: вопросы и ответы / Е.М. Бабосов. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 224 с.
20. Багдасарян В.Э. Высшие ценности Российского государства: монография / В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2012. – 624 с.
21. Бадалов Л. Исторический опыт восстановления экономики // Экономист. – 2001. – № 11. – С. 95–96.
22. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: структура и функциональная специфика сегментов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / С.Ю. Барсукова. – М.: ВШЭ, 2004. – 35 с.
23. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл; пер с англ. В.Л. Иноземцев. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
24. Белоусенко М.В. Об институциональной эффективности рынков // Научные труды ДонНТУ. Сер. экон. – 2006. – № 103-1. – С. 115–121.
25. Бельская Г.С. Инновационные возможности развития экономики России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2009. – № 2(6). – С. 38–46

26. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 3(97). – С. 18-46.
27. Берг Л.С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей: монография / Л.С. Берг. – Петербург: Государственное издательство, 1922 – 295 с.
28. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой [Электронный ресурс] // Судьба России [сочинения] / Н.А. Бердяев; сост. В.В. Шкода. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 734 с. – URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_06.html (дата обращения: 30.10.2013).
29. Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем / Л. Берталанфи; пер.с англ. Н.С Юлиной. – М: Прогресс, 1969. – С. 23–83.
30. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 269 с.
31. Блауберг И.В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин. – М.: Знание, 1969. – 47 с.
32. Бортник И. Время собирать кластеры [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. – № 6059 (83). – URL: <http://www.rg.ru/gazeta/2013/04/17.html> (дата обращения: 02.02. 2014).
33. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: в 82 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1902. – Т. 35. – 428 с.
34. Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 26–43.
35. Буров В.Ю. Определение масштабов теневой экономики // Вестник - экономист. – 2012. – № 4 – С. 1–17.
36. Бутенко А.П., Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл / А.П. Бутенко, Ю.В. Колесниченко // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 92–102.

37. Бушмарин И. Формирование трудовых ресурсов: опыт Запада и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 2. – С. 48–52.
38. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / Дж. Вазари; пер с итал. А.Г. Габричешевского, А.И. Венедиктова. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008. – 1278 с.
39. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации: монография / В.В. Василькова. – СПб.: Лань, 1999. – 480с.
40. Вебер А.Б. Россия перед инновационным вызовом: опыт «нулевых» годов // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2012. – Вып. 11. – С. 82–105.
41. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ. С.Г. Сорокиной. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
42. Вишневский В. Инновации, институты и эволюция / В. Вишневский, В. Дементьев // Вопросы экономики. – 2010. – № 9. – С. 41–62.
43. Войтов И.В. Экономическая культура и пути её формирования в России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. филос. – 2009. – № 2. – С. 53–58.
44. Воронина Л.И. Взаимодействие государственной власти, бизнеса и российского населения в сфере внешней трудовой миграции (на материалах Свердловской области) // Инструменты анализа и управления переходными состояниями в экономике: материалы II Международной конференции. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г. – Екатеринбург: АМБ, 2007. – Т. 1. – С. 20–36.
45. Гаджиев К.С. Россия может сохранить величие, только оставаясь Россией // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 3 (24). – С. 134–137.
46. Гасратян К. Проблемы развития сферы культуры в России // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 117–129.
47. Гвоздева Е. Особенности национальной работы [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2003. – № 3(11). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/osobennosti-nacionalnoy-raboty> (дата обращения: 12.06.2013).

48. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель под ред. М.М. Розенталя. – М.: Мысль, 1970. – Т.1– 501 с.
49. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер; пер. А.В. Михайлов. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
50. Гладарев Б. Трудовые стратегии советских специалистов в конце 1990-х годов: проблема укорененности экономического поведения // Вопросы экономики. – 2004. – № 12. – С. 141–151.
51. Гладких Б.А. Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления: монография / Б.А. Гладких [и др.]. – Томск: Изд. Томского государственного университета, 1976. – 244 с.
52. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса: монография / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 287 с.
53. Головчанская Е.Э. Активность инновационного процесса общества: монография / Е.Э. Головчанская, В.В. Великанов. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – 156 с.
54. Гольц Г.А. Инфраструктура и общество: принципы стратегии опережающего развития России // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 2. – С. 5–21.
55. Гольц Г.А. Культура и экономика: поиск взаимосвязей // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 23–35.
56. Гордин В.Э. Инновационная стратегия развития культуры и повышение качества жизни населения / В.Э. Гордин, Л.В. Хорева // Инновационные формы взаимодействия культурного наследия и творческих индустрий. – 2010. – № 43. – С. 158–166.
57. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2012. – Вып. 11. – С. 3–26.
58. Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 54–61.

59. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли: монография / Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристал, 2001. – 640 с.
60. Давыдов А.А. Системная социология: монография / А.А. Давыдов. – М.: ЛКИ, 2008. – 192 с.
61. Давыдов А.А. Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем: монография / А.А. Давыдов. – М.: КомКнига, 2005. – 328 с.
62. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
63. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации: монография / А.Н. Данилов. – Минск: Харвест, 1998. – 432 с.
64. Дежина И.Г. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России: монография / И.Г. Дежина, В.В. Киселева. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.
65. Демсец Х. Еще раз о теории фирмы // Природа фирмы / под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера; пер. с англ. М.Я. Каждана. – М.: ДЕЛО, 2001. – С. 237–267.
66. Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 108–124.
67. Дианов Е. Успех инноваций определяют высокие технологии // Экономист. – 2002. – № 6. – С. 38–43.
68. Динкевич А. Закономерности экономического развития (проблемы методологии) // Экономист. – 2001. – № 11. – С. 71–80.
69. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех / пер. с англ. Д. Голосной, Н. Заборин, А. Скобелкин. – М.: Весь мир, 2011. – 188 с.
70. Дубнов А.П. Падение Запада и глобальные проблемы человечества: общедоступное введение // Закат Европы. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. – Т.1. – С. 5–33.

71. Ерохин М.А. Место кластерной теории среди современных подходов к региональному развитию // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2011. – Т.11. – № 4. – С. 165–172.
72. Ефременко Т. О. Экономическая культура как социологическое понятие // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 3. – С. 123–141.
73. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации: монография / Н.Н. Зарубина. – СПб.: РХГИ, 1998. – 288 с.
74. Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе: учебное пособие / Н.Н. Зарубина. – М.: Логос, 2010. – 392 с.
75. Заславская Т.И. Социология экономической жизни: очерки теории: монография / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 446 с.
76. Захарова Т.В. Изучение побочных эффектов «постоянно новой экономики» // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2010. – № 1(9). – С. 16–27.
77. Зверев О.А. Моделирование экономического роста и анализ динамики российской экономики в переходный период // Вестник Московского университета. Сер. экон. – 2000. – № 6. – С. 56–72.
78. Зима Н.А. Глобализация культуры и специфика её проявления в России: автореф. дис. ... канд. филос. Наук. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2005. – 22 с.
79. Иванов Н. Человеческий капитал и глобализация // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 19–31.
80. Игнатовский П. Динамизм труда и социально-экономический прогресс // Экономист. – 2005. – № 1. – С. 3–13.
81. Игнатовский П. К развитию на основе труда // Экономист. – 2005. – № 7. – С. 3–9.

82. Илюмжинов В. Глобальная инновационная гонка: в борьбу вступают мировые лидеры, Россия отстаёт [Электронный ресурс] / В. Илюмжинов // Газета Протестант – 2013. – 28.03.2012. – URL: www.gazetaprotestant.ru/2012/03/globalnaya-innovacionnaya-gonka-v-borbu-vstupayut-mirovye-lidery-rossiya-otstaet/ (дата обращения: 23.05.2014).
83. Институциональная реформа в России: переход от проектирования к реализации в условиях многоуровневой системы государственного управления / Т. Верхайен [и др.]. – М.: Алекс, 2006. – 200 с.
84. Истомин С.В. Анализ эффективности институционального механизма России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 31(264). – С. 65–70.
85. Каган М.С. О системном подходе к системному подходу // Избранные труды: в 7 т. / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 2006. – Т. 1. – 356 с.
86. Кадочников Д.В. Теоретико-экономический анализ культуры и культурных ценностей: вопросы методологии // Journal of Institutional Studies. – 2012. – Т.4. – № 4. – С. 43–59.
87. Калинина Л.А. Социальная динамика воспроизводства человека: автореф. дис. ... канд. филос. Наук. – Н. Новгород, 2002. – 26 с.
88. Каллас М.С. Взаимодействие науки, образования и бизнеса как основа формирования инновационной среды в России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2011. – № 4(16). – С. 185–191.
89. Карпов Ю.А. Развитие транзакционного сектора российской экономики: автореф. дис. ...канд. экон. наук. / Ю.А. Карпов. – Волгоград. – 2008. – 27 с.
90. Катон М.П. Земледелие / М.П. Катон; пер с лат. М.Е. Сергеевко. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР. – 1950. – 219 с.
91. Каширин А.И. Структурная и социально-экономическая трансформация промышленности России // Вестник Московского университета. Сер. экон. – 2000. – № 5. – С. 61–77.

92. Кирдина С. Российская модель институциональных изменений: опыт эмпирико-статистического исследования / С. Кирдина [и др.] // Вопросы экономики. – 2010. – № 11. – С. 97–114.
93. Кирдина С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование / С.Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН. – 2008. – 72 с.
94. Кириченко В. Уточнение ориентиров экономических реформ // Экономист. – 2000. – № 7. – С. 22–28.
95. Клавдиенко В.П. Глобализация мирового хозяйства и трансформация экономических систем в странах Восточной Европы и России // Вестник Московского университета. Сер. экон. – 2000. – № 5. – С. 78–88.
96. Ключня В.Л. Курс лекций по институционалистике / В.Л. Ключня А.В. Черновалов. – Минск: Издательский центр БГУ, 2010. – 310 с.
97. Козловская О.В. Особенности инновационной конкуренции в условиях глобализации / О.В. Козловская, Е.Н. Акерман. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2010. – № 2(10). – С. 5–13.
98. Козырева П.М. Правовое сознание и доверие // Политические исследования. – 2008. – № 4. – С. 86–101.
99. Козырева П.М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России / П.М. Козырева, А.Э. Низамова, А.И. Смирнов – М.: Новый хронограф. – 2013. – 328 с.
100. Кокорев В.Е. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек // Вопросы экономики. – 1996. – № 12. – С. 61–72.
101. Коллонтай М.М. Влияние национальных культур на становление и развитие менеджмента в разных странах (исследования Гирта Хофстеда) [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ИПМ. – URL: <http://old.research.by/pdf/1999n2r06.pdf> (дата обращения: 10.12.2013).
102. Коммонс Дж. Институциональная экономика / Дж. Коммонс; пер. с англ. А.А. Курышевой // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59–70.

103. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе; пер. И.А. Шапиро. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 267 с.
104. Кондратович Д.Л. Социальное восприятие экономических и политических процессов как фактор институциональной эффективности социальной организации и управления в Северном регионе [Электронный ресурс] / Д.Л. Кондратович [и др.] // Управление экономическими системами. – 2011. – № 11. – URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/782-2011-11-14-05-31-33> (дата обращения: 09.06.2014).
105. Конт О. Основные законы социальной динамики или общая теория естественного прогресса человечества // Социология / под ред. В. Зомбарт; пер. И. Маркусон. – Л.: Мысль, 1924. – 141 с.
106. Крёбер А.Л. Избранное: природа культуры / А.Л. Крёбер; пер. с англ. Г.В. Вдовина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1008 с.
107. Кривяков С.В. Теоретический анализ экономических систем: учебное пособие – Томск: Издательство Томского университета, 2007. – 133 с.
108. Крючкова П.В. Привыкание домохозяйств к рынку // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – Ростов н/Д: ООО «Гуманитарные перспективы». – 2011. – Т. 3. – № 1. – С. 8–27.
109. Кудинов А. Полюсы роста [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал. Алтайский край: события и комментарии экспертов. – 02.06.2009. – URL: <http://www.doc22.ru/information/analysis/462-2009-06-02-02-19-20> (дата обращения: 05. 05. 2014).
110. Кузьмина Ж.Ю. Инновационная культура как необходимая составляющая гармоничного развития современного общества [Электронный ресурс] / Ж.Ю. Кузьмина. – URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Philosophia/46696.doc.htm (дата обращения: 05. 11. 2013).
111. Кузьминов Я. За пределами рынка: институты управления трансакциями в сложном мире (Нобелевская премия по экономике 2009 года – Оливер Уильямсон

и Элино́р Остро́м) / Я. Кузьминов, М. Юдкевич // Вопросы экономики. – 2010. – № 1. – С. 82–98.

112. Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов / Я. И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – 443 с.

113. Кузьминов Я.И. Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации // Вопросы экономики. – 1992. – № 3. – С. 44–57.

114. Кузьминов Я.И. Теоретическая экономическая культура в современной России // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 13–23.

115. Лавриненко И.В. Проблема ценностей в международном праве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Томск: Издательство Томского университета, 2011. – Ч. 49. – С. 119–120.

116. Лавров А.А. Опыт организации кластеров инновационного развития на примере США и особенностей их сетевого взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2010. – № 1(9). – С. 38–43.

117. Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты / Д. Лал; пер. с англ. Т. Даниловой. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 338 с.

118. Лапыгин Ю.Н. Управленческие решения [Электронный ресурс] / Ю.Н. Лапыгин, Д.Ю. Лапыгин. – М.: Эскмо, 2009. – URL: <http://lib.rus.ec/b/363958/read> (дата обращения: 13.05.2014).

119. Ленин В.И. Государство и революция [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений Мантаева Э.И. Принципы системного исследования, – Издание 5. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – Т.33. – 433 с. – URL: <http://vilenin.eu/t33> (дата обращения: 23.12.2014).

120. Лисин Б.К. Инновационная культура [Электронный ресурс] // Инновации. – 2008. – № 10. – URL: <http://www.innov.etu.ru/Innovation/innov.html> (дата обращения: 03.07.2014).

121. Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория: монография / Г.П. Литвинцева. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2003. – 336 с.
122. Локтев А. Интеграция содействует освоению высоких технологий // Экономист. – 2000. – № 7. – С. 29–36.
123. Лонтьев А.П. Оценка экономической системы России / А.П. Лонтьев, З.А. Корчагина // Вестник Московского университета. Экономика. – 2000. – № 5. – С. 99–120.
124. Лундвал Б.А. Он придумал национальную инновационную систему // Бюллетень Инновационные тренды. – 2011. – № 1. – С. 3–4.
125. Майструк В. Стратегия инновационного развития [Электронный ресурс] // Бизнес 112. Знания, опыт, инновации в помощь бизнесу. – URL: <http://www.biznes112.com/innovatsionnaya-kultura-v-predprinimatelstve> (дата обращения: 13. 05. 2014).
126. Маковейчук А.В. Ментальные особенности восприятия гражданами имиджа политической власти в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3(1). – С. 332–336.
127. Мальганова И.Г. Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства / И.Г. Мальганова, А.М. Трофимов // Научный журнал Пермского университета. Географический вестник. – 2005. – № 1–2. – С. 36–43.
128. Мантаева Э.И. Принципы системного исследования // Вестник Московского университета. Экономика. – 2000. – № 6. – С. 31–45.
129. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – С. 219–368.
130. Маркс К. К критике политической экономии // Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 13. – 771 с.

131. Маршалова А.С. Основы теории регионального воспроизводства: тексты лекций / А. С. Маршалова, А.С. Новоселов. – Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. – 195 с.
132. Мау В.А. Реформы и догмы: монография / В.А. Мау. – М.: Дело, 1993. – 256 с.
133. Мау В.А. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста: доклад к XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 3–5 апреля 2012 г. / В.А. Мау, Е.Г. Ясин. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 34 с.
134. Мацууро К. Стратегический ресурс века (о международном форуме «Инновационная культура на рубеже веков») [Электронный ресурс] // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 4. – URL: http://vasilieva.narod.ru/ptpu/22_4_01.htm (дата обращения: 24.09.2014).
135. Межуев В.М. Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1561> (дата обращения: 17.10.2014).
136. Миннегалиев И.М. Экономическая культура как социальный медиатор: диалектика культурного и экономического начала // Социология. – 2011. – № 4. – С. 213–219.
137. Миннегалиев И.М. Экономическая культура: структура и функции // Социология. – 2010. – № 2. – С. 222–229.
138. Михайлёнок О.М. Стратегическая культура как системообразующий фактор общественно-политического согласия // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2012. – Вып. 11. – С. 125–141.
139. Мокичев С.В. Генезис постиндустриального мира: новый контекст исследования социально-экономических систем // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2005. – Т. 147, кн. 3. – С. 4–17.
140. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье; пер. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.

141. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган; пер. с англ. М.О. Косвен. – Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 350 с.
142. Наймушин В. Рыночные реформы в России: можно ли разорвать замкнутый круг истории? // Вопросы экономики. – 2004. – № 10. – С. 114–128.
143. Нестеров Л. Национальное богатство и человеческий капитал / Л. Нестеров, Г. Аширова // Вопросы экономики. – 2003. – № 2. – С. 103–110.
144. Нехода Е.В. Экономика и социология труда: учебное пособие / Е.В. Нехода. – Томск: Томский государственный университет, 2004. – 216 с.
145. Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура [Электронный ресурс] // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». – 2001. – № 5. – URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/9_5_01.htm (дата обращения 14.11.2014).
146. Новосельский В. Общественное сознание и экономическая политика // Экономист. – 2005. – № 1. – С. 46–51.
147. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М.: НАЧАЛА, 1997. – 180 с.
148. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1996. – 472 с.
149. Одинг Н.Ю. Культура, институты и экономическое поведение в России / Н.Ю. Одинг, Л.И. Савулькин // Journal of Institutional Studies. – 2012. – Т.4. – № 4. – С. 60–72.
150. Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления / под ред. Ф.И. Перегудова. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – 244 с.
151. Оценка уровня и качества жизни населения / под ред. Р. Кудрявцевой // Экономист. – 2001. – № 11. – С. 61–70.
152. Пантин В.И. Субъекты инновационного развития и проблемы обновления политических институтов в современной России // Теория и политика

инновационного развития и инноваций в политике.: круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 128–146.

153. Парсонс Т. О структуре социального действия: монография / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

154. Парсонс Т. Система современных обществ: монография / Т. Парсонс; пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

155. Перегудов Ф.И. Основы системного анализа / Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко. – Томск: Издательство НТЛ, 1997. – 396 с.

156. Поскрыков А.А. Инновационная культура и креативность // Теория и методология творчества: итоги и перспективы: сборник научных трудов. – М.: Институт философии РАН, 2001. – URL.: <http://twirpx.com/file/149656/> (дата обращения: 23.03.2014).

157. Пестунов М.А. Оценка эффективности институционального механизма российского рынка электронной торговли / М.А. Пестунов, Д.В. Валько // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. экон. – 2013. – № 8. – С. 5–13.

158. Петров Р.С. Формирование условий развития инновационной культуры в контексте стратегии модернизации российской экономики // Креативная экономика. – 2011. – № 2(50). – С. 84–88.

159. Петухов В.В. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2012. – Вып. 11. – С. 264–288.

160. Платон. Государство / Платон; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова, К.А. Сергеева [и др.] – С.Пб.: Наука, 2005. – 570 с.

161. Плотникова А.П. Некоторые аспекты формирования благоприятной инновационной среды развития территории / А.П. Плотникова, Е.С. Захарченко // Инновационная деятельность. – 2011. – № 1(14). – URL: <http://www.sstu.ru/journal/archive.php> (дата обращения: 23.02.2014).

162. Полищук Е.А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – Вып 1. – С. 10–16.

163. Полуян Л.Я. Организационная культура представительных собраний [Электронный ресурс] / Л.Я. Полуян, И.Ф. Фасеев // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. – 1996. – № 6–7 – С. 13-14. – URL: http://www.niiss.ru/mag10_organiz_cultur.shtml (дата обращения: 17.11.2013).
164. Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры: монография [Электронный ресурс] / Ю.А. Помпеев. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры, 1999. – 208 с. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-59/index.html> (дата обращения: 25.09.2012).
165. Пономарёв Л.Н. Экономическая культура: сущность, направления развития: монография / Л.Н. Пономарёв, В.Д. Попов, В.П. Чичканов. – М.: Мысль, 1987. – 269 с.
166. Портер М.Э. Конкурентные преимущества стран / М.Э. Портер; пер. с англ. Д.Е. Тетерина // Вехи экономической мысли. Международная экономика. – М.: Экономическая школа, 2006. – Т.6. – 720 с.
167. Портер М.Э. Конкуренция / М.Э. Портер; пер. с англ. О.Л. Пелявского, А.П. Уриханяна и др. – М.: Вильямс, 2005. – 608 с.
168. Проблемы и опыт. Хартия инновационной культуры [Электронный ресурс] // Инновации. – 1999 – № 9–10. – URL: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/50a548b66b25dd7cc32569bd003d4ca8/47195bfa37161144c32569ca004f35d0?OpenDocument> (дата обращения: 25.11.2013).
169. Решетникова Е.Г. Модернизация социальных институтов на современном этапе [Электронный ресурс] // Инновационная деятельность. – 2011. – № 3(16). – URL: <http://www.sstu.ru/journal/archive.php> (дата обращения: 23.02.2014).
170. Розмаинский И.В. Экономическая культура как фактор и барьер экономического роста // Journal of Institutional Studies. – 2012. – Т.4. – № 4. – С. 22–31.
171. Российская ментальность: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53.

172. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике: монография / под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева – М.: РАН, 2013. – 93 с.
173. Рощина И.В. Генеральные направления модернизации национальной экономики России / И.В. Рощина, Е.П. Аксенов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2010. – № 1(9). – С. 44–52.
174. Рыжкова М.В. Взаимоотношения российского бизнеса и потребителей: антикризисные схемы обмана // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2011. – № 4(16). – С. 56–67.
175. Рябушкин Б.Т. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики / Б.Т. Рябушкин, Э.Ю. Чурилова. – М: Финансы и статистика, 2003. – 144 с.
176. Садовский В.Н. Основания общей теории систем / В.Н. Садовский. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
177. Сапир Ж. Экономическая культура, технологическая культура, организационная культура // Истоки. – М.: Высшая школа экономики. – 1998. – Вып. 3. – 512 с.
178. Семёнов Ю.И. Как возникло человечество: монография / Ю.И. Семёнов. – М.: Наука, 1966. – 576 с.
179. Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 90-х годов и их последствия для России: монография / Р.Х. Симонян, – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
180. Сколько стоят неработающие институты? / Н. В. Акиндинова [и др.] // Вопросы экономики. – 2011. – № 8. – С. 41-65.
181. Скуфьина Т. Расчет трансакционных издержек потребительского рынка (по результатам обследования потребительского рынка Мурманской области) // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 4. – С. 138–143.
182. Соколова Г.Н. Экономическая социология: монография / Г.Н. Соколова. – Минск: Высшая школа, 1998. – 368 с.

183. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин; пер. с англ. А. Ю. Согомонова. — М.: Политиздат, 1992. — 393 с.
184. Сорокина С.Г. Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса»: вступительная статья // Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ. С.Г. Сорокиной. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
185. Социально-экономические модели (из мирового опыта) / под ред. К. Микульского // Социально-экономические модели в современном мире и путь России: в 2 кн. — М.: Экономика, 2005. — Кн. 2. — 912 с.
186. Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки: учебное пособие [Электронный ресурс] / А.И. Строганов. — М.: Высшая школа, 1995. — 415 с. — URL: fmiranda-nsk.ru/stroganov-a.i-novejshaja_istorija_stran_latinskoj_.doc (дата обращения 12.03.2014).
187. Сунгуров А.Ю. Инновации в социуме и политике: аналитический обзор // Философские науки. — 2013. — № 3. — С. 5–21.
188. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: к новой теории передаточного механизма в макроэкономике: монография / О.С. Сухарев. — М.: Экономика, 2007. — Кн. 1. — 516 с.
189. Сухарев О.С. Институциональная экономика: теория и политика: монография / О.С. Сухарев. — М.: Наука, 2008. — 863 с.
190. Сухарев О.С. Неэкономические факторы экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2013. — Т. 169. — № 2. — С. 59–66.
191. Сухарев О.С. Представление о дисфункции институтов и систем // Инвестиции в России. — 2013. — № 12. — С. 15–23.
192. Сухарев О.С. Проблема институциональной эффективности и качества хозяйственного развития [Электронный ресурс] / О.С. Сухарев. — 2007. — URL.: <http://www.twirpx.com/file/71629/> (дата обращения: 20.03.2014).
193. Сухарев О.С. Теория дисфункции институтов и экономических систем (к 15-летию разработки данной теории в России) // Журнал экономической теории. — 2014. — № 1. — С. 27–39.

194. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики: монография / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 367 с.
195. Сухарев О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений: монография / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2011. – 430 с.
196. Суховский А.М. Общественный сектор экономики и формирование рынка труда на Западе // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 6(15). – С. 222–229.
197. Сытник А.А. Возможности и ограничения развития нового технологического уклада экономических систем в условиях глобализации // Инновационная деятельность. – 2011. – № 1(14). – URL: <http://www.sstu.ru/journal/archive.php> (дата обращения: 23.02.2014).
198. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор; пер. с англ. Д.А. Коропчевского. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 573 с.
199. Тамбовцев В. Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // Вопросы экономики. – 2010. – № 11. – С. 83–96.
200. Тарасенко Ф.П. О структурных схемах организационных систем // Проблемы управления в социальных системах. – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 81–91.
201. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ / Ф.П. Тарасенко. – М.: КНОРУС, 2010. – 224 с.
202. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2012. – Вып. 11. – С. 62–81.
203. Тодоров А.С. Качество жизни. Критический анализ буржуазных концепций / А.С. Тодоров. – М.: Прогресс, 1980. – 223 с.
204. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.
205. Тоффлер Э. Третья волна [Электронный ресурс] / Э. Тоффлер; пер. с англ. С. Барабанова, К. Бурмистрова [и др.] – М.: АСТ, 1999. – 261 с. – URL: http://www.modernlib.ru/books/toffler_elvin/tretya_volna/ (дата обращения: 23.02.2014).

206. Уколов В.Ф. Инновационный менеджмент в государственной сфере и бизнесе: учебник для вузов / В.Ф. Уколов, В.А. Галайда, С.С. Мазин. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2009. – 400 с.
207. Уколова Н.В. Инновационная перестройка экономики и структурные сдвиги // Инновационная деятельность. – 2011. – № 1(14). – URL: <http://www.sstu.ru/journal/archive.php> (дата обращения: 23.02.2014).
208. Уледов А.К. Духовная жизнь общества: монография / А.К. Уледов. – М.: Мысль, 1980. – 227 с.
209. Фактор транзакционных издержек в теории и практике российских реформ: по материалам одноименного круглого стола / под ред. В. Л. Тамбовцева. – М.: Теис, 1998. – 152 с.
210. Феоктистов Д.В. Методология оценки уровня и качества жизни населения [Электронный ресурс] // Налоги. Инвестиции. Капитал. – 2002. – № 3–4. – URL: <http://nic.pirit.info/200211/021.htm> (дата обращения: 15.12.2013).
211. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Фергюсон; пер. с англ. И.И. Мюрберга. – М.: РОССПЭН, 2000. – 391с. – URL: <http://www.twirpx.com/file/469918> (дата обращения: 12.12.2013).
212. Филиппов Ю.В. Теории местного экономического развития / Ю.В. Филиппов, Т.Т. Авдеева, Т.Г. Лаврова. – М. : КНОРУС, 2011. – 104 с.
213. Фролов Д.П. Институциональная системность социальной ответственности бизнеса (природа, институты, механизм) / Д.П. Фролов, А.А. Шулимова // Journal of Institutional Studies. – 2013. – Т. 5. – № 1. – С. 124–144.
214. Цицерон М.Т. Избранные сочинения / М.Т. Цицерон; пер. с лат. Г. Кнабе. – М.: АСТ, 2000. – 464 с.
215. Чирикова А.Е. Государство и бизнес: взаимодействие на поле социальной политики в современной России // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2012. – Вып. 11. – С. 169–190.
216. Чиркунов О. Экономическое чудо: рынок и культура // Вопросы экономики. – 2010. – № 9. – С. 15–25.

217. Шамхалов Ф.И. Государство и экономика: основы взаимодействия. – М.: Экономика. – 2000. – 381 с.
218. Шемятенков В.Г. Капитализм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Изд. 3-е [Электронный ресурс] / под ред. А.М. Прохорова, Н.К. Байбакова, А.А. Благоданова [и др.] – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 11. – 18960 с. – URL: <http://www.twirpx.com/file/236306/> (дата обращения 14.02.2014).
219. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений: монография / С.М. Широкогоров – Владивосток: Издательство дальневосточного университета. – 2002. – 148 с.
220. Широнин В. Институты и инновации: взгляд когнитивной науки // Вопросы экономики. – 2010. – № 5. – С. 43–57.
221. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
222. Экономическая социология и перестройка / под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. – М.: Прогресс, 1989. – 232 с.
223. Экономические субъекты постсоветской России: институциональный анализ: десять лет спустя. Ч. 1. Российские домохозяйства: монография / под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Московский общественный научный фонд, 2010. – 196 с.
224. Экономические субъекты постсоветской России: институциональный анализ: монография [Электронный ресурс] / под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-teoriya-4/57.htm> (дата обращения: 12.04.2014).
225. Эльканов Р.Х. Полюса развития и точки роста инновационной экономики: Российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Современная наука актуальные проблемы теории и практики. Сер. экон. и право. – 2012. – № 2. – URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-02/388-a> (дата обращения 16.03.2014).

226. Эльмурзаева Р.А. Внедрение и развитие института оценки регулирующего воздействия при формировании и реализации государственной политики / Р.А. Эльмурзаева, О.В. Козловская // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 165–166.
227. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 3. – 639 с.
228. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. – 2003. – № 4. – С. 4–36.
229. Ясин Е. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя / Е. Ясин [и др] // Вопросы экономики. – 2011. – № 8. – С. 77–96.
230. Ясин Э. Институциональные проблемы России в мировом контексте / Э. Ясин, М. Снеговая // Вопросы экономики. – 2010. – № 1. – С. 114–128.
231. Ericson R.E. The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? // BOFIT Policy Brief. – 2000. – № 8. – 26 p.
232. Freeman C. Continental, national and sub-national innovation systems – complementarity and economic growth // Research Policy. – 2002. – № 31– P. 191–211.
233. Freeman C. The “National system of innovation” in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – № 19. – P. 5–24.
234. Green paper on Innovation. European commission. December 1995. [Electronic resource] URL: europa.eu/documents/comm./green_papers/pdf/com95_688_en.pdf (access date: 08.09.2014).
235. Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process / T. Hägerstrand. – Chicago: University of Chicago Press, 1967. – 350 p.
236. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values / G. Hofstede. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1984. – 325 p.
237. Michelet J. Histoire de France. Renaissance / J. Michelet. – Т. 7. – Paris: Ernest Flammarion edition, 1895. – 285 p.

238. Langlois R.N. Rationality, Institutions and Explanation, in R.N. Langlois (ed.) *Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics*. – New York: Cambridge University Press, 1986. – P. 225–255.
239. Leydesdorf L. Emergence of a Triple Helix of university – industry – government relations / L. Leydesdorf, H. Etzkowetz // *Science and Public Policy*. – 1996. – V. 23(5). – P. 279–286.
240. Linton R. *The Study of Man* / R. Linton. – New York: Appleton-century-crofts, inc. – 1936. – 503 p.
241. Lundvall B.A. National Innovation System: Analytical focusing device and policy learning tool / B.A. Lundvall. – Östersund: ITPS, Swedish Institute for Growth Policy Studies, 2007. – 59 p.
242. Lundvall B.A. National systems of production, innovation and competence building // *Research Policy*. – 2002. – № 31. – P. 213–231.
243. Nelson R.R. *National Innovation Systems. A Comparative Analysis* / R.R. Nelson. – New York and London: Oxford University Press, 1993. – 541 p.
244. Nelson R.R. National Innovation Systems: A Retrospective on a Study // *Industrial and corporate change*. – 1992. – Vol. 1. – № 2. – P. 347–374.
245. North D.C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 / D.C. North, J.J. Wallis // *Long-Term Factors in American Growth* / S.L. Engerman, R.E. Gallman. – Chicago: University of Chicago Press. – 1986. – P. 95–162.
246. Sabato J. *Tehnology and the Productive Structure* / J. Sabato. – Mexico: Instituto Latinoamericano de Estudios Transnacionales, 1979. – 386 p.
247. Schotter A. *The Economic Theory of Social Institutions* // Cambridge: Cambridge University Press. – 1981. – P. 117–133.
248. The Failed States Index 2013 [Electronic resource] // The Found for Peace. – URL: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2013-sortable> (access date: 29.11.2014).
249. The 2012 Legatum Prosperity Index™ [Electronic resource]. – London: Legatum Institute. – 2012. – 48 p. – URL: http://media.prosperity.com/2012/pdf/publications/PI2012_Brochure_Final_Web.pdf (access date: 25.06.2014).

250. The 2013 Legatum Prosperity Index™ [Electronic resource]. – London: Legatum Institute. – 2013. – 57 p. – URL: http://media.prosperity.com/2013/pdf/publications/PI2013Brochure_WEB.pdf (access date: 25.06.2014).

Приложение А
(справочное)
Структура ВВП США

Таблица А.1 – Структура ВВП США с точки зрения транзакционных и нетранзакционных отраслей 2004-2012гг.

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Тип сектора
Валовый внутренний продукт	11853,3	12623	13377.2	14028.7	14291.5	13973.7	14498.9	15075.7	15684.8	
Частный бизнес	10345,6	11037,1	11709.4	12268.8	12437.1	12056.7	12532.3	13081.8	13657.6	
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство, охота	142.7	127.1	122.5	144.5	159.4	142.4	157.6	173.5	168.6	нта
<i>Фермы</i>	118.3	102	93.1	114.9	130.5	113.2	124.8	138.7		
<i>Лесное хозяйство, рыболовство и связанная с ними деятельность</i>	24,50	25,10	29,40	29,6	28,90	29.2	32.9	34.9		
Добыча	159.3	192.3	229.8	254.5	319.2	221.7	251.9	289.9	285.2	нта
<i>Добыча нефти и газа</i>	106.6	128.7	148.2	163.2	218.8	138.1	156,00	174.2		
<i>Добыча, за исключением нефти и газа</i>	31,1	36.3	41.1	41.8	44.7	45.1	51.1	58.4		
<i>Вспомогательные виды деятельности в горнодобывающей промышленности</i>	21,7	27,3	40.6	49.5	55.7	38.5	44.8	57.3		
Коммунальные услуги	208	205.9	236	248.6	257.7	264.7	284.5	297.9	304.3	нта
Строительство	554.2	612.5	651	653.8	614.2	542.9	523.3	529.5	558.7	нта
Производство	1482.7	1569.3	1648.4	1698	1628.5	1540.1	1630.5	1731.5	1866.7	нта
<i>Товары длительного пользования</i>	822	878.3	921.3	939.9	904.1	787	866.7	910.1	1000.2	
• <i>Изделия из дерева</i>	31,7	33	30,1	28,2	24,5	20	22,2	22,9		
• <i>Неметаллические минеральные продукты</i>	42.6	45.3	45.3	44.2	37.9	32.8	31,8	32.8		
• <i>Основные металлы</i>	52.2	53.8	59.9	58.4	59.8	35.8	42.7	49.9		
• <i>Готовые металлические изделия</i>	112.7	120.5	125.1	133.4	131.3	113.4	115.2	122.3		

Продолжение таблицы А.1

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Тип сектора
• <i>Машины</i>	100.5	109.5	116.2	124.7	125,00	108.6	117.5	131.8		
• <i>Компьютеры и электронные продукты</i>	159.6	183.5	199.2	197.9	208.4	208	235.8	227		
• <i>Электрооборудование, приборы и комплектующие</i>	39	39.9	45.5	45.7	49.6	44.4	42.3	46.8		
• <i>Автомобили, прицепы и их части</i>	117.4	112.5	107	102.2	68.1	27,2	64.8	76.5		
• <i>Другое транспортное оборудование</i>	67.3	76.3	81.7	92.3	91.1	89	87.1	93.9		
• <i>Мебель и сопутствующие товары</i>	31,1	34.3	36.5	34.4	29,3	24,3	24,3	25,9		
• <i>Другие виды производства</i>	68	69.7	74.8	78.5	79 2	83.4	82.9	80.2		
<i>Товары краткосрочного пользования</i>	660.6	691	727.1	758.1	724.4	753.2	763.8	821.3	866.5	
• <i>Продукты питания и напитки и табачные изделия</i>	168.5	172	180.9	178,00	186.4	229.1	219.1	215		
• <i>Текстильные заводы и текстильное производство</i>	26,9	23,5	20,9	21,2	22,3	18,3	19	18,2		
• <i>Одежда и изделия из кожи и сопутствующих товаров</i>	16,4	16	15,4	14,7	13,3	11,9	11,8	11,8		
• <i>Бумажная продукция</i>	54.2	53.9	59.5	58.7	51.6	60.6	53.9	53.2		
• <i>Печать и связанная с ней деятельность</i>	37	37.5	37.9	38.6	36.8	31.6	30,9	31,7		
• <i>Нефть и угольные продукты</i>	106.2	139.3	140.1	154.2	150	101.9	126.7	169.4		
• <i>химическое производство</i>	187	183.2	207.1	223	204.5	233.6	236	253.5		
• <i>Пластмассы и резиновые изделия</i>	64.4	65.7	65.3	69.6	59.4	66.3	66.4	68.6		
Оптовая торговля	684.2	725.5	769.7	816.7	824.1	766.3	799	845.1	897.9	та
Розничная торговля	795.1	837.6	875.8	887.9	848.6	846.8	876	905.7	949.1	та

Продолжение таблицы А.1

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Тип сектора
Транспортировка и складирование	347	369.5	394	464.9	415	396.6	422.6	447.9	469.3	нта
<i>Воздушный транспорт</i>	56.1	55.7	59.7	60,20	59.9	59.4	66.1	69.6		
<i>Железнодорожные перевозки</i>	24,3	27	30,6	31,7	35.1	31	32.2	36.7		
<i>Водный транспорт</i>	8,3	8,9	11,7	12,8	14,3	13,9	13,8	14,5		
<i>Автомобильные перевозки</i>	110.7	119.6	125.3	127.2	122,3	114.8	119.8	126,00		
<i>Транзит и наземный пассажирский транспорт</i>	20,9	21,2	22,5	24,00	25,3	26,7	27,2	27,7		
<i>Трубопроводный транспорт</i>	11,5	10,4	11,3	12,5	16,1	13,2	17,2	21,1		
<i>Другой транспорт и вспомогательная деятельность</i>	83.9	92,00	96.3	96.9	100.8	94.9	102.8	106.8		
<i>Складирование и хранение</i>	31,3	34.8	36.6	39.6	41,3	42.8	43.5	45.6		
Информационная деятельность	558.8	586.5	590.6	635.5	636.8	604.8	612.2	646.6	690.6	нта
<i>Издательская индустрия (включая программное обеспечение)</i>	140.1	149.9	134.1	156.3	144.7	131.8	140,00	144.3		
<i>Киноиндустрия и звукозапись</i>	55.1	55.3	58.6	61.6	59.1	57.3	58.9	60.2		
<i>Радиовещание и телекоммуникации</i>	288.2	310.7	315.5	345.5	357.2	340.7	336.8	363.9		
<i>Информационные услуги и обработка данных</i>	75.4	70.6	82.4	72.1	75.9	75	76.4	78.2		
Финансы, страхование, недвижимость, аренда и лизинг	2400.4	2598.8	2765.3	2857,00	2916.6	2941.8	3021.8	3058.1	3168.6	
<i>Финансы и страхование</i>	919	1019.4	1092.7	1080,00	1041.5	1093.6	1157.3	1159.3	1242.3	та
• Банковская деятельность, кредитное посредничество и связанные с ними виды деятельности	431.7	467.8	478.7	470.6	497.8	506.4	558.7	544,00		
• Ценные бумаги, товарные контракты и инвестиции	144	183,00	214.5	184.7	145.1	173	180.6	178.8		

Продолжение таблицы А.1

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Тип сектора
• Страховые компании и связанная с ними деятельность	312.7	333.6	363.6	388.8	345.6	388.1	383.8	397.6		
• Фонды, трасты и другие финансовые механизмы	30,7	35	35.8	35.9	52.9	26,2	34,2	38.9		
Недвижимость и аренда и лизинг	1481.4	1579.4	1672.6	1777	18753	1848.3	1864.5	1898.8	1926.3	
• Недвижимость	1338.8	1426.6	1488.8	1590.1	1671.5	1662	1676.8	1701,00		
• Аренда и лизинг нематериальных активов	142.6	152.8	183.8	186.9	203.7	186.2	187.7	197.9		
Профессиональные и бизнес-услуги	1347.5	1460.2	1567.2	1697.6	1783.2	16933	1769.6	1883.9	1952.4	та
Профессиональные, научные и технические услуги	808.7	870.3	947.5	1024.7	1100.2	1045.8	1084	1151.5	1192.3	
• Юридические услуги	177.6	191	198	210.6	224.4	200.7	204	209.2		
• Проектирование компьютерных систем и сопутствующие услуги	119.3	131.1	1443	161.1	170.2	174.1	183.1	198.1		
• Разные профессиональные, научные и технические услуги	511.8	548.2	6053	653	705.7	671.1	696.9	744.1		
Управление компаниями и предприятиями	203.3	218.4	234.5	257.7	263.2	248.2	262.7	283.6	295.6	
Административные и услуги по управлению отходами	335.6	371.4	385.1	4153	419.8	399.1	423	448.8	464.5	
• Административные и вспомогательные услуги	300.8	333.7	350,3	376,3	378.5	357.3	376.7	400.7		
• Утилизация отходов	34.8	37.7	34.6	38.9	41,3	41.9	46,3	48.1		
Образование, здравоохранение и социальная помощь	906.1	953.5	1015.3	1076.9	1153.9	1225.6	1269.2	1311.1	1344.7	нта
Службы образования	116	120.2	129.1	137.9	147.6	163.1	166.4	174.2	179.9	
Здравоохранение и социальная помощь	790.1	833.3	8863	939	10063	1062.4	1102.7	1136.9	1164.8	
• Амбулаторное медицинское обслуживание	380.9	405.7	431,3	455.8	487.2	509.8	542.1	559.5		

Продолжение таблицы А.1

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Тип сектора
• Больницы и уход, учреждения интернатного типа	341.5	354.9	378,3	399.9	431.6	4613	465.1	480.4		
• Социальная помощь	67.8	72.8	76.7	83.3	87.5	91,3	95.6	97		
Искусство, развлечения, отдых и продукты питания	458.7	485.4	512.4	549	537.3	525.4	558	591.1	624.9	нта
Искусство, развлечения, отдых	114.7	118.9	127.7	137,3	132.4	130.6	139.4	148	153.3	
• Исполнительское искусство, Зрелищные виды спорта, музеи, и соответствующие мероприятия	63.6	65.5	69.8	75.1	74.8	75,3	78.8	83		
• Развлечения, азартные игры, и иная деятельность по организации отдыха	51.2	53.3	58	62.1	57.6	55.4	60.6	65		
Жилье и продовольственные услуги	344	366.5	384.7	411.7	404.9	394.8	418.6	443.1	471.6	
• Жилье	101.6	110.1	115,3	125.1	119,3	101.1	108.6	119.1		
• Общественное питание и питейные заведения	242.4	256.4	269.4	286.6	285.6	293.7	310	324		
Другие услуги, кроме государственных	300.8	313	331.6	343.8	342.7	344.4	356	369.9	376.7	
Государственное управление	1507.7	1585.9	1667.8	1759.9	1854.4	1917	1966.6	1993.8	20263	та
Федеральное	478.4	501.8	526.5	552,3	580.9	613	647,3	658.1	668.3	
Государственное управление	412	438.7	460.6	486	517.7	553,3	589,3	607		
Государственные предприятия	66.4	63.1	65.9	66,20	63,3	59.8	57.9	51.1		
Правительство штатов и местное	1029.3	1084.1	1141,3	1207.6	1273.5	1304	1319.5	1335.8	1357.9	
Государственное управление	947.3	997.7	1051.3	1118.6	1180.3	1208.6	1222.5	1235.4		
Государственные предприятия	81.9	86.4	90	89.1	93,3	95.4	97	100,30		

Таблица А.2 – Итоговые показатели объёмов и долей транзакционных и нетранзакционных отраслей в ВВП США

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доля транзакционного сектора в ВВП, млрд. руб.	6734,9	7208,0	7645,8	8019,1	8226,9	8165,1	8433,0	8686,6	8994,2
Доля транзакционного сектора в ВВП, %	56,82	57,10	57,16	57,16	57,56	58,43	58,16	57,62	57,34
Доля нетранзакционного сектора в ВВП, млрд. руб.	4817,5	5102,0	5400,0	5665,7	5722,0	5464,2	5709,8	6019,0	6313,0
Доля нетранзакционного сектора в ВВП, %	40,6	40,4	40,4	40,4	40,0	39,1	39,4	39,9	40,2

Приложение Б

(справочное)

Структура ВВП России

Таблица Б.1 – Структура ВВП России с точки зрения транзакционных и нетранзакционных отраслей 2004-2012гг.

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Тип отрасли
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	31407,837	33410,5	36134,6	39218,7	41276,8	38048,6	39762,2	41468,4	42895,9	
в том числе:										
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	26952,746	28567,8	30835,4	33438,3	35182,7	32809,6	34150,3	35473,8	36668,1	
в том числе:										
Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	1257,1903	1260,79	1293,81	1314,18	1421,77	1446,6	1255,76	1454,44	1392,35	нта
Лесное хозяйство, лесозаготовки и предоставление услуг в этих областях	77,413737	78,1999	81,4005	79,574	64,8078	62,0108	70,2861	67,6625	73,2847	нта
Рыболовство, рыбоводство и предоставление услуг в этих областях	72,437554	64,5717	67,1513	66,5581	62,6864	66,18	60,1302	62,6006	63,5693	нта
Добыча каменного угля, бурого угля и торфа	227,77424	232,263	248,482	229,837	242,853	216,519	248,884	270,698	276,506	нта
Добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях	2786,6971	2845,55	2717,51	2649,94	2657,7	2630,28	2780,71	2820,48	2832,9	нта
Добыча урановой и ториевой руд	4,1745541	4,29389	4,45895	4,38399	4,78887	4,15597	4,23357	4,40854	4,53936	нта
Добыча металлических руд	224,52849	222,953	223,74	229,218	244,147	233,81	263,89	293,078	304,715	нта
Добыча прочих полезных ископаемых	120,39813	115,059	130,197	134,723	135,141	122,331	127,073	132,347	135,147	нта
Производство пищевых продуктов, включая напитки	715,95236	742,207	792,194	844,677	859,197	849,16	849,861	841,905	868,874	нта
Производство табачных изделий	37,652462	43,2568	43,9369	39,2998	40,762	40,7562	51,1251	50,5613	51,7807	нта
Текстильное производство	47,446884	38,4916	43,8801	43,1729	40,7697	34,3818	37,9149	34,3745	34,6627	нта
Производство одежды; выделка и крашение меха	60,397402	56,8773	60,8721	59,5555	56,3886	44,2058	51,4117	51,4334	49,6744	нта
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	16,585234	15,3364	18,355	18,3253	18,5927	17,3295	20,0935	20,6002	18,4304	нта
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	100,85153	113,616	117,042	127,196	127,937	100,334	107,413	110,343	114,338	нта
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	62,0165	64,8876	68,2928	83,4625	79,894	80,3837	83,0381	82,5109	85,1242	нта
Издательская полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	128,54089	134,336	151,258	161,344	156,714	117,396	122,63	119,549	119,16	нта
Издательская деятельность	82,055147	87,2578	99,4898	106,27	100,022	73,4058	73,9315	73,9115	72,5841	
Полиграфическая деятельность и предоставление услуг в этой области; копирование записанных носителей информации	46,034603	47,0701	51,9257	55,2732	56,6918	43,9901	49,1488	45,8893	46,7739	
Производство кокса; производство нефтепродуктов	982,25969	1096,72	1136,01	1239,58	1243,41	1216,63	1243,7	1320,84	1369,89	нта
Химическое производство (без производства пороха и взрывчатых веществ)	473,15791	493,267	492,518	501,429	498,761	498,898	548,772	583,266	591,91	нта
Химическое производство (без производства пороха и взрывчатых веществ) исключая производство фармацевтической продукции	430,11761	449,442	444,091	450,438	452,896	449,037	494,166	529,395	525,643	
Производство фармацевтической продукции	43,105053	44,1819	47,5884	49,7214	45,865	49,861	54,7028	55,8372	64,6885	
Производство резиновых и пластмассовых изделий	79,228942	81,7638	96,2975	106,802	131,563	108,516	126,055	140,899	151,769	нта
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	286,36781	305,111	349,621	424,854	406,681	296,12	328,734	363,601	383,495	нта
Металлургическое производство	940,96749	963,733	1046,6	1053,21	957,303	791,916	860,731	907,537	901,982	нта
Производство готовых металлических изделий	93,649423	109,79	123,607	150,248	162,634	126,965	149,427	156,948	171,329	нта
Производство машин и оборудования (без производства оружия и боеприпасов)	303,65721	316,254	348,754	429,327	414,313	236,664	258,475	290,697	305,493	нта
Производство офисного оборудования и вычислительной техники	7,045894	7,4655	10,0865	14,6119	12,4285	8,42978	9,13346	8,59637	12,2319	нта

Продолжение таблицы Б.1

Производство электрических машин и электрооборудования	137,97941	139,238	141,502	141,488	132,126	95,1263	120,758	123,29	125,975	нта
Производство электрических машин и электрооборудования без производства изолированных проводов и кабелей	111,81447	118,078	118,158	121,647	112,768	80,7563	102,171	103,308	105,143	
Производство изолированных проводов и кабелей	26,131159	19,9159	22,644	20,0065	19,3577	14,37	19,0018	20,8229	21,9432	
Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи	66,879843	72,2579	75,9891	70,2522	62,8966	43,6399	50,3886	54,4729	56,878	нта
Производство электро- и радиоэлементов, электровакуумных приборов; производство телевизионной и радиопередающей аппаратуры, аппаратуры электросвязи	60,069486	62,4954	64,9946	58,8307	52,1648	36,3497	40,2493	42,2655	43,6811	
Производство аппаратуры для приема, записи и воспроизведения звука и изображения	5,6497904	9,456	10,5995	11,1344	10,7318	7,2902	10,3279	12,4467	13,54	
Производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов	103,16569	106,71	110,528	114,913	114,809	80,8635	96,3245	91,0647	96,7858	нта
Производство медицинских изделий, включая хирургическое оборудование и ортопедических приспособлений; производство приборов и инструментов для измерений, контроля, испытаний, навигации, управления и прочих целей; производство приборов контроля и регулиро	89,341406	92,8706	98,9221	105,248	105,372	74,1633	88,6438	84,1307	89,7581	
Производство оптических приборов, фото- и кинооборудования; производство часов и других приборов времени	17,999624	17,6775	13,3807	9,70883	9,43679	6,70026	7,66764	6,8888	6,88608	
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	121,32222	113,781	131,425	155,403	137,311	61,2687	111,618	161,252	181,056	нта
Производство судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств	224,71908	219,086	207,847	209,439	222,885	186,459	205,314	205,996	206,429	нта
Строительство и ремонт судов	76,106351	83,0486	82,1927	62,9204	68,6976	57,1058	40,3015	29,632	28,4826	
Производство летательных аппаратов, включая космические	95,925682	85,8122	75,6374	83,5819	87,2959	82,8144	109,63	113,622	101,972	
Производство железнодорожного подвижного состава (локомотивов, трамвайных моторных вагонов и прочего подвижного состава); производство мотоциклов и велосипедов; производство прочих транспортных средств и оборудования, не включенных в другие группировки	57,426553	55,4611	54,5856	62,2026	66,8914	46,5388	64,2138	73,5122	88,7785	
Производство мебели и прочей продукции, не включенной в другие группировки	79,568158	89,0607	100,418	98,825	104,39	76,1024	79,0756	79,2501	78,1874	нта
Прочая продукция обрабатывающих производств	170,69009	173,806	178,896	197,087	182,165	151,471	184,697	205,42	216,26	нта
Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	905,08122	915,38	961,009	930,102	938,035	894,014	930,406	933,867	933,373	нта
Производство, передача и распределение электроэнергии	665,47887	675,655	713,732	703,555	680,144	644,198	685,616	690,8	692,206	
Производство и распределение газообразного топлива	55,326666	56,2843	69,8336	67,6676	88,3612	84,8007	75,2398	71,0109	68,6197	

Продолжение таблицы Б.1

Производство, передача и распределение пара и горячей воды (тепловой энергии)	183,33373	182,839	179,341	161,222	169,529	165,015	169,745	172,181	172,746	
Сбор, очистка и распределение воды	103,31418	101,664	101,946	96,3541	95,9327	91,552	94,9773	96,7229	98,102	нта
Строительство	1426,395	1572,08	1772,85	2003,47	2225,33	1898,16	1982,3	2071,63	2113,96	нта
Торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт (без розничной торговли моторным топливом)	259,45851	321,938	397,702	481,945	596,863	348,829	418,986	452,968	497,495	та
Оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	2849,1966	3045,48	3489,57	3820,4	4146,84	4074,12	4302,9	4376,59	4681,98	та
Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования; розничная торговля моторным топливом	1569,1118	1731,89	1933,17	2199,5	2394,03	2297,64	2395,51	2529,68	2655,87	та
Деятельность гостиниц и ресторанов	242,80619	265,326	286,248	325,272	357,969	304,462	324,239	335,936	351,994	нта
Деятельность сухопутного, водного, воздушного и космического транспорта; вспомогательная и дополнительная транспортная деятельность (включая деятельность туристических агентств)	2081,8865	2155,27	2328,37	2364,1	2444,72	2145,69	2284,33	2454,87	2518,54	нта
Деятельность сухопутного транспорта	1587,4579	1646,48	1725,35	1701,33	1702,83	1489,84	1575,15	1686,56	1711,74	
Деятельность водного транспорта	43,757378	40,7572	38,4704	38,8332	39,3805	36,189	33,0449	31,1513	30,4023	
Деятельность воздушного и космического транспорта	85,120433	85,399	92,902	111,539	101,152	90,07	96,266	107,634	120,71	
Вспомогательная и дополнительная транспортная деятельность	351,75777	374,022	471,455	514,735	601,354	529,586	578,113	625,295	647,531	
Связь	492,14638	556,624	638,871	735,543	813,559	833,173	857,178	888,005	909,912	нта
Финансовое посредничество	453,8528	612,07	811,814	1092,44	1301,82	1373,98	1346,86	1375,58	1606,73	та
Страхование	168,71767	196,286	206,694	229,682	212,569	173,529	209,053	234,801	232,178	та
Вспомогательная деятельность в сфере финансового посредничества и страхования	18,650049	20,9736	25,3697	28,9813	23,4636	13,9972	18,0442	22,0844	22,7468	та
Операции с недвижимым имуществом	917,12179	991,883	1157,41	1312,53	1562,11	1627,48	1855,27	1997,86	2054,62	та
Аренда машин и оборудования без оператора; прокат бытовых изделий и предметов личного пользования	165,88048	206,63	218,266	204,745	239,499	220,864	201,973	199,661	244,269	нта
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	88,334485	115,414	142,54	187,158	215,058	197,067	204,797	205,052	227,906	нта
Научные исследования и разработки	368,6981	380,546	413,989	446,036	445,961	433,745	490,487	514,114	506,096	нта
Предоставление прочих видов услуг	863,67847	1000,27	1023,4	1427,94	1496,75	1303,15	1252,35	1309,63	1389,17	та
Деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием; деятельность в области архитектуры; инженерно-техническое проектирование; геолого-разведочные и геофизические	767,07551	866,315	848,5	1179,36	1259,13	1070,12	1005,09	1049,86	1110,83	
Трудоустройство и подбор персонала; проведение исследований и обеспечение безопасности; чистка и уборка производственных и жилых помещений, оборудования и транспортных средств; предоставление различных видов услуг	98,112171	135,331	174,806	248,396	237,621	233,034	247,917	260,326	278,773	
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	1817,3712	1719,38	1761,93	1830,06	1884,4	1883,42	1878,46	1816,12	1802,67	та
Образование	953,35179	956,388	961,024	971,469	970,664	957,097	940,222	932,214	932,878	нта

Продолжение таблицы Б.1

Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1137,6662	1156,65	1173,3	1186,71	1197,84	1195,59	1199,38	1216,03	1251,8	нта
Сбор сточных вод, отходов и аналогичная деятельность	61,049093	57,3983	54,5262	61,8169	61,6802	57,8121	63,0926	65,5503	67,8748	нта
Деятельность общественных объединений	74,725949	60,9434	61,0467	61,7746	64,7213	62,4225	61,6926	60,6295	57,6385	нта
Деятельность, связанная с производством, прокатом и показом фильмов; деятельность в области радиовещания и телевидения	93,243742	98,453	109,54	111,205	128,548	102,603	114,923	121,559	119,631	нта
Прочая зрелищно-развлекательная деятельность; деятельность информационных агентств; прочая деятельность в области культуры; деятельность в области спорта; прочая деятельность по организации отдыха и развлечений	242,80894	266,674	295,878	330,47	313,789	222,938	200,713	200,612	198,573	нта
Предоставление персональных услуг	34,180093	39,7596	42,6643	47,7021	52,7233	51,4054	69,475	61,4834	66,4045	нта
Деятельность домашних хозяйств с наемными работниками; деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров для собственного потребления; деятельность частных домашних хозяйств по предоставлению услуг для собственного пользования							0,03908	0,03665	0,03666	нта
Налоги на продукты	4740,8405	5071,57	5515,44	6016,19	6323,85	5454,9	5789,67	6153,55	6387,18	
Субсидии на продукты	272,71065	226,35	215,032	234,385	229,698	215,916	171,869	146,089	146,089	
Чистые налоги на продукты	4441,4069	4841,46	5298,81	5780,05	6094,15	5238,99	5623,71	6014,23	6247,23	

Таблица Б.2 – Итоговые показатели объёмов и долей транзакционных и нетранзакционных отраслей в ВВП США

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доля транзакционного сектора в ВВП, млрд. руб.	8918,7	7922,2	9045,1	10593,2	11734,4	11212,7	11799,6	12299,8	13141,2
Доля транзакционного сектора в ВВП, %	28,4	23,7	25,0	27,0	28,4	29,5	29,7	29,7	30,6
Доля нетранзакционного сектора в ВВП, млрд. руб.	19083,6	19853,9	20817,8	21718,5	22219,3	20329,8	21199,8	22173,1	22583,4
Доля нетранзакционного сектора в ВВП, %	60,7	59,4	57,6	55,4	53,8	53,4	53,3	53,5	52,6